76
1010

О-38285
И 76/1010

1812

РАЗСКАЗЫ

ОЧЕВИДЦЕВЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ.

Собранные

Т. ТОЛЫЧОВОЙ.

(Е. В. НОВОСИЛЬЦОВОЙ.)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9.
1912.

И 76/1010

РАЗСКАЗЫ

ОЧЕВИДЦЕВЪ

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ.

СОБРАННЫЕ

Т. ТОЛЫЧОВОЙ

(Е. В. Новосильцовой).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА — 1912.

Типографія
Г. ЛИССНЕРА и Д. СОБКО,
МОСКВА,
Крестовоздвиженскій, 9.
1912.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. Н. Крупской
82056-50

2007059271

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му изданію 1873 года.

Намъ извѣстенъ, большею частію по устному преданію, частный бытъ московскихъ жителей двѣнадцатаго года. А между тѣмъ число очевидцевъ занятія Москвы французами теперь уже очень незначительно, и малѣйшія свѣдѣнія о томъ времени тѣмъ для насъ дороже, что черезъ нѣсколько лѣтъ не останется, вѣроятно, ни одного свидѣтеля самой драматической и самой славной страницы нашей исторіи. Вотъ почему я собиралъ тщательно всѣ подробности, дошедшія до меня, и, въ ожиданіи другихъ разсказовъ, если мнѣ удастся ихъ слышать, передаю тѣ, которые уже записалъ. Читатель встрѣтитъ въ нихъ повторенія, но, желая сохранить каждому эпизоду его цѣльность, я не позволилъ себѣ ихъ выбросить. Всѣ эти разсказы носятъ, болѣе или менѣе, одинъ и тотъ же характеръ; иначе и быть не можетъ; однако каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенность, и они составляютъ въ массѣ всестороннюю и полную картину Москвы двѣнадцатаго года. Изъ нихъ мы видимъ, какъ въ это время жили среди развалинъ пылающаго города и въ его окрестностяхъ, какъ жили въ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ искали убѣжища, наконецъ, какъ жили въ подвалахъ и подъ открытымъ небомъ.

Я принималъ не безъ разбора предлагаемые мнѣ разсказы, я записывалъ ихъ со всею возможною добросовѣстностью, но легко

можетъ быть, что послѣ столькихъ лѣтъ память немного измѣнила моимъ разсказчикамъ, и что въ переданные ими факты вкрались ошибки. Все, что̀ относится къ двѣнадцатому году, принадлежитъ исторіи, и я приму съ благодарностью всякое замѣчаніе, сдѣланное мнѣ по поводу моего труда.

Т. Т.

I.

Занятіе французами Дѣвичьяго монастыря.

(Этотъ разсказъ я слышалъ отъ монахини Дѣвичьяго монастыря, матери Антонины [въ міру Аграфена]. Она была крѣпостная Апраксиныхъ, которые отдали ее въ монастырь для обученія женскимъ работамъ. Проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, она пожелала постричься, на что и получила разрѣшеніе отъ господъ. Въ двѣнадцатомъ году она была уже шестнадцатилѣтнею дѣвушкой.)

Я попала смолоду въ монастырь и жила въ услуженіи у матушки-игуменьи. Звали ее Меѳодія Ивановна, а по фамиліи Якушкина. Какъ бывало пойдетъ она къ заутренѣ или ко всенощной, я несу предъ ней фонарь, если темно на дворѣ. Вотъ разъ идемъ это мы, помнится на самое Усѣкновеніе главы Предтечи, я съ фонаремъ впереди, да вдругъ вижу изъ-за церкви, горитъ огненный снопъ на небѣ. Я «Ахъ!» и чуть не уронила фонарь. А матушка идетъ за мной, да «Что ты? Что съ тобой?» Какъ шагнула она раза три впередъ, такъ и увидала звѣзду, и долго на нее смотрѣла. Я спрашиваю: «Матушка, что это за звѣзда?» Она говоритъ: «Это не звѣзда, это комета». А я опять спрашиваю: «Что такое за комета? Я, матушка, и слова такого не слыхивала». Матушка говоритъ: «Такія явленія на небеси Богъ посылаетъ предъ бѣдой».

Что ни вечеръ, горѣла на небѣ комета, и мы все разсуждали: какую же бѣду она съ собой ведетъ?

Нѣсколько мѣсяцевъ все было покойно, а тутъ заговорили вдругъ о войнѣ; слышно стало, что Бонапартъ ведетъ на насъ неслыханную силу, и стали всѣ готовиться къ походу.

Привезли къ намъ изъ Смоленска икону Божіей Матери и поставили ее въ Архангельскій соборъ. Матушка-игуменья была изъ Смоленска, большую вѣру къ этой иконѣ имѣла, и очень обрадовалась, когда узнала, что ее въ Москву привезли*).

— Пойдемте, — говоритъ, — всѣ поклониться Заступницѣ.

Собрались мы, идемъ за матушкой по улицѣ, словно полкъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ народу видимо-невидимо; на площади даже еле-еле продерешься, въ особенности много женщинъ, и всѣ плачутъ. Какъ стали мы подходить къ иконѣ одна за другой, прочіе-то, что тутъ стояли, видятъ — конца монашенкамъ не будетъ, даже одна барыня закричала: «Хоть бы насъ эти рясы пропустили: не ихъ мужья, а наши головы подъ пули несутъ!»

На другой день матушка ѣздила къ преосвященному Августину, и просила его, нельзя ли ей поднять святую икону, чтобы Царица Небесная нашу обитель посѣтила. Вѣдь и основанъ монастырь во имя Смоленской Божіей Матери, и наша икона списана съ этой самой, что въ Смоленскѣ. Какъ прослышали, что мы Заступницу ждемъ, что къ намъ народу сбѣжалось и съ Дѣвичьяго поля, и съ сосѣднихъ улицъ. Встрѣтили икону за монастырскими воротами и обносили ее около всѣхъ стѣнъ.

Никакъ дня два послѣ Бородинскаго сраженія, присылаетъ за матушкой преосвященный Августинъ. Поѣхала она къ нему на подворье. А мы ужъ всего боялись: думаемъ, зачѣмъ это архіерей матушку вызвалъ. Пока мы тутъ толкуемъ, видимъ, она назадъ ѣдетъ. Всѣ мы ее обступили, — она такая добрая, простая была, и спрашиваемъ: что да что? Матушка говоритъ: «Ну, видно, плохо дѣло: приказалъ преосвященный укладывать всю утварь и ризницу: онъ пришлетъ завтра лошадей съ телѣгами. Приказалъ онъ еще, чтобъ и я была готова въ дорогу. Куда онъ все отправитъ, туда и я должна ѣхать съ монастырскимъ добромъ».

---

*) Икона Смоленской Божіей Матери была три мѣсяца въ русскомъ лагерѣ, отъ 6-го августа до 6-го ноября. Эту ли самую икону привозили на время въ Москву изъ лагеря, или копію съ нея, не знаю. *Прим. г. Т. Н.*

Стали мы живо все укладывать, а какъ сняли со стѣны икону Смоленской Божіей Матери да положили ее въ ящикъ, монахини поклонились ей на прощанье да такъ всѣ голосомъ и завыли: «На кого, говорятъ, она, Заступница, насъ покидаетъ!» Матушка и говоритъ: «Если вы ужъ такъ по иконѣ убиваетесь, я вамъ ее, пожалуй, оставлю, только ризу надо будетъ снять». А онѣ говорятъ: «Нѣтъ, матушка, ужъ берите ее, мы ея на поруганіе злодѣямъ не выдадимъ».

Все уложили къ вечеру, и ждемъ. На разсвѣтѣ съ архіерейскаго подворья были присланы три подводы, и поставили на нихъ все добро. Матушка-игуменья приказала монастырь казначеѣ Сарѣ Николаевнѣ, а насъ уговаривала не унывать и положиться на Царицу Небесную, потомъ простилась съ нами и уѣхала со своей келейницей. Она благословила также всѣхъ монахинь оставить монастырь, если захотятъ, и всѣ почти молоденькія разъѣхались, кто къ роднымъ, кто къ знакомымъ. Остались здѣсь старушки, а молодыхъ очень мало. Какъ всѣхъ мы проводили, такъ припрятали свое добро. У насъ въ кузницѣ подвалъ, и поставили мы въ него всѣ наши сундуки, а входъ заложили кирпичами, такъ какъ самая кузница изъ кирпичей сложена.

На другой день послѣ матушкинаго отъѣзда были у насъ въ монастырѣ военныя похороны, очень богатыя. Какъ засыпали могилу и стали расходиться, какой-то старый генералъ остановился, посмотрѣлъ на насъ и спрашиваетъ: «Неужели вы здѣсь останетесь? Французъ идетъ: на что же вы надѣетесь?» Сара Николаевна показала ему четки и говоритъ: «Вотъ на что надѣемся».

Протоіерей нашъ, Алексѣй Ивановичъ Гречишинъ, перебрался къ намъ въ монастырь, а у себя на квартирѣ кухарку оставилъ. Она этакая бойкая была, ничего не боялась. Въ самый понедѣльникъ, второе сентября, у насъ еще къ вечернѣ не ударяли, вдругъ бѣжитъ батюшка отъ воротъ, блѣдный какъ полотно, и кричитъ: «Идетъ! Французъ идетъ по Можайкѣ!» Въ одну минуту разнеслось это извѣстіе по монастырю: мы всѣ бросились за ворота. По полю бѣжитъ народъ; одинъ кричитъ: Бонапартъ пришелъ, а кто говоритъ: не онъ, а наши союзники. Батюшка говоритъ: «Пойдемте въ церковь Преображенія, оттуда видна

Можайка какъ на ладони». А церковь Преображенія стоитъ надъ воротами. Мы всѣ туда, и прямо къ окнамъ; глядимъ: усыпана Можайка войскомъ что саранчой; штыки и мундиры такъ и горятъ на солнцѣ. Толпились мы въ этой церкви, пока не стемнѣло: уйдешь, побродишь по монастырю, и опять къ Преображенію. Смотримъ мы, а все-таки не знаемъ, други ли, недруги ли къ намъ пришли, съ тѣмъ и спать улеглись, что молъ Богъ дастъ завтра.

Во вторникъ ранехонько прибѣгаетъ батюшкина кухарка впопыхахъ. «Отцы свѣты, говоритъ, нагрянули къ намъ солдаты, меня чуть не прибили, всѣхъ нашихъ куръ переловили». Вотъ тебѣ и союзники! Потомъ, кто къ намъ въ монастырь ни заглянетъ, всѣ разсказываютъ, что пришлое войско страшно нашихъ обижаетъ. Батюшка говоритъ: «Дѣлать нечего; запереть монастырскія ворота!» И заперли.

На другой же день слышимъ мы шумъ на полѣ и крикъ. Мы опять въ церковь Преображенія, взглянули въ окно, да такъ и обмерли. Передъ монастырскими воротами стоитъ множество солдатъ, — должно-быть, цѣлый полкъ, и двѣ пушки выдвинуты. Видимъ, гибель наша неминуема. Кто въ слезы, кто сталъ на колѣни, и молится. Вдругъ вбѣжалъ къ намъ одинъ изъ нашихъ сторожей и кричитъ: «Батюшка! Матушка-казначея! прикажите ворота скорѣй отпереть: одинъ французъ, должно-быть, съ наружной-то стороны лѣстницу подставилъ, да на веревкѣ сюда и спустился. Размахиваетъ руками, показываетъ, что если не отопремъ, они сейчасъ изъ пушекъ палить станутъ. Онъ, окаянный, за мной идетъ». Батюшка говоритъ: «Отворять скорѣй ворота!» Пошли за ключами, а казначея приказала всѣмъ молодымъ монахинямъ итти скорѣй въ матушкину келлію и тамъ запереться. Пока шла у насъ суматоха, прибѣжалъ другой сторожъ, звали его Ѳедоромъ, и говоритъ: «Гдѣ рогатина? Я на нихъ что на медвѣдей пойду: хоть одного положу». А батюшка ему говоритъ: «Ты этого не смѣй: только на насъ больше еще бѣдъ накличешь! Подождемъ, что̀ Богъ дастъ».

Мы побѣжали въ матушкину келлію. Между тѣмъ отперли ворота, и вошли къ намъ трое непріятелей. Ихъ встрѣтили священникъ съ казначеей да двѣ еще старыя монахини. Священникъ спросилъ у нихъ по-латыни, чего они хотятъ. Командиръ ихъ

что ли, звали его Задэра (имя-то его я запомнила, потому онъ послѣ у насъ стоялъ*), спрашиваетъ: кто здѣсь живетъ? Батюшка говоритъ: «Здѣсь монастырь, и кромѣ монахинь никого нѣтъ, а я — здѣшній священникъ». А Задэра ему говоритъ: «Вашъ монастырь съ своими башнями похожъ на крѣпость, панъ пасторъ (онъ и послѣ все звалъ батюшку панъ пасторъ), и мы въ него пострѣлять собирались; хорошо, что вы ворота отперли!» И велѣлъ онъ, чтобъ имъ показали монастырь. Батюшка съ казначеей и старыя монахини повели ихъ все осматривать. А мы всѣ забились въ одну комнату, да изъ окошекъ-то видимъ, кой-гдѣ мелькаютъ, а тутъ прошли за церковь да, словно, и пропали. До смерти хочется намъ узнать, что̀ тамъ дѣлается, и рѣшились мы выйти да посмотрѣть. Отперли дверь, да какъ стали одна за другою выходить, подбѣжала къ намъ старушка-монахиня, она добрая была, да только такая ворчунья. «Куда? — говоритъ: — сейчасъ назадъ! Вы ужъ и рады на военныхъ-то поглазѣть, срамницы этакія! Вишь, какъ всѣ раскраснѣлись! Путныя-то поблѣднѣли бы отъ страха». А мы говоримъ: «Помилуйте, Аксинья Никитична, какъ тутъ не раскраснѣться: заперли насъ что сельдей въ боченокъ! Просто, не продохнешь; здѣсь хоть тресни, не поблѣднѣешь». Она насъ еще пуще разбранила и заперла опять въ келлію.

Непріятели осмотрѣли нашъ монастырь и ушли. Проводивъ ихъ, батюшка приходитъ къ намъ и говоритъ: «Они хотятъ въ монастырь попкъ поставить. Неизвѣстно, какое намъ испытаніе Господь готовитъ: какъ бы насъ смерть врасплохъ не застала? Не пріобщиться ли намъ?» А мы говоримъ: «Что̀ жъ, батюшка, мы рады, а тамъ на волю Божію». — «Хорошо! — батюшка говоритъ. — Всего теперь по обряду мы исполнить не можемъ, а пусть каждая изъ васъ правило сама прочтетъ и помолится, а заутреню я отслужу въ соборной церкви».

Онъ ушелъ, а мы стали готовиться. Страшно было, потому каждая знала, что, можетъ, въ послѣдній разъ сподобитъ ее Господь пріобщиться Святыхъ Таинъ. Заутреню мы выслушали

*) Несмотря на увѣреніе старушки, что она запомнила имя, я сильно подозрѣваю, что это имя слегка искажено, но передаю его, какъ слышалъ отъ нея.

въ соборѣ. По окончаніи службы батюшка вышелъ къ намъ и говоритъ: «Время дорого: некогда мнѣ теперь васъ исповѣдывать, а исповѣдайте сами ваши прегрѣшенія предъ Господомъ: Онъ приметъ ваше покаяніе, и я съ вами помолюсь».

Онъ сталъ на колѣни предъ царскими дверями, и мы всѣ за нимъ. Въ церкви слышны были одни только рыданія. Помолившись, батюшка всталъ, обернулся къ намъ и благословилъ насъ всѣхъ со словами: «Отпускаются вамъ прегрѣшенія ваши: идите съ миромъ!» Потомъ онъ приказалъ намъ собираться въ больничную церковь, что̀ во имя Амвросія Медіоланскаго; онъ хотѣлъ тамъ отслужить обѣдню, потому что церковь маленькая, низенькая, и если бы пришли непріятели въ монастырь во время совершенія литургіи, то ужъ, вѣрно, обошли бы сперва другіе храмы, такъ какъ они скорѣй въ глаза бросятся. Въ церкви было темно: только необходимыя горѣли свѣчи, и, можетъ, не столько за этою обѣдней дошло до Бога молитвенныхъ словъ, сколько слезъ. Всѣ мы пріобщились и вышли изъ церкви съ заплаканными глазами.

Мы были очень утомлены, потому что всю ночь пробыли на ногахъ. Шла со мной рядомъ пожилая ужъ монашенка и говоритъ мнѣ: «На тебѣ лица нѣтъ, зайди-ка ко мнѣ! У меня вчерашнія щи въ печкѣ стоятъ; поѣшь и лягъ спать».

Какъ поѣла я щей, она уложила меня, и такъ я крѣпко заснула! Вдругъ, чувствую, она меня будитъ. «Не пугайся, говоритъ, Аграфенушка, а встань! Наши кельи описываютъ».

Я вскочила, гляжу въ окно: опять ходятъ по монастырю непрошенные гости, все тѣ же, что̀ вчера, и опять батюшка съ ними. Всѣ келліи они переписали, и велѣлъ Задора, чтобы мы себѣ пять келлій выбрали, а остальныя, говоритъ, намъ нужны. Распорядились они такимъ манеромъ, и уѣхали. Батюшка и Сара Николаевна отобрали пять келлій, и всѣ мы туда перешли; тѣсненько, разумѣется, намъ было, да ужъ это куда ни шло! Подъ воротами была у насъ еще одна келлія: жила тамъ Порфирія Егоровна Ершова, Александровская игуменья, ужъ она на покоѣ была, да Милюкова, да Черевина, Агаѳья Семеновна; всѣ онѣ старушки.

И говорятъ онѣ: «Мы своей кельи не отдадимъ, потому они у насъ не были, можетъ, ея не примѣтили подъ воротами. Не выйдемъ

мы на старости лѣтъ изъ своего гнѣзда». Такъ онѣ въ этой кельѣ и остались.

Цѣлыхъ два дня было у насъ все спокойно: французъ не показывался. По вечерамъ горѣли у нихъ огни на Дѣвичьемъ полѣ а они сидѣли кучками около костровъ и варили себѣ ужинъ, да пѣсенки попѣвали, а кругомъ все ходили *бикеты*.

Разъ стали въ ворота стучать. Сторожъ отперъ, отворилъ немножко одну половинку, заглянулъ, видитъ — стоятъ трое. Онъ ихъ и спрашиваетъ: «Чего вамъ?» А они показываютъ какой-то кулекъ, объясняютъ, чтобъ его спрятали, а сами кланяются и приговариваютъ: «добри! добри!» Да взяли этотъ кулекъ, швырнули его черезъ ворота и ушли. Мы сейчасъ его развязали, посмотрѣть, что̀ въ немъ, да такъ и ахнули! Лежитъ тамъ риза иконы Неопалимой Купины, что̀ церковь-то около поля стоитъ. Это они, окаянные, ободрали икону, да къ намъ и принесли спрятать. Сара Николаевна сейчасъ этотъ кулекъ взяла, гдѣ она его берегла, не знаю, а французы за нимъ не приходили, и какъ они отъ насъ ушли, мы его возвратили, куда слѣдуетъ.

Въ самый день, какъ они вошли въ Москву, стали кой-гдѣ пожары показываться. Мы сперва-то не очень испугались, не думали, что вся Москва выгоритъ, а тутъ, видимъ, ужъ очень разгулялся огонь, все онъ растетъ да растетъ, и разлился онъ по Москвѣ что̀ море, и словно повисла надъ Москвой огненная шапка. Мы говоримъ: «Батюшка, коли пожаръ до насъ доберется, куда мы дѣнемся?» Батюшка говоритъ: «Выйдемъ на столбовую и пойдемъ, куда глаза глядятъ, а не выпустятъ насъ непріятели, сядемъ около нашей церкви и будемъ ждать воли Господней. Вѣдь ужъ мы приготовились».

Въ самое Рождество Богородицы слышимъ мы стукъ въ ворота и крикъ. Побѣжали отпирать, а мы поскорѣй въ свои кельи, и видимъ, повалили они къ намъ одинъ за другимъ, что ихъ и не перечтемъ, и повозки въѣхали съ кладью; значитъ, они къ намъ на житье пожаловали; да мало того, что сами пришли, и мамзелекъ своихъ къ намъ привезли: сидятъ онѣ на навьюченныхъ повозкахъ и поглядываютъ. Задэра опять тутъ. Батюшка ему объяснилъ, что вотъ это молъ, пять келій мы себѣ оставили. Начальники сейчасъ расположились, кто въ какой кельѣ, и стали всю

кладь выгружать. Пока они хлопотали, нѣсколько солдатъ разсыпались по монастырю: иныя кельи обшарили, и что̀ въ нихъ оставалось, подобрали, да оставались-то въ нихъ самыя развѣ бездѣлицы. Мы сидимъ у себя ни живы ни мертвы; вдругъ, видимъ, ведутъ къ намъ подъ руки нашихъ старушекъ, что̀ подъ воротами-то укрыться хотѣли. Открыли ихъ тамъ, и велѣли убираться: мы, говорятъ, итакъ отдали вамъ пять келій. Онѣ, бѣдныя, идутъ всѣ въ слезахъ. Мы, разумѣется, еще потѣснились, отвели имъ мѣсто особое, а сами вповалку на полу спали. Какъ увидали онѣ, что къ нимъ непріятели идутъ, то попрятали наскоро свое добро куда попало: Агаѳья Семеновна посовала за пазуху дюжину серебряныхъ ложечекъ. А солдаты, какъ вошли, да увидали, что въ кельѣ-то все вверхъ дномъ стоитъ, сейчасъ догадались, что добро все еще тутъ, и давай вездѣ обшаривать, да и самихъ-то старушекъ обыскивать хотѣли. Агаѳья Семеновна съ сердцемъ вынула свои ложки изъ-за пазухи и бросила имъ: «Берите, говоритъ, окаянные, грабьте, пока Господь терпитъ».

Вдругъ прибѣжала къ намъ Ѳедосья, наша коровница, огромный мѣшокъ держитъ въ рукахъ. Набила она въ него всякой всячины и хотѣла спрятать, да не успѣла: французъ его увидалъ и хотѣлъ отнять. Она пустилась бѣжать, а французъ за ней. Прибѣжала она къ намъ, живо влѣзла на печку и мѣшокъ за себя засунула. А французъ ужъ какъ тутъ и былъ, и прямо къ печкѣ. А печка-то высокая такая была. Какъ онъ подошелъ да собрался тоже на нее влѣзть, Ѳедосья схватила его за плечи и толкнула назадъ. Здоровая такая была баба! Онъ такъ и грянулся навзничь. Пока онъ на полу-то барахтался, она соскочила да въ дверь, добѣжала тропинкой и спряталась подъ соборъ, туда, гдѣ склепъ; какъ онъ вышелъ да хотѣлъ опять за ней, глядь, — а ея и слѣдъ простылъ. Цѣлый день она подъ соборомъ просидѣла, не пила, не ѣла, а добро свое спасла. Какъ ужъ совсѣмъ стемнѣло, пришла она къ намъ, и говоритъ: «Дайте хоть хлѣба да водицы, совсѣмъ въ горлѣ пересохло».

Приходили и къ намъ французы, и просили хлѣба, масла и вина, ужъ выучились, какъ и назвать. Сара Николаевна объясняетъ имъ, что у насъ ничего теперь этого нѣтъ, а они все свое.

Какъ одни уйдутъ, другіе придутъ и требуютъ себѣ опять вина, хлѣба и масла. И говоритъ Сара Николаевна: «Какъ быть, пришлось теперь на нихъ угождать: надо имъ масла сбить и хлѣба испечь». Сбили мы масла большой кусокъ — вѣдь у насъ славныя были коровы, и на другой день поутру хлѣбъ сдобный, отличный испекли. Какъ вынули его изъ печки, Сара Николаевна отнесла его вмѣстѣ съ масломъ въ келью, гдѣ ихъ генералъ стоялъ; приходитъ она къ нему, а у него въ первой-то комнатѣ сидитъ молодой человѣкъ, секретарь ли, адъютантъ его что ли, а только видно, что подчиненный ему. И въ этой комнатѣ стоятъ нѣсколько цыбиковъ чаю, и сахару головъ десять. Сара Николаевна объясняетъ молодому этому, что вина у насъ нѣтъ, а хлѣбъ и масло передала ему. Онъ сейчасъ взялъ и понесъ къ генералу, потомъ приходитъ отъ него и кланяется, благодаритъ. А она показываетъ на чай и объявляетъ, что мы, молъ, монахини, тоже чай любимъ. Онъ, какъ это разобралъ, что̀ она говоритъ, сейчасъ опять къ генералу, и какъ вышелъ изъ его комнаты, позвалъ двухъ солдатъ и велѣлъ имъ цѣлый цыбикъ чаю къ намъ отнести. Этотъ генералъ оставался у насъ дня два или три, все онъ ходилъ по монастырю и что-то записывалъ, потомъ уѣхалъ, и мы его больше не видали, а остался здѣсь вмѣсто его другой начальникъ.

Надо по совѣсти сказать, настоящіе-то французы очень добры. Гдѣ стащатъ, а гдѣ и своимъ подѣлятся. А ихъ пришельцевъ въ народѣ пуще собакъ ненавидѣли: въ нихъ жалости нѣтъ. Не даромъ ихъ прозвали: *безпардонное войско*. Всѣ на нихъ жаловались, а намъ грѣшно сказать, у насъ стояли не одни французы, тоже и поляки, и насъ не обижали, все потому что ихъ начальникъ, Задэра-то, грѣха боялся. Въ тотъ самый день, какъ они у насъ поселились, онъ вошелъ въ больничную церковь, а мы, какъ пріобщались, такъ и оставили на алтарѣ крестъ серебряный, Евангеліе и чарку съ теплотой: батюшка-то не успѣлъ прибрать. А Задэра все это взялъ и принесъ къ Сарѣ Николаевнѣ: «на, говоритъ, пани», и показываетъ, что за всѣхъ солдатъ отвѣчать нельзя. А батюшку просилъ, что если, молъ, мои солдаты васъ обижать станутъ, вы мнѣ жалобу принесите. Однако батюшка ему не сказалъ, что они въ первый-то день пошалили, потому, говоритъ, еще и не то могли бы сдѣлать.

И французскій начальникъ тоже батюшку призывалъ, и говорилъ ему, что не позволитъ своимъ грабить, или какое притѣсненіе намъ дѣлать. И говоритъ ему: «Что̀ намъ надо, мы тоже стѣсняться не можемъ, а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу свою справлять». А батюшка ему говоритъ: «Мы бы рады, да намъ для совершенія литургіи требуется красное вино и пшеничная мука, а у насъ теперь все вышло». — «Если вы желаете, — говоритъ ихъ генералъ, — я вамъ всего пришлю. Намъ даже будетъ очень пріятно, что вы свою службу справлять будете».

Батюшка его поблагодарилъ, а онъ въ тотъ же день прислалъ ему муки и вина бутылки три, и что̀ ни воскресенье, что̀ ни праздникъ, была у насъ обѣдня въ соборной церкви. Церковь мы всегда запирали, и ключъ у насъ. А въ другихъ-то церквахъ они жили и со своими мамзельками, потому что имъ мало было келій. Въ самыхъ алтаряхъ даже спали, а на престолахъ обѣдали. Въ больничной церкви стояла большая икона Всѣхъ явленій Божіей Матери; на деревѣ писаная и безъ оклада. Одна изъ нашихъ старушекъ заказала ее на свои трудовыя деньги и пожертвовала въ церковь. Эту икону французы сняли со стѣны и употребляли вмѣсто стола. А старушка, которая ее пожертвовала, тутъ же въ больницѣ жила. Какъ увидала она, что на ея икону они шапки свои ставятъ да сабли кладутъ, такъ и закричала: «Боже мой! Боже мой! что̀ это они, злодѣи, дѣлаютъ!» Они это услыхали, поняли, нѣтъ ли, въ чемъ дѣло, я не знаю, а только разсмѣялись и стали ее передразнивать. Съ тѣхъ поръ, какъ бывало ее встрѣтятъ, такъ сейчасъ: «Бози мо! Бози мо!» Очень мы скорбѣли о томъ, что они къ нашимъ храмамъ никакого уваженія не имѣли. А батюшка, бывало, говоритъ: «Ужъ какое уваженіе, если они ихъ въ жилье обратили! Что̀ они дѣлаютъ по невѣдѣнію, то имъ Богъ проститъ, лишь бы они добровольнаго кощунства не творили». Въ нашей трапезѣ лежали ихъ больные. Сара Николаевна и наши старушки за ними ходили. И они ихъ такъ, бывало, благодарятъ; скажутъ: «Русски добри, добри!»

Въ двѣнадцать часовъ пополудни били у нихъ въ барабанъ, и всѣ они собирались, и тутъ была имъ раздача вина: каждый получалъ по чаркѣ.

Часто имъ тоже начальники смотръ дѣлали. Помню, послѣдній имъ смотръ былъ въ Сергіевъ день*). Мы шли отъ обѣдни, а они тутъ маршировали. И эта обѣдня была послѣдняя предъ ихъ уходомъ. Послѣ Сергіева дня приходилось еще воскресенье, а почему службы не было, не помню.

Сначала-то мы очень ихъ дичились. Особливо молодыхъ отъ нихъ прятали. Разъ сидимъ мы, три молоденькія монашенки, съ Сарой Николаевной, и видимъ въ окно, идетъ капитанъ, что̀ у насъ стоялъ: его всѣ такъ и звали капитаномъ. Если что̀ нужно, онъ всегда хаживалъ къ батюшкѣ, и всѣ ихъ надобности ему объяснялъ. Какъ, бывало, онъ придетъ, мы всѣ, молодыя, куда-нибудь спрячемся, а на этотъ разъ уйти некуда; въ комнатѣ двѣ двери: въ одну броситься, какъ разъ ему навстрѣчу попадешься, а другая къ батюшкѣ въ комнату, а знаемъ, что капитанъ туда и идетъ. Сара Николаевна сейчасъ подняла доску съ подполья, у насъ тутъ подвалъ былъ, и приказала намъ туда спуститься. Я сошла да еще другая, а третья-то не успѣла, а Сара Николаевна надѣла на нее поскорѣй свою шапку и спустила ей на лицо черное покрывало. Капитанъ, какъ вошелъ, прямо къ ней, знать догадался, поднялъ покрывало, засмѣялся, и показываетъ, что она хорошенькая. Случись тутъ на бѣду мальчишка лѣтъ двѣнадцати, сынъ сторожа, и говоритъ онъ сдуру: «А вотъ здѣсь сидятъ двѣ еще краше», а самъ показываетъ на подполье. Сара Николаевна послѣ-то сказывала, что такъ она и обмерла, да, слава Богу, французъ не понялъ и прошелъ мимо.

А потомъ ужъ мы съ ними сжились, и бояться ихъ перестали. Бывало, которая-нибудь изъ насъ заложитъ лошадь и поѣдетъ за капустой въ огородъ, а они смѣются и кричатъ намъ вслѣдъ: «Добри кони! добри кони! добри кони!» Иныя слова выучились по-русски кое-какъ выговаривать, и никого изъ нашихъ не обижали. Была у насъ одна монахиня, какъ ихъ, бывало, встрѣтитъ, такъ въ глаза выругаетъ, а они — ничего. Пошла она разъ къ колодцу воды накачать, а французъ подошелъ, и хочетъ ей помочь ведро поднять. Какъ она на него! «Станемъ мы, говоритъ, послѣ твоихъ поганыхъ рукъ воду пить! Убирайся, окаянный, а не

*) 25-го сентября.

то я тебя съ ногъ до головы оболью!» и тутъ кулакомъ на него погрозила да ухватилась обѣими руками за ведро, и показываетъ, что обольетъ его. Вѣдь другой какъ бы, кажется, осерчалъ, а онъ разсмѣялся и отошелъ.

Приносили они намъ часто полотна имъ бѣлье шить. Сами принесутъ, либо ихъ мамзельки, и платили такъ хорошо. Въ цѣнѣ хоть не уговаривайся: знаешь, что не обидятъ. Мы у нихъ много денегъ заработали.

Собирались они у насъ зимовать, и стали къ намъ возить запасы муки, овса, ржи, вина и разныхъ разностей. У насъ же брали, чего жители не успѣли отъ нихъ спасти или истребить. Все это капитанъ батюшкѣ сказывалъ. Запасы свои держали они на церковной паперти да въ конюшнѣ, а гдѣ ихъ лошади стояли, того я не помню, — пожалуй даже, что не въ самомъ монастырѣ. А бочки съ порохомъ были у нихъ подъ соборомъ, гдѣ склепъ, и стояли тутъ день и ночь караульные.

Иной разъ, какъ ударятъ у насъ къ обѣднѣ, они придутъ посмотрѣть, и не только тѣ, что̀ у насъ стояли, а приходили и посторонніе. Помню я, разъ стоимъ мы въ церкви: вдругъ входитъ одинъ (они послѣ-то сказывали, что это ихъ полицмейстеръ)*) и прямо на матушкино мѣсто. Насъ, молодыхъ, такой смѣхъ разбираетъ, что это у насъ новая игуменья, а старшія-то смотрятъ и намъ грозятъ.

А тутъ еще самъ Наполеонъ къ намъ пріѣзжалъ. Послали меня разъ на скотный дворъ за молокомъ. Иду я оттуда и кувшинчикъ несу, и вижу, у нашихъ французовъ идетъ такая суматоха, и всѣ они къ воротамъ бѣгутъ. Я остановила одного, мы его знали, и спрашиваю эдакъ: «Что̀ молъ, случилось, мусьё?» А онъ только рукой замахалъ, и пробѣжалъ дальше. Вдругъ, вижу, въ ворота въѣзжаетъ на сѣрой лошади военный, толстоватый и важный такой изъ себя, въ треугольной шляпѣ; ужъ мы послѣ-то узнали, что это самъ Бонапартъ, а за нимъ цѣлая свита, должно-быть, все генералы. И поѣхали они по всему монастырю, и кругомъ храмовъ объѣзжали. Нѣсколько разъ они останавливались, и онъ съ ними что-то говорилъ, и поѣхали назадъ тѣмъ же порядкомъ.

---

*) Полицмейстеромъ въ Москвѣ былъ назначенъ *Лесепсъ*.

Незадолго предъ тѣмъ, какъ имъ отъ насъ уходить, начали они вездѣ канавки рыть отъ церкви и къ церкви и около стѣнъ. Остановимся, бывало, и спрашиваемъ у нихъ, что̀ они дѣлаютъ, а они показываютъ, что сами не знаютъ, что имъ такъ велѣно. Вдругъ прошелъ слухъ, что Бонапартъ собирается всю Москву подорвать и всѣхъ русскихъ перерѣзать. Пошелъ батюшка къ французскому генералу и говоритъ ему, что такъ и такъ, молъ, вотъ какіе слухи ходятъ. А генералъ ему говоритъ: «Уходите отсюда и молитесь за своихъ!» Батюшка эти его слова намъ пересказалъ. Всѣ старшія монахини, да и изъ молодыхъ которыя, говорятъ: «Мы дали Богу обѣтъ здѣсь жить и умереть: да будетъ Его воля, мы отсюда не уйдемъ». А на двухъ напалъ такой страхъ, что онѣ собрались въ путь: не хотѣлось имъ умирать. Жила у нихъ родня въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, въ сельцѣ Раменкѣ, и думали они туда уйти. Сара Николаевна позвала меня и приказала итти съ ними: «Тебя, говоритъ, повѣрили матушкѣ, а матушка, какъ уѣзжала, приказала, чтобъ я тебя не оставляла: иди съ Богомъ!» Собираться было намъ не долго: мы съ собой ничего не брали; какъ сидѣли, такъ и ушли; какъ теперь помню, было это въ самое воскресенье. То-то мы плакали, какъ прощались со своими! Вѣдь прощались съ ними какъ съ покойниками: такъ и думали, что ужъ Богъ не приведетъ намъ свидѣться.

Въ заставу-то мы, разумѣется, не пошли, а перебрались черезъ валъ, да какъ вышли на поле, такъ сердца въ насъ и замерли: вездѣ разбросаны человѣческія тѣла и мертвыя лошади. Идемъ мы и все посматриваемъ кругомъ: лишь кто гдѣ покажется, мы сейчасъ же къ землѣ приляжемъ, потому не знаемъ, на кого набредемъ, да ползкомъ и пробираемся дальше. Долго мы шли, и ужъ какъ обрадовались, когда увидали Раменку! А тамъ тоже перебивались со дня на день: ѣли жженую пшеницу. Около нихъ сгорѣля мельница, а обожженная пшеница-то и осталась. Чѣмъ сами пробивались, тѣмъ и насъ накормили. Прожили мы тамъ дней пять. Разъ улеглись спать, а спали мы на чердакѣ, какъ вдругъ раздался такой взрывъ, что мы чуть съ чердака не слетѣли. Всю Избу точно приподняло съ земли и потрясло. Въ потьмахъ-то съ испугу, бросаемся по всѣмъ угламъ, дверей не отыщемъ. Какъ вышли на дворъ, взглянули на Москву; стоитъ надъ ней красная

шапка, а шума не слыхать, словно все замерло. Тутъ что-то опять загрохотало, до двухъ разъ, и опять замолкло. Ну, думаемъ, это нашъ монастырь взорвали, да такъ и захлебнулись отъ слезъ. Всю ночь мы проплакали, а какъ разсвѣло, пустились мы въ обратный путь. Говоримъ: «Ужъ, должно-быть, злодѣи ушли, невинныхъ-то погубили, а сами погибнуть не захотѣли; а мы, по крайности, поклонимся хоть тѣламъ-то своихъ да узнаемъ, не спасся ли хоть кто-нибудь». Ушли мы, да какъ добрались до села Троицкаго — оно на полдорогѣ отъ Москвы, — глядимъ, стоитъ невредима наша колокольня. Думаемъ: «Господи! Неужели нашъ монастырь уцѣлѣлъ?» Прибавили мы шагу, идемъ и толкуемъ дорогой, точно ли онъ уцѣлѣлъ, или одна колокольня отъ него осталась. А ужъ какъ увидали мы, что монастырь стоитъ на мѣстѣ, такъ себя отъ радости не вспомнили. Вошли въ ворота, и видимъ, непріятелей ужъ нѣтъ, а всѣ наши къ намъ бѣгутъ навстрѣчу, всѣхъ Господь спасъ, и поразсказали онѣ намъ, какія безъ насъ страсти были.

Получили наши французы приказаніе отъ насъ выступать, собрались они скорехонько, и вышли изъ монастыря уже къ вечеру. Видятъ наши, что они собираются, да такъ и обмираютъ: что̀ молъ съ нами будетъ? Какъ собрались они совсѣмъ, да подошли къ воротамъ, ихъ генералъ говоритъ батюшкѣ: «Уходите скорѣй и молитесь!» И приказалъ одному изъ солдатъ зажечь винную бочку что̀ около собора стояла: они ужъ впередъ ее тутъ поставили. Какъ вспыхнуло вино, они всѣ вонъ, а наши смотрятъ, не знаютъ со страха что̀ дѣлать и только Бога призываютъ на помощь. Да вдругъ опомнились и бросились вытаскивать изъ склепа пороховыя бочки, и стали ихъ заливать водой. Слава Богу, что въ склепѣ-то нѣсколько ходовъ! А вино все выгорѣло и разлилось по землѣ, да, къ счастью, на дворѣ было тихо, и огненные ручьи заливали, не дали имъ добѣжать до деревянныхъ строеній. Какъ съ этою бѣдой покончили, бросились по кельямъ и церквамъ, гдѣ стояли непріятели. Тамъ, во многихъ мѣстахъ, была разложена солома, а въ нее воткнуты зажженныя свѣчи. Богъ помиловалъ: все успѣли погасить.

Вышли они отъ насъ на самаго Іакова Алфеева, 9-го октября; а взрывъ, что̀ мы слышали, былъ въ Кремлѣ, дня два спустя.

Запасовъ они у насъ много оставили: какъ оглядѣлись послѣ ихъ ухода, пріѣхала полиція и все забрала.

Уже давно думали въ нашей зимней церкви устроить придѣлъ Іоанну Богослову, и былъ онъ уже совсѣмъ готовъ вчернѣ. Какъ вернулась матушка въ ноябрѣ, посовѣтовалась она съ нашимъ священникомъ, и просила у архіерея позволенія этотъ придѣлъ поставить во имя святаго Іакова Алфеева, въ память того дня, какъ ушли отъ насъ непріятели. И каждый годъ празднуется у насъ этотъ день. Служатъ благодарственный молебенъ и обходятъ монастырь крестнымъ ходомъ.

II.

IMPRIMERIE IMPÉRIALE DE LA GRANDE ARMÉE.

(Одинъ изъ членовъ семейства Всеволожскихъ передалъ мнѣ слѣдующія, къ сожалѣнію, слишкомъ краткія воспоминанія о двѣнадцатомъ годѣ.)

Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій, одинъ изъ екатерининскихъ вельможъ, жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, и жилъ какъ бары того времени. На его широкомъ дворѣ стояли два дома: въ одномъ онъ поселился самъ, а въ другомъ — сынъ его, человѣкъ уже семейный, Николай Сергѣевичъ, всѣмъ извѣстный и всѣми любимый въ московскомъ обществѣ. Для безчисленной дворни было выстроено значительное число людскихъ, и въ огромномъ саду стояли великолѣпныя оранжереи. Дочь Сергѣя Алексѣевича, княгиня Мещерская*), желая поселиться ближе къ отцу, купила сосѣдній ему домъ, принадлежащій теперь г. Мальцову, и семейство Всеволожскихъ образовало родъ колоніи на Дѣвичьемъ полѣ. Москвичи любуются еще до сихъ поръ на бывшій домъ княгини, но не осталось и слѣда отъ сада и домовъ, принадлежавшихъ ея отцу.

*) Софья Сергѣевна Всеволожская была замужемъ за Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ.

Сергѣй Алексѣевичъ, какъ многіе жители Москвы, былъ обманутъ обѣщаніями графа Растопчина, не вѣрилъ до послѣдней минуты, что столица можетъ быть занята французами, и несмотря на увѣщанія семейства и друзей, объявилъ наотрѣзъ, что не выѣдетъ изъ Москвы. Николай Сергѣевичъ, вышедшій въ отставку съ Георгіевскимъ крестомъ еще послѣ первой войны съ французами, рѣшился не покидать отца, но отправилъ свое семейство, съ няньками, гувернантками и многими изъ своихъ приживальщиковъ и приживалокъ, въ свое владимирское имѣніе. Между тѣмъ Москва пустѣла съ каждымъ днемъ. Бородинскія пушки уже прогремѣли. Княгиня Мещерская собралась въ путь со всѣми своими, но въ минуту отъѣзда ей стало страшно удалиться отъ отца. Она пришла къ нему въ своемъ дорожномъ платьѣ и начала его умолять ѣхать съ ней. Онъ отказывался. «Какъ скоро такъ, батюшка, — сказала княгиня, — то и я здѣсь останусь». Это слово сильно подѣйствовало на старика. Онъ согласился. «Время дорого, — замѣтила она, — экипажи уже заложены, надо выѣхать сейчасъ». Людямъ было приказано собираться, не теряя минуты. Поднялась по дому обычная въ такихъ случаяхъ суматоха и бѣготня, и черезъ часъ послѣ разговора съ дочерью Сергѣй Алексѣевичъ, въ своей дорожной шинели и шапкѣ, показался на крыльцѣ, держа въ рукѣ высокую трость. У подъѣзда толпились, чтобы проститься съ господами, всѣ дворовые, остававшіеся въ Москвѣ; семейство усѣлось въ запряженные цугами экипажи и выѣхало со двора, сопровождаемое возгласами: «Донеси васъ Богъ! Дай Богъ въ добрый часъ!»

Прошло два-три дня, и роковая вѣсть прогремѣла по улицамъ Бѣлокаменной: «Наполеонъ въ Москвѣ!» Дворовые Всеволожскихъ собрались на совѣщаніе, и съ общаго приговора было принято рѣшеніе вырыть въ саду норы, куда могли бы укрыться женщины и дѣти, если французы придутъ въ домъ. Всѣ вооружились лопатами, пошли въ садъ, гдѣ отыскали удобное мѣсто подъ кустами, и вырыли норы. Лишь только работа была окончена и дворовые возвратились въ свои людскія, на улицѣ послышался конскій топотъ, и толпа французовъ въѣхала на дворъ. Они соскочили съ лошадей и вошли въ пустые дома, гдѣ заняли квартиры.

Въ то время было не много типографій въ Москвѣ, и Николай Сергѣевичъ Всеволожскій завелъ свою, для которой выстроилъ около своего дома большое зданіе. При этой типографіи онъ держалъ нѣсколько французовъ; они работали подъ руководствомъ Семена, который завелъ впослѣдствіи свою типографію и свой извѣстный книжный магазинъ. Предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву, графъ Растопчинъ выслалъ изъ столицы нѣкоторыхъ изъ жившихъ здѣсь французовъ: онъ подозрѣвалъ ихъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Полиція хватала ихъ вездѣ, сажала на барки и отправляла по теченію Оки въ Макарьевъ и въ Нижній. Тамъ ихъ помѣстили въ казенные сараи, гдѣ они существовали, большею частію, благотворительностью добрыхъ людей. Былъ схваченъ и Семенъ, но многіе изъ его соотечественниковъ остались при типографіи Николая Сергѣевича.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ ожидалъ у Дорогомиловской заставы «московскихъ бояръ», за которыми отправилъ одного изъ своихъ генераловъ, несчастный посолъ скакалъ напрасно по московскимъ улицамъ, и возвратился къ императору съ горстью жившихъ въ Москвѣ французовъ. Между ними находился одинъ изъ типографщиковъ г. Всеволожскаго. Его звали г. Ламуръ (M. Lamour). Онъ былъ страстный поклонникъ Наполеона и обрадовался случаю взглянуть на своего героя. Наполеонъ выслушалъ нахмурясь докладъ возвратившагося изъ Москвы генерала, и спросилъ, давно ли, однако, городъ опустѣлъ. «Можно бы узнать отъ этихъ господъ, — продолжалъ онъ. — Позовите одного изъ нихъ». «L'empereur désire parler à l'un de vous, Messieurs»*), сказалъ генералъ, возвышая голосъ. Ламуръ подбѣжалъ первый, съ лицомъ сіяющимъ при мысли, что онъ удостоится говорить съ великимъ человѣкомъ. «Sire, — началъ онъ, низко кланяясь, — j'ai bien l'honneur...»**) Наполеонъ его быстро перебилъ: «Depuis quand la ville est elle déserte? — спросилъ онъ: — depuis quand les autorités l'ont elle quittée?»***) Обрадованный Ламуръ пустился въ подробный разсказъ: «Les Moskovites ont été saisis d'une

*) Императоръ желаетъ говорить съ однимъ изъ васъ, господа.

**) Государь, я имѣю честь...

***) Давно ли городъ пустъ? Давно ли его покинуло начальство?

panique à la nouvelle de l'approche triomphale de Votre Majesté, et la ville a été désertée en peu de jours. Le gouverneur général comte Rastopchine a été le dernier à la quitter. Des gens bien intormés m'ont assuré qu'il n'a arrété son projet de départ que le 31 aout»*).— «Avant l'affaire de la Moscova! — воскликнулъ Наполеонъ: — quel conte bleu!»**) и прибавилъ, повернувшись къ нему спиной: «Imbecile!»***)

Ламуръ совершенно растерялся и не вдругъ понялъ, что̀ навлекло на него высочайшую немилость. Живя въ Россіи, онъ привыкъ считать по старому стилю, и не сообразилъ, что наше 31-е августа соотвѣтствовало для Наполеона 12-му сентября. Бѣдняга никогда не могъ простить себѣ своей оплошности.

Одинъ изъ его товарищей, г. Гюэ (Huet), принялъ, за отсутствіемъ Семена, начальство надъ типографскими станками и поспѣшилъ рекомендоваться своимъ соотечественникамъ, лишь только они поселились у Всеволожскихъ. Онъ явился къ командиру французовъ и привѣтствовалъ его словами: «Je suis français, vous étés français; embrassons nous, et respectons ce toit, qui nous donne asile»****). Командиръ былъ человѣкъ очень вѣжливый и милый. Эта рѣчь ему полюбилась, онъ обнялъ своего земляка, увѣряя его, что они не желаютъ никого тревожить, и просилъ его успокоить на этотъ счетъ всѣхъ домашнихъ.

Оглядѣвшись на своихъ новыхъ квартирахъ, французы обратили вниманіе на типографію и спросили, что̀ это за зданіе. Ихъ командиръ пожелалъ также узнать, есть ли при типографіи французскіе шрифты, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, убѣдился, что Россія не такой варварскій край, какъ онъ предполагалъ,

---

*) Москвичи были объяты паническимъ страхомъ при извѣстіи о побѣдномъ шествіи вашего величества, и городъ опустѣлъ въ нѣсколько дней. Генералъ-губернаторъ, графъ Растопчинъ покинулъ его послѣдній. Люди съ вѣрными свѣдѣніями увѣряли меня, что онъ принялъ лишь 31-го августа намѣреніе уѣхать.

**) До Бородинскаго дѣла! Что за сказки!

***) Дуракъ!

****) Я французъ, вы французъ; обнимемся и почтимъ кровъ, дающій намъ убѣжище.

и далъ знать въ главный штабъ о своемъ открытіи; «L'Empereur ne se passe guère de son imprimerie»*). И наполеоновскіе бюллетени издавались въ типографіи г. Всеволожскаго, а на воротахъ явилась вывѣска: «Impérilae de la grande armée»**), и было воздвигнуто знамя Наполеоновскаго орла.

Французы проводили время весело: кладовыя и погреба Всеволожскихъ вполнѣ удовлетворяли ихъ гастрономическимъ прихотямъ, а на Кузнецкомъ Мосту нашлось много красавицъ не слишкомъ суровыхъ, которыя охотно перебрались на Дѣвичье поле и увеселяли своимъ смѣхомъ и пѣснями обѣды и ужины своихъ соотечественниковъ. Дворовые были объяты страхомъ, когда французы поселились въ домѣ, и спрятали немедленно своихъ дѣтей и женъ въ приготовленныя заранѣе норы. Въ людскихъ остались одни мужчины. Лишь только наступали сумерки, они накладывали кушанье въ большія чашки и относили его женщинамъ и дѣтямъ, которыя ожидали ихъ въ трепетѣ и слезахъ. Но этотъ порядокъ вещей продолжался недолго. Въ скоромъ времени дворовые убѣдились, что «французъ никого не обижаетъ», и заключенные были выпущены изъ своихъ норъ.

Пока французы тутъ стояли, къ нимъ явился раненый ихъ соотечественникъ, дивизіонный генералъ Кампанъ (Campan). Онъ жилъ въ спальнѣ Николая Сергѣевича и постоянно любовался англійскими часами, стоявшими на каминѣ. «Tudieu! quel bijou que cette pendule!»***) повторялъ онъ часто. Получивъ приказаніе выступать изъ Москвы, онъ призвалъ Гюэ и сказалъ ему: «Vous direz au maitre de céans qu'usant du droit de conquérant je lui enlève cette pendule, mais comme je ne me soucie pas de la prendre gratis je lui laisse mon cheval en échange. C'est une belle jument, dont il n'aura qu'à se louer, bien qu'elle soit blessée comme moi!»****)

---

*) Императоръ не можетъ обойтись безъ своей типографіи.

**) Императорская типографія Великой арміи.

***) Чортъ возьми, что за сокровище эти часы!

****) Вы скажите вдѣшнему хозяину, что, пользуясь правомъ побѣдителя, я похищаю у него эти часы, но, не желая взять ихъ даромъ, оставляю ему взамѣнъ мою лошадь. Это прекрасная кобыла, которою онъ будетъ доволенъ, хотя она ранена, какъ и я.

Эту лошадь Николай Сергѣевичъ назвалъ именемъ ея хозяина, Madame Campan, и когда она оправилась отъ полученной раны, отослалъ ее на свой заводъ и очень цѣнилъ ея потомство.

Несмотря однако на рыцарскія правила г. Кампана и его товарищей, въ домѣ Всеволожскихъ оказались еще другія похищенія. Когда семейство возвратилось, дамы не нашли ни одного головного убора, ни одной ленточки въ своихъ шифоньеркахъ. «Oh, quant à cela, — говорилъ имъ Гюэ, — ces demoiselles s'en sont parées sans façon»*).

Но за исключеніемъ часовъ, обмѣненныхъ на лошадь, и женскихъ нарядовъ, непріятели не унесли съ собой ничего, и Всеволожскіе, по возвращеніи своемъ въ Москву, нашли дома свои въ совершенномъ порядкѣ.

III.

Въ Зубовѣ.

(При Мѣщанскомъ купеческомъ училищѣ Сергіуховской части состоитъ богадѣльня, въ которой живетъ старикъ Андрей Алексѣевъ, изъ купцовъ. Въ двѣнадцатомъ году онъ былъ уже двадцатидвухлѣтнимъ малымъ, но до сихъ поръ бодръ и здоровъ тѣломъ и духомъ, и любитъ разсказывать о «французѣ».)

Въ то время, говоритъ онъ, отецъ уже померъ, и я завѣдывалъ нашимъ лабазомъ, а стоялъ онъ въ Зубовѣ, въ приходѣ Знаменія Божіей Матери. Тутъ же и я жилъ, съ покойною матерью, да съ тремя малолѣтними сестрами. Старшей было всего двѣнадцать лѣтъ.

Стали всѣ мало-по-малу изъ Москвы выбираться, а ужъ послѣ Бородинскаго дѣла и тѣ собрались въ путь, которые совсѣмъ не думали до тѣхъ поръ Москву покинуть. У насъ изъ сосѣдей какъ есть никого не осталось. Инымъ и уйти некуда, а говорятъ: «Все равно, авось Господь не оставитъ, хоть Христовымъ именемъ

---

*) Ol что касается до этого, эти барышни нарядились въ нихъ безцеремонно.

кормиться станемъ на большихъ дорогахъ; а если Бонапартъ хозяйничать станетъ на Москвѣ, намъ здѣсь уже не мѣсто». А матушка-покойница говоритъ: «Хорошо такъ толковать, кто одинъ душой, а у насъ, Андрюша, трое сиротъ, куда мы съ ними пойдемъ? Опять же и свое добро на разграбленіе покинуть не приходится. Останемся здѣсь на власть Божію».

Такъ и рѣшили мы остаться. Подняли три половицы въ нашемъ амбарѣ и спрятали туда сундукъ съ вещами и деньжонками, что̀ дома были. Была также у матушки икона Смоленской Божіей Матери, и всѣ мы къ ней большую вѣру имѣли, да спрятать ее нельзя, потому что въ ней аршина полтора было; въ сундукъ не уложишь. Матушка говоритъ: «Авось она сама за себя, Царица Небесная, заступится, не позволитъ злодѣямъ надъ собой наругаться», и оставили мы ее у себя на квартирѣ.

Убрали мы все, и ждемъ, что̀ Богъ дастъ. Второе сентября, какъ теперь помню, пообѣдали мы, и стою я у нашего лабаза. Вдругъ прибѣжали съ Плющихи человѣкъ пять нашихъ и кричатъ: «Идетъ съ Дорогомиловской заставы несмѣтное войско: либо французъ, либо шведы», потому въ народѣ ходилъ слухъ, что у нашего царя былъ договоръ со шведами, и что обѣщались они прійти къ намъ на помощь. Я забѣжалъ на квартиру, крикнулъ матери, чтобъ она сидѣла дома, и сестеръ бы отъ себя не отпускала, а самъ пустился къ Смоленскому пригорку. Оттуда все видно какъ на ладони, и собралось ужъ на пригоркѣ народа не мало. Видимъ, идетъ войско и конное и пѣшее, конца ему нѣтъ, и знамена несутъ. Долго мы тутъ стояли и смотрѣли: кто говорилъ «шведы», кто — «французъ». Ужъ совсѣмъ смерклось, и они все еще шли, а я вернулся домой и говорю матушкѣ: «Если это точно Бонапартъ, то пропали наши головушки, потому ведетъ онъ съ собой несмѣтную силу». Заплакала матушка и говоритъ: «А кто же коли не онъ, окаянный? Сейчасъ приходили съ той стороны и сказывали, что они нѣкоторые дома ужъ ограбили».

Заняли они Кремль и стали по всей Москвѣ бродить, и къ намъ частехонько заглядывали. Первый разъ, какъ пришли, оглянули комнату и прямо къ иконѣ Заступницы. Содрали они съ нея вѣнчикъ серебряный и рамку серебряную. Стала матушка имъ кланяться и просить, чтобъ они пощадили святую икону, а они

раскричались и на меня замахнулись, какъ я вздумалъ тоже ихъ упрашивать, а сестры бѣдныя такъ испугались, что убѣжали и спрятались на дворѣ.

Только это были не настоящіе французы, а настоящіе-то какъ милосерды! Какъ, бывало, придутъ, мы ихъ сейчасъ узнаемъ по рѣчи да по манерамъ, и не боимся, потому знаемъ, въ нихъ совѣсть есть. А отъ ихъ союзниковъ упаси Боже! Мы ихъ такъ и прозвали: *безпардонное войско*, что ихъ ни просьбой ни слезами не возьмешь. Въ народѣ даже говорили, что ихъ пуля не беретъ. Коли не дѣломъ, такъ ужъ словомъ обидятъ. Что̀ они говорятъ, не поймешь, а слышишь, что ругаются. А французы ужъ, бывало, не обидятъ даромъ. Пришли они разъ и стали вездѣ шарить. Сестры сробѣли и убѣжали изъ комнаты, а сами изъ-за двери выглядываютъ. Какъ они ихъ увидали, сейчасъ позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день, глядимъ, идутъ опять тѣ же самые съ гостинцами: принесли игрушекъ, изъ лавокъ, вѣрно, взяли. Дѣвочки-то радуются, а они, глядя на нихъ, смѣются, и тутъ же съ ними вмѣстѣ играть стали.

Которыя улицы горѣли, оттуда всѣ выбрались, и многіе жили какъ есть подъ открытымъ небомъ. Шелъ я разъ Крымскимъ бродомъ, и вижу, на Орловомъ лугу сидитъ цѣлая толпа народа. Если, бывало, куда надо итти, такъ норовишь ранехонько утромъ, чтобы непріятелямъ не попасться. А встрѣтятъ, бывало, да несутъ что̀, такъ возьмутъ съ собой, чтобъ ты имъ помогалъ. Я раза два французамъ ношу носилъ, такъ они меня съ пустыми руками не отпускали. Захватили они меня разъ, и объясняютъ, чтобъ я имъ показалъ, откуда провизіи достать. Дѣлать нечего, поневолѣ покажешь: своя голова дороже. Повелъ я ихъ въ ряды, а съ ними щупъ: ужъ они дознались, что много добра было зарыто подъ полами да подъ землей, и все пробовали, не найдутъ ли чего. Купецъ Глотовъ зарылъ у себя въ Охотномъ ряду на нѣсколько тысячъ винъ: засыпалъ ихъ землей, потомъ глины наложилъ, а на глинѣ песку цѣлая насыпь. А все же не уцѣлѣли его вина. Охотный рядъ сгорѣлъ, и мало того, что бутылки все перелопались отъ жара, стекло даже сплавилось.

Щупали, щупали мои французы, и ничего не нашли, а что было на виду, то взяли; унесли мы боченокъ съ водкой да съѣстныхъ

припасовъ разныхъ въ кулекъ набрали. Они сейчасъ алё!*) и понесъ я за ними весь этотъ запасъ въ Хамовники. Тамъ они въ чьемъ-то большомъ домѣ стояли. Пока мы идемъ, они все про Бонапарта толкуютъ: показываютъ на голову и объясняютъ мнѣ, что Наполеонъ у... у! Что много, молъ, у него въ головѣ. А я иду да и думаю: «Да будь онъ семи пядей во лбу, чѣмъ онъ васъ кормить-то станетъ? Наши запасы ужъ къ концу подходятъ, а вамъ что-то не видать, чтобъ подвозили. Онъ васъ своими мозгами-то не накормитъ». Какъ донесъ я имъ провизію, они мнѣ сейчасъ изъ того же куля дали большой кусокъ рыбы, сахару откололи, чаю отсыпали и вина поднесли.

Еще носилъ я имъ провизію къ Троицѣ въ Зубовѣ, въ домъ генерала Мерлина. Пришли мы, а ихъ цѣлая толпа за столомъ сидитъ; столъ не покрытъ, а вина и кушанья много на немъ стояло. Вино у нихъ не въ рюмки налито, а все въ стаканы, и шумъ у нихъ идетъ, и разговоръ, — веселые такіе ребята! Какъ мы пришли, стали они разбирать кулекъ, что я принесъ. Лежали тамъ балыкъ да икра паюсная, чудесная. Они меня поблагодарили. Одинъ подошелъ, по плечу потрепалъ и сейчасъ отрѣзалъ икры и балыка, и мнѣ далъ. А я кланяюсь и показываю имъ, что боюсь, какъ бы у меня дорогой подачки не отбили, потому оно зачастую случалось. Добудешь себѣ, бывало, чего-нибудь поѣсть, а пока до дому несешь, у тебя добрый человѣкъ отыметъ. Они разсмѣялись и дали мнѣ двухъ солдатъ, чтобъ они меня домой довели.

Пришли къ намъ разъ два француза, а мы сидимъ за обѣдомъ. Обѣдъ незавидный: щи пустыя матушка сварила да лепешекъ ржаныхъ напекла; однако наши гости тутъ же съ нами поѣли: ужъ имъ тогда плохо приходилось, вся провизія подобралась. Потомъ подошли они къ иконѣ и стали что-то говорить, подсмѣиваются и на нее указываютъ. Вдругъ одинъ вынулъ саблю, да хвать Царицу Небесную въ правый глазокъ. Я сталъ креститься, и руки къ небу подымаю, показываю имъ, что это наша икона, что мы на нее молимся, а матушка горько заплакала. Они взглянули на меня, потомъ на мать, да какъ увидали, что она

*) Allons (пойдемъ)!

плачетъ, сейчасъ говорятъ: пардонъ!*), и вонъ шмыгнули; значитъ, совѣсть есть.

Тутъ еще приходили они къ намъ предъ самымъ своимъ уходомъ. Комнаты обшарили: нѣтъ ничего. Изъ лабаза тоже ужъ послѣдніе мѣшки потаскали, и вздумали половицы подымать. Мы имъ показываемъ, что ничего тутъ нѣтъ, а они поставили-таки на своемъ: подняли половицы, вытащили нашъ сундучокъ, и стали изъ него все выбирать. Матушка имъ въ поясъ кланяется и показываетъ на дѣтей, чтобы надъ ними сжалились, да и дѣвочки-то, какъ увидали, что ихъ праздничныя платьица съ другими платьями забрали, подняли вой. Сейчасъ стали французы куражить сестеръ и мою старушку. Сѣли они на полъ, и подѣлили все наше добро пополамъ. Дѣтскія платья намъ оставили, матушкѣ шубку и мнѣ кафтанъ, даже деньги не всѣ унесли, — намъ часть отдали.

Привелъ меня Богъ въ то время видѣть грѣшное дѣло. Иду я разъ, раннимъ утромъ, по Дѣвичьему полю; хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что̀ теперь Мальцова, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова, по платью, должно-быть, мѣщанинъ, а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: алё! Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобъ онъ и меня не позвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ: алё, и нашъ ему: алё, и манитъ его руками, головой киваетъ, и показываетъ, чтобъ онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ. Французъ за нимъ побѣжалъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу, нашъ подбѣжалъ къ колодцу и машетъ руками, и въ колодецъ показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками, и бросилъ его въ колодецъ. Я слышалъ, какъ вскрикнулъ французъ, и меня точно варомъ обдало. Стою я на своемъ мѣстѣ, словно прикованный. Тутъ, вижу, нашъ вышелъ опять изъ воротъ, пошелъ вдоль забора и остановился около меня. «Что̀, говоритъ, видѣлъ? Хоть однимъ меньше». А я говорю: «За что̀ ты его сгубилъ, вѣдь онъ на тебя не нападалъ?» Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: «Должно-быть,

*) Pardon (простите)!

они у тебя жены не отымали, да никто изъ твоихъ подъ ихъ пулями не стоитъ, да не видалъ ты, что̀ колѣлыхъ лошадей въ нашихъ храмахъ». — «Что жъ, говорю, за ихъ грѣхи да кощунство Господь ихъ накажетъ, а противъ ихъ пуль у насъ свои пули есть, а неповиннаго да безоружнаго намъ губить не показано». Онъ на мои слова не отозвался и ушелъ въ другую сторону, а я не помню какъ домой добрелъ. Всю ночь я заснуть не могъ: все-то мнѣ мерещилось, какъ французъ въ колодцѣ тонетъ.

Наконецъ, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы. Мы видѣли, какъ его войско тянулось по улицамъ. Не въ такомъ видѣ они къ намъ входили. Жаль было на нихъ посмотрѣть: всѣ они оборванные да изморенные; опять же кто въ чемъ попало: одинъ на себя навьючилъ женскую юбку, другой — поповскую ризу; настоящія Святки! Только имъ, сердечнымъ, было не до пляски. Самъ-то Бонапартъ ушелъ, а цѣлый отрядъ здѣсь оставилъ, Кремль взорвать. Мы объ этомъ, разумѣется, не догадались, а чудно намъ было, отчего эти французы остались у насъ гостить, когда всѣ прочіе уже убрались, и чуяло наше сердце, что они что-то недоброе замышляютъ. Я отъ дома далеко не отходилъ, — думаю: неровенъ часъ, что спучится. Въ ту самую ночь, какъ Кремль взлетѣлъ, улеглись мы спать. Вдругъ слышимъ взрывъ. Мы свѣта Божьяго не взвидѣли, и, какъ были, выбѣжали на улицу. Глядимъ, кругомъ все тихо. Постояли, постояли, и пошли опять къ себѣ. На другой день узнаемъ, что злодѣй подорвалъ Кремль. Я пошелъ посмотрѣть: на улицахъ, то и дѣло, мнѣ попадались колѣлыя лошади; лежали и человѣческія тѣла. А какъ вошелъ я въ Кремль, сердце у меня оборвалось. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны были разрушены, а гдѣ стоялъ дворецъ, тамъ лежали груды кирпичей да красные угли. Мало того, что площадь была покрыта известью, листовымъ желѣзомъ, сорваннымъ съ крышъ и кирпичами, они летѣли за Москву-рѣку, и вся Полянка была ими обсыпана. Вездѣ уже очищали и все приводили въ порядокъ. Я вошелъ въ соборы, и тамъ все чистили и обметали. Со слезами поблагодарилъ я Господа, что Онъ избавилъ насъ отъ враговъ. Страшное было время, и теперь вспомнить даже страшно!

IV.

Въ Страстномъ монастырѣ.

(Разсказчица — Настасья Даниловна, дочь управляющаго имѣніемъ барона Алексѣя Григорьевича Корфа. Она получила довольно приличное образованіе съ дѣтства, любила чтеніе и рано пристрастилась къ монашеской жизни. Въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка отецъ рѣшился отвезти ее въ Москву и поручилъ попеченію Рѣдкиной, игуменьѣ Страстного монастыря, матери Тавиѳѣ. Въ этомъ монастырѣ Настасья Даниловна живетъ и теперь. Во время занятія нашей столицы непріятелемъ ей было уже за двадцать лѣтъ.)

Матушка-игуменья рѣшила еще до Бородинскаго сраженія, что если непріятель подступитъ къ Москвѣ, то она уѣдетъ въ Лавру со всѣми молоденькими монахинями, а старшимъ позволила распоряжаться какъ хотятъ: оставаться ли имъ здѣсь, вздумается ли уѣхать куда. Лишь только мы объ этомъ узнали, я написала батюшкѣ, который хотѣлъ прислать за мной лошадь, чтобъ онъ обо мнѣ не безпокоился, потому что мы собираемся къ Троицѣ.

Многіе жители оставили уже Москву. Куда, бывало, ни пойдешь, видишь цѣлые ряды домовъ съ заколоченными ставнями и запертыми воротами. 26-го августа сюда доходилъ глухо пушечный гулъ. Догадывались, что битва, а гдѣ — неизвѣстно, а неизвѣстно, такъ и еще страшнѣе. Потомъ стали привозить сюда бородинскихъ раненыхъ. Помню, у насъ на площади остановился цѣлый поѣздъ: всѣ выбѣжали изъ сосѣднихъ домовъ и окружили ихъ съ плачемъ. Всякій приносилъ имъ что̀ могъ: кто денегъ, кто что-нибудь съѣстное. И изъ нашего монастыря имъ приносили хлѣба и просфоръ.

Въ субботу 31-го, игуменья приказала рано поутру позвать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ монахинь и послала ихъ по всѣмъ кельямъ объявить, что она должна оставаться въ Москвѣ, и чтобы всѣ изъ молодыхъ, кто только можетъ, уѣзжали, не теряя времени. Почему она раздумала оставить монастырь, приказаніе ли какое получила, этого я не знаю. Поднялась у насъ суматоха:

всѣ уложили свои сундуки и стали хлопотать объ отъѣздѣ. А я рѣшилась итти на Тверскую-Ямскую, тамъ стояли извозчики изъ нашей стороны. Я отыскала одного мнѣ знакомаго и порядила его. Всѣ его лошади были уже разобраны; оставалась только одна, и на нее было много уже охотниковъ, кромѣ того что возъ былъ у него страшно навьюченъ. На этомъ возу онъ оставилъ мѣстечко только для одного человѣка, такъ что намъ приходилось сидѣть поочередно и бо́льшую часть дороги итти пѣшкомъ, а итти не мало: наше имѣніе за Клиномъ, въ Тверской губерніи*), по ту сторону Волги. Однако я и этому обрадовалась, и спросила у ямщика, не можетъ ли онъ хоть немного клади съ собой взять; мнѣ не хотѣлось оставить на разграбленіе мои книги, единственное мое богатство; но онъ отказался наотрѣзъ. Возъ его былъ уже готовъ, и я думала, что мы скоро выѣдемъ, но ямщикъ объяснилъ, что раньше ночи онъ со двора не съѣдетъ, потому что, у кого ни увидятъ лошадей, отбираютъ ихъ для казны, и потому безопаснѣе путешествовать ночью.

На улицахъ шумъ, гамъ, суматоха. Купцы запирали свои лавки, иные укладывали товары и уносили ихъ. Толпа народа остановила солдатъ, которые шли по улицѣ, и разспрашивала ихъ о Бородинской битвѣ. Кто плакалъ, кто проклиналъ Наполеона, кто рядился съ ямщиками. Многіе въ дорожныхъ платьяхъ шли къ заставѣ съ узлами въ рукахъ. Какой-то офицеръ подошелъ ко мнѣ и говорилъ, что скоро всѣмъ молоденькимъ будетъ весело въ Москвѣ, потому что французы придутъ. Я повернулась къ нему спиной и ушла.

Въ монастырѣ меня встрѣтили извѣстіемъ, что приказано запереть колокольню, и что службы уже не будетъ. Изъ церквей выносили утварь и всѣ богатыя иконы. У насъ надъ кельями была выстроена кладовая, и матушка-игуменья все въ нее заперла. Иконы поставили около стѣнъ, все остальное спрятали въ сундуки, а къ двери кладовой придвинули шкапъ, такъ что двери-то и не видать. Сундуки же монахинь были поставлены въ другую кладовую, подъ кельями.

*) Село Едимоново; по преданію, оно принадлежало отроку, основателю Отроча монастыря въ Твери.

Пошла я укладывать свое имѣніе. Его было немного: мои книги, двѣ подушки да шуба. Положила я все въ сундукъ, а его нарочно не заперла. Я такъ разсчитывала, что если захотятъ его ограбить, то замокъ его не спасетъ, еще, пожалуй, сундукъ разобьютъ, а онъ былъ хорошій, кованый; думаю, хоть онъ уцѣлѣетъ.

Какъ стало смеркаться, я завязала въ узелокъ немного бѣлья, помолилась въ послѣдній разъ въ нашей церкви, простилась съ игуменьей и со своими подругами и вышла за монастырскія ворота. Сердце у меня ныло. Прихожу на Тверскую-Ямскую и вижу одного изъ нашихъ дворовыхъ. И онъ шелъ въ Едимоново. Я ему очень обрадовалась: все же свой человѣкъ. Ямщикъ уже заложилъ свою лошадь и ждалъ попутчиковъ. Когда они всѣ собрались, мы выѣхали. Кромѣ меня, были при возѣ двѣ женщины, старичокъ да нѣсколько дѣтей. Нашъ дворовый шелъ съ нами самъ по себѣ. Въ деревняхъ, гдѣ мы останавливались покормить лошадь, всѣ разспрашивали о Москвѣ, и только и толковъ было, что о непріятелѣ.

Мы отдыхали поочередно на возу. Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ я заснула на зарѣ. Вдругъ слышу, меня кто-то зоветъ; я открыла глаза, мы стояли, и звалъ меня нашъ дворовый: «Матушка, говоритъ, Настасья Даниловна», а голосъ-то у него такъ и дрожалъ, «французъ въ Москвѣ; сейчасъ проѣхалъ въ Петербургъ курьеръ съ извѣстіемъ». Всѣ вѣдь этого ждали, а какъ горько было слышать! Пока мы тутъ стояли, подъѣхалъ къ намъ огромный обозъ. Обозничій ѣхалъ впереди, и какъ только мы съ нимъ поровнялись, онъ соскочилъ съ воза и крикнулъ: «Не изъ Москвы ли? Что тамъ слышно?» Мы ему сказали, что всѣ оттуда выбрались, и что Наполеонъ въ Москвѣ. Онъ снялъ шапку и перекрестился. Вдругъ кто-то спросилъ: «А что это за пожаръ, ужъ не она ли горитъ?» Мы всѣ обернулись, зарево стояло за нами: Москва горѣла. Долго смотрѣли мы на пожаръ и плакали. Потомъ обозничій говоритъ: «А я туда сахаръ везъ; пришлось теперь назадъ ѣхать; не ихъ же окаянныхъ угощать!» Они повернули назадъ, а нашъ дворовый наняпъ у обозничаго мѣсто, чтобы меня посадить.

На другой день мы подъѣхали къ Волгѣ. Обозъ пошелъ дальше, а мы переправились на поромѣ въ Едимоново. Мои меня не ждали

и очень мнѣ обрадовались. Никого изъ баронскаго семейства не было въ имѣніи. Одинъ батюшка тутъ распоряжался. Лишь только онъ узналъ, что Москва занята, то приказалъ отсѣчь веревки у всѣхъ плотовъ нашего берега, чтобы переправы никакой не было, и плоты были унесены водой. Потомъ онъ собралъ на господскій дворъ всѣхъ крестьянъ и отдалъ имъ свои приказанія. У насъ крестьяне были богаты: при иномъ дворѣ было не менѣе пяти-шести лошадей, и батюшка приказалъ, чтобы каждый держалъ наготовѣ одну лошадь и телѣгу, чтобъ увезти господское добро да стариковъ и дѣтей изъ дворни, въ случаѣ если Наполеонъ пойдетъ этою дорогой. Крестьяне выслушали и разошлись, а задумали свое. Я въ тотъ же день пошла гулять по селу и слышала, какъ они говорили между собой: «Какже! станемъ мы лошадей готовить про господское добро. Придетъ Бонапартъ, намъ волю дастъ, и мы господъ знать не хотимъ». Очень испугалась я за отца: я понимала, что если мужики взбунтуются противъ господъ, то и ему пощады не будетъ.

Однако я пообдумала дѣло и не сказала ему о томъ, что̀ слышала. Я боялась сбить его съ толку и разсчитывала на то, что Богъ милостивъ, и что, можетъ-быть, Наполеонъ не пойдетъ на Петербургъ.

Скоро стали расходиться слухи, что непріятель грабитъ Москву и ея окрестности, и церквей не щадитъ, а между тѣмъ крестьянамъ воли не объявляли. Они догадались, что были обмануты, и уходили въ лѣса со своею скотиной и добромъ. Тамъ они долго жили. Многія села опустѣли. На томъ берегу Волги, на самомъ Петербургскомъ шоссе, стояло небольшое сельцо Мелково: нѣсколько тамошнихъ семействъ навьючили свое добро на воза, и такъ какъ наши плоты были уничтожены, пустились въ бродъ. Вода заливала ихъ телѣги, однако Богъ помиловалъ, и они добрались до нашего имѣнія. У насъ имъ было безопаснѣе, такъ какъ Едимоново за Волгой.

Мы непріятелей не видали, но до насъ доходили слухи, какъ они грабятъ села, и какъ крестьяне вооружаются чѣмъ попало и убиваютъ ихъ безъ жалости. Съ конца сентября стали привозить къ намъ плѣнныхъ. Куда ихъ везли — не знаю. Непріятелей

не жалѣли, а плѣнныхъ какъ не пожалѣть! Привезутъ ихъ, бывало, на телѣгахъ, — и холодно имъ и голодно; были между ними и больные. Всѣ имъ помогали, кто чѣмъ могъ. Носили имъ поѣсть чего-нибудь теплаго, чтобъ они согрѣлись, и они такъ рады бѣдные и благодарятъ. Иные хотѣли намъ платить и подавали денегъ, но никто ихъ не бралъ.

Стоимъ мы разъ за обѣдней: вдругъ разнесся въ церкви слухъ, что кто-то ѣхалъ нашимъ селомъ и разсказывалъ, что Наполеонъ вышелъ изъ Москвы. То-то была радость! Однако я не вдругъ собралась къ себѣ въ монастырь: батюшка все боялся меня отпустить, потому что мы не знали, что̀ дѣлается въ Москвѣ. Наконецъ, я услыхала отъ сосѣдняго мужичка, который оттуда пріѣхалъ, что начинаютъ опять въ Москву съѣзжаться, и что въ нашемъ монастырѣ идетъ уже церковная служба. Больше ждать было нечего: я простилась со своими и пустилась въ путь.

Какъ мы подъѣхали къ заставѣ да увидала я пепелище, такъ и оборвалось у меня сердце. Стоятъ длинными рядами обгорѣлые столбы: знакомыхъ мѣстъ не признаешь. Казалось, что Москва уже никогда не отстроится.

Добралась я до нашего монастыря и пошла прямо къ матушкѣ-игуменьѣ. Она мнѣ попеняла, что я вернулась такъ скоро. «У насъ, говоритъ, народу видимо-невидимо: Ивановскій и Егорьевскій монастыри сгорѣли, и всѣхъ тамошнихъ монахинь помѣстили пока къ намъ. Куда я тебя дѣну при такой тѣснотѣ!» Я выпросила у нея позволеніе жить гдѣ-нибудь *на серединкѣ**), и пошла узнать о своемъ добрѣ и поздороваться съ подругами.

Многія еще не возвратились, зато я на каждомъ шагу встрѣчалась съ незнакомымъ лицомъ. Свой сундучокъ я скоро нашла; вмѣсто моихъ вещей, въ немъ лежала морковь; мнѣ было такъ жаль моихъ книгъ, что я чуть не заплакала. А изъ другихъ сундуковъ ни одинъ не уцѣлѣлъ: такъ какъ они были заперты, французы разсѣкали крыши своими саблями и выбирали добро.

*) Серединкой называется площадка между двухъ келій.

Я отыскала себѣ мѣстечко на одной изъ серединокъ и пріютилась кое-какъ между двумя дверьми. Должно-быть, я простудилась дорогой, и лишь только пріѣхала, занемогла. Со мной сдѣлался сильный жаръ и бредъ. Мнѣ нуженъ былъ покой, а мимо меня то и дѣло ходили, и каждую минуту отворяли то ту, то другую дверь. Долго была я больна, потомъ стала поправляться, а все еще была слаба какъ ребенокъ. Около меня жили двѣ старушки изъ нашихъ, которыя оставались въ монастырѣ при непріятелѣ. Онѣ ходили за мной, и когда я начала выздоравливать, все мнѣ разсказывали, какой страхъ и какія лишенія онѣ терпѣли во время француза.

Дѣло-то вотъ какъ было. Матушка-игуменья съ монахинями перешла въ трапезу церкви Божіей Матери, потому что въ кельяхъ-то очень было страшно. Около самаго монастыря, въ домѣ Кожевникова, стояли непріятели и бродили безпрестанно по монастырю. Что оставалось въ церквахъ, то ограбили. У насъ на большой иконѣ Спасителя риза аплике, а они подумали, что серебро, да какъ стали ломать, разглядѣли мѣдь, и бросили, а гдѣ только было серебро и золото — все захватили. Потомъ они разсыпались по всему монастырю отыскивать еще добычи. Монахини такъ и обмерли: читаютъ себѣ молитвы и ждутъ, что будетъ. А они шныряютъ себѣ съ коридоровъ на лѣстницы да по кельямъ; которыя были заперты, съ тѣхъ они замки сорвали, да въ кельяхъ нечего было взять. Тогда они отыскали кладовую, гдѣ стояли сундуки монахинь, и унесли съ собой все дочиста. А главнаго-то не видали: кладовой, гдѣ было спрятано все церковное богатство, они до конца не отыскали: сколько разъ шарили въ шкапѣ, что предъ дверью стоялъ, а отодвинуть его не догадались, такъ что и ризница, и утварь — все уцѣлѣло.

Приходятъ они разъ, а матушка-игуменья сидитъ на церковной лѣстницѣ съ казначеей. Да еще съ ними была воспитанница казначеи, лѣтъ восемнадцати дѣвушка, и такая красавица! Казначея ее безъ памяти любила, и думала ее подальше отправить, когда Наполеонъ къ Москвѣ приближался, да некому было ее повѣрить, такъ сна ужъ и оставила ее при себѣ. Очень казначея за нее боялась, не отпускала на два шага отъ себя, и на всякій случай обвязала ей голову кровавымъ платкомъ, — будто бы

она расшиблась. Да обмануть-то мудрено! На головѣ кровавый платокъ, а лицо горитъ какъ маковъ цвѣтъ, и глаза блестятъ, а французы-то на это зорки были. Сидятъ онѣ всѣ три на лѣстницѣ, вдругъ входитъ въ ворота французъ да прямо къ нимъ. Указалъ онъ на молодую дѣвушку и что-то сказалъ, только онѣ не поняли. Казначея говоритъ: «Добро, добро, нечего глазѣть-то, иди дальше!» и показываетъ ему, чтобъ онъ уходилъ. А онъ подошелъ и обвилъ красавицу рукой. Казначея его оттолкнула, и какъ сидѣла, такъ пригнула молодую дѣвушку къ своимъ колѣнямъ лицомъ, а сама такъ остервенилась и показываетъ французу кулакъ. Французъ увидалъ, что дѣло-то не шуточное, что она умретъ, а красавицы ему не выдастъ. Такъ онъ осердился, выругалъ ее, однако отошелъ.

Непріятели заняли нѣсколько келій въ монастырѣ, а нижнюю нашу церковь обратили въ кладовую: туда они навозили себѣ съѣстныхъ припасовъ, да и наши-то всѣ забрали. А монахини что̀ нужды и что̀ страха видѣли! Разъ слышатъ онѣ, стрѣльба у самыхъ монастырскихъ воротъ. Какъ все утихло — онѣ выглянули, и видятъ — висятъ нѣсколько тѣлъ на столбахъ: непріятель разстрѣливалъ и вѣшалъ нашихъ. Тутъ эти тѣла оставались нѣсколько дней. Монахини-то сказывали, что они имъ даже во снѣ мерещились. И отъ голода онѣ бѣдныя натерпѣлись: хоть и знали, что много оставалось въ городѣ погребовъ и кладовыхъ съ провизіей, да надо ихъ отыскать, ходить по чужимъ дворамъ, а наши старушки боялись, да и молодыхъ-то не рѣшались отпустить. Пойдешь на-авось, Богъ знаетъ, на что набредешь! Кругомъ вездѣ стояли непріятели. Пришлось монастыркамъ питаться однимъ картофелемъ. Былъ за нами огородъ, такъ снѣ туда ходили потихоньку, на зарѣ, и его выкапывали. Какъ пошли утренники, картофель перемерзъ, а другой пищи не было: онѣ и за мерзлый-то Бога благодарили.

Была у насъ также въ монастырѣ монахиня немолодая; она уже нѣсколько лѣтъ была помѣшана, да въ своемъ безуміи была тиха, никого, бывало, не обидитъ, такъ матушка-игуменья ее и держала. Кто ея не зналъ, невсегда могъ догадаться, что она помѣшана: иной разъ такъ складно говоритъ. Полюбили ее французы. Другія-то отъ нихъ прятались, а она еще обрадуется, когда

они придутъ. Ходитъ съ ними по монастырю, и въ церковь ихъ приведетъ; станетъ на матушкино мѣсто и разсказываетъ имъ, что она игуменья, и всякія небылицы, а тутъ начнетъ пѣть и смѣяться. Они ея рѣчей-то не понимали, и, должно-быть, не догадывались, что она не въ своемъ умѣ, а любили ее, что она такая веселая. Она, бывало, смѣется, и они смѣются. Всѣ боялись, какъ бы она имъ не указала кладовую, гдѣ утварь была спрятана, однако Богъ миловалъ.

Разъ принесъ французъ кусокъ полотна, и показываетъ, что не можетъ ли кто ему шароваръ сшить, а она и вызвалась, и объяснила ему, какъ она скоро и хорошо шьетъ. Онъ обрадовался и принесъ ей пару шароваръ на мѣрку; она сейчасъ взяла и говоритъ, что «завтра, мусье, будетъ готово». Другія монахини все это видятъ и молчатъ, думаютъ, чѣмъ это кончится. Какъ ушелъ французъ, взяла безумная его шаровары и полотно, и все изрѣзала на мелкіе кусочки и спрятала. На другой день онъ приходитъ, а она приноситъ ему весь этотъ ворохъ лоскутьевъ, а сама такъ и помираетъ со смѣху. Разсердился онъ не на шутку: подумалъ, разумѣется, что она это ему насмѣхъ сдѣлала, и побилъ-таки ее. Съ тѣхъ поръ они поссорились, да она объ этомъ не горевала, а болтала и смѣялась попрежнему съ другими французами.

Ей-то весело было, а другимъ не легко. То-то ужъ вздохнули онѣ и перекрестились, когда непріятель оставилъ Москву! А что страха-то имъ было въ ту ночь, какъ взорвало Кремль! Долго онѣ о другомъ и думать и говорить не могли. Пока я больна была, старушки, что̀ жили на моей серединкѣ, придутъ, бывало, вечеромъ, когда всѣ улягутся около насъ, сядутъ къ моей постели и все толкуютъ о французѣ, и я засыпала часто подъ ихъ говоръ. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я стала сама дряхла и стара, а иной разъ, какъ вспомню о быломъ, мнѣ такъ и кажется, что я гляжу съ большой дороги на пожаръ Москвы, либо что старушки, сидя около моей постели, разсказываютъ, какъ французы бродили по нашему монастырю, да какъ взорвало Кремль.

V.

На Моховой.

Василій Михайловичъ Полянскій, протоіерей у Георгія на Красной горкѣ*), разсказывалъ мнѣ все, что онъ помнитъ о двѣнадцатомъ годѣ. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ, и онъ жилъ въ четырехъ верстахъ отъ Москвы, по Тульской дорогѣ, въ селѣ Котлахъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. У отца Михаила было девять человѣкъ дѣтей. Братъ его, обремененный также многочисленнымъ семействомъ, былъ діакономъ въ Москвѣ, при церкви Николы въ Сапожкахъ**). Они видались часто, и предъ вступленіемъ Наполеона въ столицу сговорились уѣхать вмѣстѣ. Но куда? Приходилось ѣхать, куда глаза глядятъ, и пріютиться, гдѣ Богъ велитъ.

Рѣшено было, что отецъ Михаилъ пріѣдетъ къ брату со всѣми своими и съ добромъ, чтобы вмѣстѣ пуститься въ путь. Въ концѣ августа онъ, дѣйствительно, явился въ Москву съ телѣгой, на которую уложилъ все свое имущество, онъ самъ шелъ за ней пѣшкомъ съ семействомъ. Но оказалось, что Никольскій діаконъ не успѣлъ еще собраться. Онъ укладывалъ со священникомъ ризницу и церковную утварь въ большіе ящики, которые были спрятаны въ подвалъ, устроенный подъ самой церковью. Этотъ подвалъ отдавался внаймы. Его снималъ содержатель погреба и сдѣлалъ изъ него складъ для пустыхъ бутылокъ, за которыми скрыли ящики съ церковнымъ добромъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, священникъ уѣхалъ, и лишь тогда діаконъ принялся также хлопотать объ отъѣздѣ.

Между тѣмъ Москва почти уже совсѣмъ опустѣла. Народъ волновался и говорилъ, что дворяне спасаютъ свои головы, а его

---

*) На Моховой.

**) Она стояла на Моховой, между манежемъ и домомъ Торлецкаго. Въ двѣнадцатомъ году она треснула отъ Кремлевскаго взрыва, однако въ ней продолжали служить. При императорѣ Николаѣ она была сломана, престолъ перенесенъ въ церковь манежа, а рѣзная икона Николая Чудотворца, въ узорчатыхъ сапожкахъ, давшихъ имя церкви, пожертвована въ *бывшій* Воздвиженскій монастырь.

и самую столицу выдаютъ Наполеону. Графъ Растопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля. Бо́льшая часть хранившагося въ немъ оружія была неудобна для употребленія, но разбирать его было некогда. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, генералъ-губернаторъ обратился за помощью къ митрополиту Платону, который не отказался править паствой, но былъ уже такъ старъ, что бо́льшую часть дѣлъ по митрополіи ввѣрилъ архіепископу Августину. Однако на этотъ разъ онъ рѣшился, несмотря на свою слабость, дѣйствовать по мѣрѣ силъ. За колокольней Ивана Великаго былъ воздвигнутъ амвонъ, и разошелся по городу слухъ, что отслужатъ на площади соборный молебенъ, послѣ котораго митрополитъ собирается держать рѣчь народу. Въ назначенный день, между тѣмъ какъ на амвонъ выносили иконы изъ соборовъ, москвичи стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ на Сенатскую площадь. Въ числѣ любопытныхъ былъ и теперешній Георгіевскій протоіерей Василій Михайловичъ. Всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ появленія митрополита. Наконецъ, его черный цугъ показался въ Никольскихъ воротахъ. Всѣ сняли шапки. Платонъ выглянулъ изъ окна и благословлялъ народъ дрожащею рукой. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Растопчинъ. Толпа побѣжала за экипажами. Когда они остановились на Чудовской площади, митрополитъ вышелъ изъ кареты при помощи двухъ діаконовъ, которые ввели его на амвонъ. Генералъ-губернаторъ сталъ за нимъ. Платонъ былъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ; его блѣдное, старческое лицо казалось встревожено. По окончаніи молебна, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ молящагося, одинъ изъ діаконовъ сталъ рядомъ съ нимъ, чтобъ говорить отъ его имени, потому что онъ самъ былъ уже не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣриться своимъ начальникамъ, и обѣщалъ ему свои молитвы. Митрополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь, переданная устами другого, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. «Владыка желаетъ знать, — продолжалъ діаконъ, — насколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ

которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣни». Всѣ стали на колѣни. Старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя предъ нимъ головы, а графъ Растопчинъ выступилъ впередъ и обратился, въ свою очередь, къ народу. «Какъ скоро вы покоряетесь волѣ императора и голосу почтеннаго святителя, — сказалъ онъ, — я объявляю вамъ милость государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружныхъ непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ». — «Много благодарны! Дай Богъ многія лѣта царю!» загремѣло въ толпѣ. — «Но оружіе вамъ отдается съ условіемъ, — продолжалъ Растопчинъ, — вы обязаны при разборѣ его соблюдать порядокъ: входите въ Никольскія ворота и выходите въ Троицкія; я прикажу сію минуту отпереть арсеналъ». При поданномъ имъ знакѣ, его коляска и карета митрополита подъѣхали къ амвону. Каждый сѣлъ въ свой экипажъ. Толпа, проводивъ Платона, возвратилась за оружіемъ. Арсеналъ былъ уже отпертъ, и караулъ стоялъ у Никольскихъ и Троицкихъ воротъ. Разборъ оружія продолжался нѣсколько дней въ совершенномъ порядкѣ: иные брали столько саблей и ружей, сколько могли захватить. Бо́льшая часть ружей была безъ курковъ, и сабли заржавлены. Кромѣ того, ни у кого не было пороху, но никто не обратилъ вниманія на эти неудобства.

Наконецъ, Полянскіе приготовились совсѣмъ къ отъѣзду. Былъ такой огромный спросъ на лошадей, что отецъ діаконъ могъ лишь съ трудомъ пріобрѣсти плохую пару за большія деньги. Онъ купилъ также двѣ телѣги и навьючилъ на нихъ свое добро. Но въ ту минуту, какъ семейство собиралось ѣхать со двора, послышался глухо конскій топотъ; онъ приближался съ каждою минутой и сливался съ другими металлическими звуками. Всѣ слушали, объятые страхомъ, и вдругъ стройные наполеоновскіе полки, съ развѣвающимися знаменами, показались на улицѣ. Лишь только они дошли до Боровицкихъ воротъ, раздался громъ вѣстовой пушки: полки раздѣлились, разошлись, и солдаты разсыпались по городу. Многіе принялись тутъ же за грабежъ. Человѣкъ десять, шедши мимо двора діакона, увидали заложенные воза и бросились къ нимъ. Отецъ Михаилъ хотѣлъ заступиться за семейное добро, солдатъ ударилъ его саблей

по головѣ. Онъ упалъ окровавленный, и между тѣмъ какъ семейство бросилось къ нему съ плачемъ, грабители свели лошадей со двора.

Раненаго внесли въ пустой домъ и положили на полъ; не было ни постели, ни подушки, все было увезено. Къ счастію, рана оказалась неопасною, и сосѣди, узнавъ о случившемся, поспѣшили принести посильную помощь. Ночь провели въ безпокойствѣ и страхѣ: дѣти дремали на полу, но старшіе не смыкали глазъ. Вдругъ кто-то замѣтилъ зарево: пожаръ занялся въ Каретномъ ряду, потомъ показался въ Охотномъ и распространялся по Моховой. На другой день онъ уже достигъ огромныхъ размѣровъ: скоро университетъ сдѣлался его жертвой. Полянскіе, предвидя, что огонь не пощадитъ ихъ крова, рѣшились укрыться въ подвалъ, гдѣ было спрятано церковное добро. Къ счастью, отецъ Михаилъ успѣлъ въ продолженіе двухъ сутокъ оправиться немного отъ полученнаго имъ удара и могъ перебраться со своими въ темный, сырой, удушливый подвалъ. Семейство состояло изъ 19 человѣкъ. Легко можно себѣ представить, какія имъ приходилось терпѣть лишенія. Они сидѣли кучкой на отсырѣвшемъ земляномъ полу, который служилъ имъ также постелей. Перемѣннаго бѣлья у нихъ не было, и женщины полоскали наскоро въ рѣкѣ ихъ рубашки, которыя сушили, какъ попало.

Пожаръ все усиливался. Между нашими распространился слухъ, что полицейскіе, переодѣтые въ зипуны, ходятъ по улицамъ и поджигаютъ. Скоро огонь достигъ дома діакона, и семейство слѣдило, со слезами на глазахъ и съ замираніемъ сердца, за разрушеніемъ своего родимаго крова. Каменная церковь Николы въ Сапожкахъ уцѣлѣла, и массивные ея своды служили прочною защитой бездомнымъ жителямъ подвала. Они слышали, какъ трещали и распадались сосѣднія строенія и дышали распаленнымъ воздухомъ, но были въ безопасности.

Цѣлый день непріятели бродили по городу, но въ шесть часовъ барабанный бой созывалъ ихъ на ночлегъ, и никто не тревожилъ жителей города до слѣдующаго утра. Лишь только замолкалъ барабанъ, жители выходили кто изъ подвала, кто изъ другого убѣжища, въ которое успѣлъ спастись, собирались кучкой на улицѣ и оплакивали общее горе, какъ дѣти одной семьи.

Государственная
БИБЛІОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Въ это скорбное время все было общее, начиная съ насущнаго хлѣба. Кто успѣлъ добыть съѣстныхъ припасовъ изъ покинутыхъ погребовъ и кладовыхъ, тотъ приносилъ ихъ въ узлахъ и дѣлился ими со всѣми. Такимъ образомъ многочисленное семейство Полянскихъ не нуждалось никогда въ пропитаніи: его снабжали каждый вечеръ добрые люди, чѣмъ Богъ послалъ.

Лубянка и Мясницкая были заселены *настоящими* французами, какъ ихъ называютъ въ народѣ. У насъ ихъ почти не поминаютъ лихомъ, наоборотъ, всѣ почти современники утверждаютъ, что они отличались отъ своихъ союзниковъ добродушіемъ и сердечною мягкостью, и ихъ не боялись*). Одинъ изъ нашихъ полковыхъ священниковъ, взятый въ плѣнъ отрядомъ французовъ, просилъ у генерала позволенія совершать церковную службу въ церкви Св. Евпла, на Мясницкой. Генералъ охотно согласился на его просьбу и приказалъ прибить къ церковнымъ вратамъ объявленіе, по которому запрещалось именемъ императора грабить храмъ, а во время священнослуженія французскіе солдаты стояли на часахъ у паперти. Каждый день колоколъ Св. Евпла

*) Между прочимъ, мнѣ разсказывала старая монахиня Вознесенскаго монастыря, мать Евлавія, слѣдующій трогательный фактъ. Близкая ея пріятельница, жена купца, торгующаго въ Серебряномъ ряду, ожидала родовъ въ ту минуту, какъ Москва была занята французами. Мужъ ея уложилъ всѣ свои товары въ большой сундукъ, который перевезъ къ себѣ въ садъ, съ тѣмъ чтобы зарыть его въ землю, но не успѣлъ. Пожары начались, и ихъ домъ сгорѣлъ одинъ изъ первыхъ. Молодая женщина такъ испугалась, что почувствовала преждевременно родильныя боли. Успѣли спасти пуховикъ и подушку, которые положили на сундукъ, стоявшій въ кустахъ, и купчиха родила въ саду. Между тѣмъ сгорѣлъ и сосѣдній домъ, отъ котораго осталась одна лишь комната или, вѣрнѣе, кладовая нижняго этажа: массивные своды защитили ее отъ огня. Въ ней поселился генералъ или полковникъ французскій, съ двумя солдатами. Онъ увидалъ изъ окна больную женщину и новорожденнаго ребенка, лежавшихъ подъ открытымъ небомъ, и прислалъ переводчика узнать, по какому случаю они тутъ находятся. Переводчикомъ служилъ ему мальчикъ, который учился портному ремеслу въ иностранномъ магазинѣ и могъ болтать немного по-французски. Когда онъ исполнилъ порученіе и передалъ отвѣтъ, французъ пришелъ къ купчихѣ и пригласилъ ее перейти на его квартиру, которую предлагалъ раздѣлить надвое ширмами. Купецъ и его жена поблагодарили его, однако не приняли предложенія, потому что не рѣшались оставить на разграбленіе сундукъ, въ которомъ было скрыто ихъ добро. Французъ

призывалъ къ обѣднѣ и заутренѣ горестныхъ москвичей. Василій Михайловичъ приходилъ часто на его зовъ, и послѣ стольких лѣтъ сохранилъ еще горячее впечатлѣніе этихъ молитвъ, принесенныхъ Богу въ виду непріятельскихъ знаменъ и пылающей Москвы.

Увлеченный понятною любознательностью, онъ часто покидалъ семейное убѣжище, чтобъ узнать, нѣтъ ли чего новаго. Иногда его встрѣчали французы и заставляли носить тяжести, но онъ не помнитъ, чтобы въ столкновеніи съ ними онъ былъ когда-нибудь оскорбленъ грубымъ обхожденіемъ. Онъ былъ не разъ въ Кремлѣ и видѣлъ на гауптвахтѣ, которая стояла тогда за Иваномъ Великимъ, устроенную французами кузницу: нѣсколько человѣкъ на ней работали. Предъ ними лежали груды крестовъ, ризъ, окладовъ съ образовъ и разныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Ихъ переливали въ слитки или выжигали. Молодой человѣкъ обошелъ соборы и храмы: караульные, стоявшіе на часахъ, пропускали его привѣтливо. Въ одной изъ недостроенныхъ еще церквей Вознесенскаго монастыря была хлѣбня,

---

настаивалъ и прибавилъ со слезами на глазахъ, что у него также на родинѣ молодая жена и новорожденный ребенокъ. Послѣ его ухода купчиха сказала мужу: «Видишь, какой онъ добрый; откроемся ему: можетъ, онъ намъ поможетъ спасти наше добро». Онъ послѣдовалъ совѣту, пошелъ къ французу и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Французъ, выслушавъ его, отвѣчалъ: «Я вамъ дамъ одного изъ моихъ солдатъ, за него я вамъ отвѣчаю, и онъ поможетъ вамъ зарыть въ землю ваше добро. Надо будетъ заняться этимъ дѣломъ ночью». Купецъ, поблагодаривъ его, приготовилъ двѣ лопаты, и лишь только всѣ улеглись въ сосѣдствѣ, яма была вырыта, и сундукъ зарытъ, но купчиха попросила мужа вынуть изъ него предварительно серебряный сервизъ, который желала подарить ихъ покровителю. Французъ взялъ на память маленькій молочничекъ, говоря, что сбережетъ его на память, но отказался отъ остального.

Кладовая была перегорожена надвое, и купецъ съ женой и ребенкомъ поселился въ одной половинѣ. Когда малютка кричалъ ночью, мать боялась, чтобъ онъ не безпокоилъ добраго француза, который, замѣтивъ ея опасенія, старался постоянно ее успокоивать, увѣряя, что у кого свой ребенокъ, тотъ не тяготится дѣтскимъ крикомъ. До самаго выступленія Наполеона изъ Москвы онъ не покидалъ своей квартиры. Къ нему хаживали товарищи, о которыхъ купеческое семейство отзывалось также съ большими похвалами. Молодая женщина угощала ихъ часто сдобными лепешками; они ихъ ѣли съ большимъ аппетитомъ, приговаривая: Merci, madame (благодарю, сударыня).

въ Архангельскомъ соборѣ кладовая: лежали мѣшки овса и ржи, наконецъ, запасъ картофеля и чаны съ солониной. Василій Михайловичъ хаживалъ иногда и въ отдаленныя мѣстности города. Со всѣхъ сторонъ разливался пожаръ, вездѣ попадались иностранные мундиры, и лишь изрѣдка свой человѣкъ, ищущій куска хлѣба. У Серпуховскихъ воротъ, въ церкви Вознесенья, была устроена бойня. Разъ нашъ юноша принесъ домой слѣдующее извѣстіе: захотѣлось Наполеону видѣть архіерейскую службу. Пылаевъ или Пылай, какъ его прозвали въ народѣ, священникъ Новинскаго монастыря*), вызвался угостить императора новымъ для него зрѣлищемъ. Онъ явился въ Успенскій соборъ (который былъ впослѣдствіи обращенъ въ конюшню) и отслужилъ литургію подъ архіерейскимъ облаченіемъ, за что Наполеонъ наградилъ его камилавкой. Смерть спасла Пылая отъ строгаго суда, назначеннаго надъ нимъ послѣ удаленія непріятелей.

Предъ вступленіемъ Наполеона не могли вывезти изъ Москвы всѣ склады мѣдной монеты, и огромные мѣшки пятаковъ и грошей попали въ руки французовъ, которые учредили у Воскресенскихъ воротъ, у Каменнаго моста и въ другихъ мѣстахъ родъ мѣняльныхъ лавокъ, и продавали нашимъ съ огромною уступкой мѣдную монету за золотую и серебряную; но случалось зачастую, что москвичей, купившихъ выгодно мѣдь, тутъ же останавливали и грабили шедшіе мимо непріятельскіе солдаты.

Наполеоновскіе генералы дѣлали часто смотры полкамъ у Кремлевскихъ прудовъ**). На первыхъ смотрахъ блестящее войско выступало гордо и весело, а потомъ оно стало приходить въ упадокъ съ поразительною быстротой. Собирались на барабанный зовъ въ нечищенныхъ, изорванныхъ мундирахъ и дырявыхъ сапогахъ, и число солдатъ убавлялось наглядно. Въ нѣсколько недѣль они дошли до послѣднихъ предѣловъ бѣдствія. Изнуренные голодомъ, покрытые лохмотьями и рубищами, они бродили по улицамъ и отыскивали напрасно пищи. Наконецъ, французы при своихъ встрѣчахъ съ нашими стали имъ объяснять, что скоро уйдутъ, но предъ своимъ уходомъ взорвутъ городъ. 7-го октября

*) Монастырь теперь упраздненъ.

**) Пруды были на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александровскій садъ.

Полянскіе услыхали звукъ барабана, и мимо ихъ прошли полки. Насколько можно было видѣть на сосѣднихъ улицахъ, и тамъ шли солдаты по тому же направленію. Но куда они шли? На какой ли общій смотръ, или выступали дѣйствительно изъ Москвы? Они не возвратились, и нѣкоторые изъ нашихъ утверждали, что Наполеонъ покинулъ городъ; однако въ Кремлѣ оставался еще непріятельскій отрядъ. Наконецъ, 10-го ушелъ и онъ. Однако Полянскіе не смѣли еще вѣрить въ наше освобожденіе. Какъ узнать? Можетъ-быть, стоятъ еще непріятели въ другихъ концахъ Москвы. Въ самый дѣнь ихъ ухода, говоритъ Василій Михайловичъ, насъ пробудилъ часу въ двѣнадцатомъ такой громъ и трескъ, что мы свѣта не взвидѣли. Земля дрожала подъ нами какъ живая, и мнѣ казалось, что еще минута, и своды подвала обрушатся надъ нашими головами. Мы стали окликать другъ друга, чтобъ убѣдиться, что всѣ живы, и выбѣжали на улицу посмотрѣть, что случилось. Пожаръ освѣщалъ ее попрежнему, настала опять тишина, и кой-гдѣ бѣжали наши, выгнанные также страхомъ изъ своихъ убѣжищъ. Раздался еще взрывъ, и полетѣли камни градомъ со всѣхъ сторонъ. Всѣ разбѣжались. Мы бросились опять въ свой подвалъ. Наконецъ, при третьемъ взрывѣ, надъ нашими головами такъ потрясло нашу церковь, что она треснула сверху донизу.

Семейство не спало всю ночь, а на другой день Василій Михайловичъ видѣлъ страшные слѣды разрушенія. Кремлевскія стѣны рухнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ, колокольня Ивана Великаго треснула, дворецъ сгорѣлъ, верхняя половина Никольской башни была разрушена, и часть желѣзной крыши арсенала сорвана и занесена на Никольскую улицу.

Москва представляла потрясающую картину: ея развалины тлѣли и дымились. Пустота улицъ и площадей наводила тоску на душу; вездѣ разбросанные лошадиные и людскіе трупы заражали воздухъ. Полиція въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жгла ихъ на берегу рѣки и сметала пепелъ въ воду.

Изъ окрестныхъ селъ не замедлили явиться крестьяне на грабежъ. Они входили въ пустые дома, забирали все, что было пощажено непріятелемъ и уѣзжали съ навьюченными возами По улицамъ бродили голодныя лошади, которыхъ они уводили

съ собой. Трое сутокъ Москва послѣ непріятельскаго грабежа была выдана грабежу своихъ, но по истеченіи этого времени появившаяся въ городѣ полиція и казаки стали все приводить въ порядокъ и хватали воровъ. Василій Михайловичъ, шедши по Лубянской площади, видѣлъ, какъ нѣсколько мужиковъ, оспаривая другъ у друга добычу, дошли до ожесточенной драки. Одинъ изъ нихъ, подвязавшій саблю сверхъ своего зипуна, собирался уже дѣйствовать ею, и дѣло не обошлось бы, вѣроятно, безъ увѣчья, если бы полицейскіе, подоспѣвшіе во-время, не рѣшили вопроса, отобравъ у воюющихъ все награбленное добро.

Семейство Полянскихъ перебралось въ горное правленіе и прожило тамъ нѣсколько дней. Потомъ всѣ ушли въ Котлы, гдѣ отецъ діаконъ оставался съ женой и дѣтьми, пока не былъ вызванъ опять на службу въ свой приходъ.

VI.

Въ приходѣ Петра и Павла на Якиманкѣ и на Орловомъ Лугу.

(Этотъ разсказъ я слышала отъ Елены Алексѣевны Похорской. Мужъ ея, умершій въ 1836 году, былъ діакономъ въ церкви Петра и Павла на Якиманкѣ. Вскорѣ послѣ двѣнадцатаго года его перевели священникомъ въ Благовѣщенскій соборъ.)

Уже давно толковали о французѣ, а мало кто думалъ, что онъ на Москву пойдетъ. Мой покойникъ до послѣдней минуты не вѣрилъ. А священникъ говоритъ: «Придетъ ли, нѣтъ ли, намъ это неизвѣстно, а все же свой долгъ мы исполнимъ; надо всю церковную утварь прибрать загодя». Какъ узнали въ приходѣ, что батюшка этимъ заняться хочетъ, такъ пришелъ къ нему церковный староста. «Батюшка, молъ, прихожане просятъ, нельзя ли и ихъ добро въ церкви укрыть?» «Что жъ! — батюшка говоритъ: — я бы радъ, да какъ это сдѣлать, чтобы непримѣтно было?» И придумали они, да какъ хитро! Была вся наша церковь отъ самаго пола на цѣлую сажень, коли не больше, обита зеленымъ сукномъ. Ободрали это сукно съ одной стѣны, у которой оконъ не было, и велѣли прихожанамъ приносить сундуки и ставить ихъ другъ

на дружку къ самой той стѣнѣ. Какъ наставили ихъ высоко, такъ забрали досками до самаго свода, а уже доски обили сукномъ въ ту вышину, что и другія стѣны, а около сводовъ выбѣлили, такъ что ничего примѣтить нельзя. Вздумалось и мнѣ наше добро отдать на сохраненіе, и говорю я мужу: «Дмитрій Власьевичъ, ты не вѣришь, что французу Москву сдадутъ, а все же береженаго Богъ бережетъ; позволь ты мнѣ сундучокъ собрать да въ церковь отнести.» Онъ, царство ему небесное, добрый былъ человѣкъ, а ужъ что разъ сказалъ, на томъ и сталъ: съ нимъ, бывало, не сговоришь; а тутъ, на мое счастіе, онъ въ духѣ былъ: «отдай, говоритъ, если хочешь, мнѣ не мѣшаетъ». Какъ я обрадовалась! Мигомъ все въ сундукъ уложила, что было бѣлья, полдюжины серебряныхъ ложечекъ, икону въ позолоченной ризѣ, которою меня къ вѣнцу благословляли, да платья, что дали за мной въ приданое. Много добра у насъ въ церкви стояло. Прихожане были богатые; помню, отъ одного генерала Данилова принесли три сундука съ серебромъ да съ мѣхами. А утварь всю поставили подъ церковный полъ: плиты подымали. А антиминсъ да сосуды старинные оловянные батюшка оставилъ на всякій случай на престолѣ, потому, говоритъ, неизвѣстно, можетъ, и приведетъ Богъ обѣдню отслужить, а тутъ французу покорыстоваться не на что.

Батюшка собирался ѣхать изъ Москвы съ женой и дочерьми, а безъ него могъ у насъ службу справлять отецъ моего мужа, іеромонахъ изъ Донского; его нанимали, когда у насъ двѣ обѣдни было. И моего мужа батюшка все подбивалъ ѣхать. Какъ собрался онъ совсѣмъ въ дорогу, зашелъ съ нами проститься, и говоритъ: «Какъ бы тебѣ не поплатиться за свое упрямство, отецъ діаконъ! Эй, уѣзжай, пока время еще не ушло». А Дмитрій Власьевичъ ему говоритъ: «Поѣзжай ты, батюшка, въ добрый часъ, а я здѣсь останусь. Была бы какая опасность, начальство объ этомъ знало бы прежде насъ, да и намъ бы дало знать, а въ графскихъ-то афишахъ сказано, чтобы всѣ оставались въ Москвѣ: Бонапарта сюда не допустятъ». На томъ онъ и сталъ. Батюшку мы проводили, и остались какъ есть одни. Многіе рынки закрылись, наша сторона почти совсѣмъ опустѣла, купечество все выѣхало. На Полянкѣ жилъ знакомый намъ гробовщикъ. Собрался и онъ ѣхать. «Мнѣ,

говоритъ, своего товара съ собой не увезти, а я имъ кланяюсь матушкѣ Москвѣ: его скоро много здѣсь потребуется. Берите мои гроба, православные, и почивайте въ нихъ съ Богомъ!»

Куда ни поглядишь, вездѣ дорожные экипажи по дворамъ стоятъ либо тянутся по улицамъ. Позвала меня дьячиха къ Калужской заставѣ, я съ ней и пошла, поглядѣть, что тамъ дѣлается. Стали мы подходить, да такъ и ахнули: что̀ каретъ, что̀ колясокъ, что̀ повозокъ, и не перечтешь! Какъ есть всю улицу запрудили. Кто ѣхалъ по казенной надобности, того пропускали впередъ, а другіе по два да по три часа стояли, ждали своей очереди. Всѣ торопятся, суетятся, тѣснятся, лошади пугаются, пѣшеходовъ давятъ; шумъ, крикъ, гамъ, точно всѣ отъ пожара бѣгутъ.

Такой на меня страхъ напалъ! Мнѣ было всего семнадцать лѣтъ, и я кормила четырехмѣсячнаго ребенка. Ну, думаю, придетъ бѣда, куда я съ нимъ дѣнусь? Всю ночь не спала, а мой-то все свое: не допустятъ сюда Бонапарта, да и полно! А тутъ еще предъ этимъ временемъ явилась большая звѣзда и страхъ на народъ наводила. Красивая такая была, словно снопъ раскидистый. Какъ вечеръ — всѣ высыпятъ за ворота на нее поглядѣть, и толкуютъ, къ чему бы это она пришла; старики такъ и говорили, что либо опять будетъ моровая язва, либо война.

Стояла погода красная, словно лѣтомъ, а ужъ сентябрь на дворѣ.

Разъ сижу я подъ окномъ и чулокъ вяжу. Вдругъ подбѣжала дьячиха: «Матушка, говоритъ, Елена Алексѣевна, ребята сказываютъ, что Бонапартъ вошелъ въ Дорогомиловскую да въ Калужскую заставу». У меня чулокъ изъ рукъ выпалъ, я такъ и крикнула: «Дмитрій Власьичъ, слышишь?» А мужъ сидѣлъ въ другой комнатѣ и писалъ. Какъ я вскрикнула, онъ и спрашиваетъ: «Что тамъ случилось?» — «А то, говорю, случилось, что Бонапартъ пришелъ, дьячиха сказываетъ». Онъ разсмѣялся. «Эхъ ты, говоритъ, дура-баба, дьячихѣ вѣришь, а генералъ-губернатору не вѣришь! Вотъ она, графская-то афишка, вѣдь я тебѣ ее читалъ. Поди-ка, лучше, да вели самоварчикъ поставить, а мнѣ пока не мѣшай: я проповѣдь пишу».

Сошла я внизъ, велѣла кухаркѣ самоваръ поставить и все разспросила у дьячихи. Пока она мнѣ разсказывала, что слышала

о французѣ, кухарка подала самоваръ, и я стала разливать чай. Вдругъ на улицѣ поднялись крики; отецъ діаконъ высунулся въ окно, поглядѣлъ, потомъ поставилъ чашку на столъ. Я вижу, руки у него дрожатъ, и посмотрѣла на него: онъ поблѣднѣлъ, словно его мукой обсыпали. Я говорю: «Родимый ты мой, что съ тобою?» А онъ еле языкомъ шевелитъ, только и вымолвилъ: «Французы!» и сѣлъ. Я подала ему воды, стала его уговаривать, что отчаиваться нечего, и что Богъ не безъ милости. Онъ все молчалъ, а сталъ понемножку въ себя приходить, и кровь опять въ лицѣ показалась. Потомъ онъ всталъ, схватилъ растопчинскую афишку, разорвалъ ее въ клочки, подошелъ къ окну, да тутъ и сталъ, словно замеръ на мѣстѣ, а я такъ сробѣла, что и заговорить-то съ нимъ не смѣю.

Вдругъ, видимъ, у насъ на дворѣ мелькнулъ мундиръ, потомъ другой, и послышались шаги на лѣстницѣ. Глядимъ, входятъ два француза. «Дай, говорятъ, хлѣбъ, деньга». Я взглянула на мужа, и не знаю, куда мнѣ броситься, а онъ крикнулъ: «Дай же имъ, не то хуже будетъ: перебьютъ насъ всѣхъ!» Подала я хлѣба и показываю, что денегъ нѣтъ. Они взяли со стола сахаръ и баранки, приготовленные къ чаю, и ушли.

Гдѣ они бродили, не знаю, а къ вечеру пришли опять; прибѣжала къ намъ Аксинья кухарка, запыхавшись, и говоритъ, что они ужинъ нашъ съѣли, и собираются у насъ внизу ночевать. Были тамъ двѣ пустыя комнаты. «Пускай ночуютъ, — говоритъ отецъ діаконъ, — теперь они хозяева». Аксинья принесла намъ молока съ погреба да лепешекъ, что успѣла скрыть отъ французовъ; я немножко поѣла, а мужъ отказался и легъ спать безъ ужина.

На другой день онъ разбудилъ меня ранехонько, и говоритъ: «Собирайся, жена, уйдемъ отсюда». — «Куда жъ, я говорю, мы уйдемъ?» — «Куда глаза глядятъ, намъ здѣсь ужъ мѣста нѣтъ». Напились мы наскоро чаю, пока наши гости спали. Аксинья собрала въ два узелка все добро, что у насъ оставалось; я надѣла ваточный капотъ, взяла ребенка на руки, и мы вышли за ворота.

Лишь только прошли мы шаговъ сто, повстрѣчались съ однимъ изъ нашихъ прихожанъ. «Куда, говоритъ, идете, отецъ діаконъ?» Мужъ говоритъ: «Идемъ на-авось къ Калужской заставѣ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается». А тотъ говоритъ: «Тамъ стоятъ

французскіе караульные и васъ изъ Москвы не выпустятъ, а шли бы вы къ Крымскому броду на Орловъ Лугъ*), туда много народа сошлось, и я съ своими думаю туда пробраться».

Повернули мы къ Крымскому броду, и видимъ издали на Орловомъ Лугу народъ что муравейникъ. Сѣли тутъ и мы, и я стала оглядываться и прислушиваться. Чего, чего тамъ не было! и старый и малый, и нищій, и богатый. Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки и сундучки. Всѣ расположились на лугу, и говоръ-то, говоръ, что пчелиный рой. Около насъ лежала больная. Такъ ее жаль, сердечную! Молоденькая да хорошенькая, и видно, что въ богатствѣ жила, и какую нужду пришлось терпѣть! Всѣ за ней ухаживали, кто чѣмъ могъ пособлялъ. Какъ придетъ ночь, одѣнутъ ее потеплѣе и уложатъ попокойнѣе, да ужъ какой покой на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ! При ней была горничная дѣвушка, и все-то она плакала, и разсказывала намъ, что пріѣзжала она съ барыней и съ бариномъ изъ деревни ненадолго въ Москву, и остановились они въ пустомъ домѣ родственниковъ. «Баринъ-то въ армію уѣхалъ, а женѣ велѣлъ назадъ въ деревню отправляться. Она, бѣдняжка, разнемоглась, оттого и замѣшкалась, а ужъ тутъ видитъ, больная ли, здоровая ли, а ѣхать надо, и собралась. Все уже готово было, карета заложенная у подъѣзда стояла, и вышли онѣ уже совсѣмъ садиться, а тутъ нагрянули французы, и стали все изъ кареты выбирать. Хотѣли кучеръ и лакей заступиться, а французы ихъ разогнали, и бѣжали люди неизвѣстно куда, такъ и пропали безъ вѣсти, а у насъ, горничная-то говоритъ, мало того, что пожитки отняли, и карету увезли. Куда дѣваться? Въ пустомъ домѣ страхъ беретъ, я и привела ее сюда, черезъ силу. Говорятъ, на людяхъ и смерть красна».

Живемъ мы тутъ недѣлю и больше, а наша больная не поправляется и все тоскуетъ. Дѣвушка ея и придумала: «Пойду я, говоритъ, на счастье, узнаю, нѣтъ ли здѣсь кого изъ ея родственниковъ

*) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь Городская больница. Оно принадлежало, во время оно, графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Тутъ у него стояло два дома, былъ великолѣпный садъ (теперешній Нескучный) и наконецъ, лугъ, на которомъ графъ Орловъ потѣшалъ народъ зрѣлищемъ пѣтушинаго боя.

или знакомыхъ, а я съ ней одна ума не приложу, что дѣлать». Ушла она, а меня просила за больной присмотрѣть. Часа черезъ три приходитъ, и съ ней старичокъ, дядя этой барынькѣ. Какъ она ему обрадовалась! Обнимала его, обнимала, а сама плачетъ. Онъ говоритъ: «Успокойся, я тебя отсюда возьму, и уѣдемъ мы въ деревню. Теперь трудненько найти здѣсь лошадей, да авось Богъ поможетъ, и попрошу я французскихъ начальниковъ, чтобъ они намъ пропускъ дали». И точно, дня черезъ два пріѣхалъ онъ въ коляскѣ парой, а за нимъ два французскіе солдата верхомъ. Она насъ всѣхъ благодарила за уходъ, а мы такъ за нее бѣдняжку рады. Перенесли ее въ коляску, и они уѣхали.

Погода, на наше счастье, стояла сухая, а только ночи, разумѣется, были свѣжи. Прикроемся, бывало, всѣмъ своимъ тряпьемъ, да гдѣ сидѣли, тамъ и приляжемъ. А насчетъ пиши мы жили безъ нужды. Всѣ кондитерскія остались отперты, да частныя кладовыя, да ряды. Бери кто что хочетъ, особенно въ рядахъ. Они горѣли, да не всѣ, и много въ нихъ добра осталось. Цѣлые цыбики чаю стояли, головы сахару, и всякаго было много съѣстного припаса. У насъ на лугу постоянно самовары кипѣли, либо разложатъ огонь и варятъ какую-нибудь похлебку. Провизію брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что и безъ того бы не уцѣлѣла; опять не умирать же намъ съ голода, а вотъ бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили не хуже непріятеля! Уйдутъ, бывало, съ Орлова Луга, бродятъ по пустымъ домамъ, и принесутъ съ собой цѣлые узлы накраденныхъ вещей. И смотрѣть-то бывало срамно. Случалось и то, что грѣхъ-то на душу возьмутъ, а покорыстоваться все-таки не придется. Иной разъ еще не донесутъ до мѣста награбленное добро, а непріятели его отобьютъ. И страшно было, и грустно, а иной разъ, по молодости, разболтаешься съ добрыми людьми, и повеселѣешь. Помню я, разъ что̀ смѣху-то было! Отправили мы въ ряды кухарку за провизіей, да позвала она съ собой моего двоюроднаго брата (Сидоромъ Карповичемъ его звали), потому, говоритъ, все лучше съ мужчиной. А онъ захватилъ съ собой кувшинчикъ да березянную ложку: «медку, говоритъ, очень захотѣлось, а тамъ стоятъ цѣлыя кадки, такъ я себѣ и наложу». Пришли они: ряды пусты,

лишь изрѣдка кое-кто изъ непріятелей или изъ нашихъ промелькнетъ, забираетъ себѣ тоже, что подъ руку попадется. Аксинья пошла за чаемъ да за сахаромъ, а онъ за медомъ, и говоритъ ей: «Заберешь, что надо, и жди меня; я живо свое дѣло покончу и за тобой приду».

Насыпала она чаю въ салфетку и сахару битаго захватила, и ждетъ Сидора Карпыча, а его нѣтъ какъ нѣтъ; ужъ она думала, не случилось ли чего съ нимъ. Пошла бы къ нему, да боится запутаться въ рядахъ. Сижу, говоритъ, въ лавкѣ да про себя молитву творю. Вдругъ, слышитъ она, онъ ее выкликаетъ: «Аксиньюшка, голубушка, гдѣ ты?» Она вышла изъ лавки, глянула на всѣ стороны, да такъ и обмерла. Весь рядъ пустой, идетъ лишь къ ней человѣкъ, не человѣкъ, а чучело какое-то, она сперва и не разобрала, что̀ такое, а на голосъ его все идетъ. Какъ они поровнялись, такъ дѣвка и померла со смѣху. Весь онъ съ ногъ до головы въ меду обмазанъ: на головѣ точно шапка медовая, а лица и не разглядишь. «Аксиньюшка, говоритъ, протри ты мнѣ хоть глаза, Христа ради, чтобъ я свѣтъ Божій увидалъ!» Взяла Аксинья оберточной бумаги и стала ему лицо утирать, а у него съ волосъ такъ медъ и льетъ. «Нѣтъ, батюшка, — говоритъ Аксинья, — этакъ тебя не вытрешь; захвати побольше бумажки, чтобы глаза протирать, и пойдемъ скорѣй къ рѣкѣ. Да разскажи ты мнѣ, что̀ это съ тобой приключилось!» И разсказалъ онъ ей, что сталъ въ кувшинъ меду класть, и пришли тутъ какіе-то трое, и говорятъ: «Отдай намъ свой кувшинъ!» А онъ не отдаетъ. «Зачѣмъ же, говоритъ, вы шли съ пустыми руками? А нѣтъ у васъ посудинки, вы и здѣсь много найдете». Они говорятъ: «Да мы и искать-то не хотимъ: дай свой кувшинъ!» Сидоръ Карпычъ схватилъ кувшинъ, да хотѣлъ съ нимъ бѣжать. Они его догнали, отняли кувшинъ и говорятъ: «Если ты такой охотникъ до меда, мы тебя угостимъ». Схватили его, озорники этакіе, да бултыхъ въ медовую бочку, прямо головой, а сами захохотали и ушли. «Я, говоритъ, свѣта не взвидѣлъ, совсѣмъ задыхаюсь. Сталъ барахтаться, кое-какъ голову высвободилъ, а ноги такъ и вязнутъ; опять же носъ, ротъ, глаза — все залѣпило. Хочу рукой лицо обчистить, а руки-то всѣ въ меду. Такой густой этотъ проклятый медъ, точно въ тину я въ него увязъ, и, какъ на бѣду, хоть бы кто прошелъ мимо!

Ужъ не знаю, долго ли я тутъ промучился, а чувствую, что у меня въ головѣ помутилось. Собрался я съ послѣдними силами, рванулся, схватился за край кадки и вылѣзъ вонъ. Сталъ на ноги, и ничего не вижу, не соображу, куда итти, и побрелъ на-авось».

Привела его Аксинья къ рѣкѣ и немалое время съ нимъ возилась. Волосы-то у него какъ войлокъ свалялись, а платье все было медомъ пропитано. Еще хорошо, что у него перемѣна въ узелкѣ была. Мы послѣ объ этомъ, сколько лѣтъ спустя, безъ смѣха вспомнить не могли. Особливо дьячиха, шутница такая была, какъ его увидитъ: «Не угостить ли, говоритъ, тебя медкомъ, Сидоръ Карпычъ? Вѣдь ты охотникъ». А мы такъ всѣ и помремъ со смѣху.

Москва горѣла. Разлился пожаръ во всѣ стороны, что огненное море, и вспомнить-то страшно! Ходили что ни день съ Орлова Луга каждый въ свою сторону, узнать, что̀ тамъ дѣлается, и многіе возвращались съ плачемъ и разсказывали, что отъ ихъ домовъ остались одни обгорѣлые столбы. Ждали и мы своей очереди, и дождались. Сначала-то кто изъ прихожанъ ходилъ къ намъ на Якиманку, разсказывалъ, что у насъ пока все благополучно, и что въ домѣ Рахманова, противъ самыхъ святыхъ воротъ, квартируютъ французы, и ихъ генерала всѣ хвалили: говорили, что никого изъ нашихъ, кто остался въ своей сторонѣ, онъ не обижаетъ. Разъ сидимъ мы раннимъ утромъ и толкуемъ о своемъ горѣ; вдругъ прибѣжали къ намъ ребятишки съ Якиманки, — родители-то ихъ къ намъ прихожане были, — и кричатъ въ нѣсколько голосовъ: «Ну, отецъ діаконъ, сгорѣлъ твой домикъ, весь до тла сгорѣлъ, и батюшкинъ, и дьячковскій — все погорѣло!» Какъ я это услыхала, то себя не вспомнила, да такъ и взвыла, а мужъ взглянулъ на меня и говоритъ: «О чемъ ты ревешь? Видишь: все гибнетъ, и мы погибнемъ, а ты о своей лачужкѣ ревѣть вздумала!» Такой онъ былъ мрачный и сердитый съ того самаго дня, какъ французы къ намъ пришли: словно его варомъ обдало. Не смѣешь, бывало, съ нимъ слова вымолвить. Ни на что̀ онъ не жаловался, а желтый такой сталъ да блѣдный: настоящимъ смотрѣлъ старикомъ. У меня тоже пропало молоко, и настрадалась я со своимъ малюткой. Кричитъ онъ, бѣдняжка, безъумолку, а ужъ у меня руки заболѣли его качая. Кашки ему,

бывало, сварю, либо кренделей въ горячей водѣ размочу, да его прикармливаю, а онъ все груди проситъ. День-то денской съ нимъ маешься, хоть бы ночку отдохнуть, а онъ всю ночь кричитъ. Весь распухъ, отекъ совсѣмъ; ужъ я молила Бога, чтобъ его прибралъ. Мнѣ и самой жизнь была не на радость.

Сначала къ намъ непріятелей хаживало не много. Придутъ, бывало, обойдутъ Орловъ Лугъ, и что̀ имъ приглянется, стащутъ, — платокъ ли съ кого, съѣстное ли что. Всякій радъ имъ отдать, лишь бы только они ушли. А тутъ все чаще заглядывать къ намъ повадились, оттого ли что провизія стала вездѣ истощаться, и они бродили, отыскивая себѣ добычи, ужъ не знаю. Иные не очень насъ забижали, а отъ другихъ, просто, житья не было. Разъ, помню, идутъ ихъ человѣка четыре и несутъ большіе мѣшки; должно-быть, что-нибудь награбили, и позвали они какого-то мѣщанина, да моего Дмитрія Власьича имъ пособить. А Дмитрій Власьичъ говоритъ: «Не пойду, я и такъ еле ноги таскаю». Да повернулся къ нимъ спиной и пошелъ въ сторону. Они разсердились и бросились къ нему. Одинъ выхватилъ саблю, и показываетъ, что убьетъ мужа, если онъ съ ними не пойдетъ. Наши прихожане закричали: «Иди, отецъ діаконъ, вѣдь ихъ, окаянныхъ, не переспоришь». И я закричала: «Голубчикъ мой, не губи ты себя, не покинь меня сироту съ малымъ ребенкомъ.» Онъ не отозвался, а взялъ мѣшокъ и пошелъ за ними.

Молоденькихъ женщинъ тоже, бывало, не промигаютъ. Разъ пришли къ намъ человѣкъ сорокъ и разбрелись по лугу. Кто всякое добро подбираетъ, кто къ женщинамъ пристаетъ. Одинъ подошелъ ко мнѣ и потрепалъ меня по щекѣ. Я отъ него, а онъ, спасибо, за мной не погнался. Мужъ это видѣлъ и сталъ еще пасмурнѣе. Какъ они ушли, онъ говоритъ: «Долго ли намъ еще здѣсь оставаться? Кончится тѣмъ, что они насъ всѣхъ перебьютъ. Пожили больше двухъ недѣль подъ открытымъ небомъ, — довольно! Вѣдь у всякаго звѣря есть своя нора. Перейдемте въ нашу церковь, тамъ и жить будемъ. Хотя оно и не показано, да вѣдь некуда головы приклонить. Польютъ дожди, здѣсь хоть умирай! Съ насъ и Господь не взыщетъ въ такой бѣдѣ».

И рѣшили, что всѣ прихожане перейдутъ въ церковь и, кромѣ того, кто пожелаетъ, лишь бы только мѣсто было. Около насъ

припасы ужъ совсѣмъ вышли, и мы разочли, что на своей сторонѣ мы скорѣй найдемъ себѣ пропитанія, потому что погребовъ съ провизіей тамъ много было: авось не всѣ ихъ французъ отыскалъ. Домовъ-то пустыхъ стояло не мало, да мы пожара боялись, а церковь все-таки особнякомъ стояла.

Пошелъ Дмитрій Власьевичъ къ французскому генералу, что въ Рахмановскомъ домѣ стоялъ, объяснилъ ему, что хотятъ многіе бездомные поселиться въ церкви, что тутъ и больные, и слабые, и женщины, и просилъ, чтобъ его ребята насъ не обижали. Мой мужъ по-французски не зналъ, а говорилъ съ генераломъ по-латыни, и принялъ его генералъ очень ласково. «Переходите, говоритъ, въ церковь и будьте спокойны: я своимъ солдатамъ не позволю васъ тревожить».

Какъ вернулся отъ него отецъ діаконъ, такъ и собрались мы, человѣкъ около шестидесяти, и взяли, что было у насъ пожитковъ. Вошли мы въ церковь, перекрестились и расположились на полу, кто гдѣ попало.

Я съ моимъ бѣднымъ Сережей совсѣмъ измучилась, и чувствовала, что разнемогаюсь, а онъ таетъ, что свѣча у меня на рукахъ. Не только что мнѣ по ночамъ, да и другимъ спать не давалъ. Дней пять еще промаялся на нашемъ новосельѣ и умеръ. Я по немъ и не убивалась; Богъ съ нимъ, не на радость, видно, родился. Дмитрій Власьевичъ говоритъ: Благую долю избралъ; хорошо кабы и намъ туда же!» Пошелъ онъ на Полянку, принесъ оттуда даровой гробикъ и позвалъ своего отца хоронить ребенка. А я его омыла, одѣла въ чистую рубашонку, да какъ стала въ гробъ класть, сердце у меня защемило, и слезы потекли. Тутъ его около самой церкви и похоронили, и Дмитрій Власьевичъ ему надгробную надпись сочинилъ. Вѣдь онъ охотникъ былъ писать, и бойко писалъ, нечего сказать, проповѣдь ли, стихи ли какіе, — на все былъ мастеръ. Онъ эту надпись самъ на камнѣ вырѣзалъ:

Отселѣ на аршинъ
При Галлахъ скрытъ мой сынъ.

Церковь всегда у насъ была заперта. Въ первые дни, какъ мы въ нее перешли, насъ никто не тревожилъ. Подходилъ день Св. Іоанна Богослова; мой мужъ и говоритъ: «Что жъ, благо, они

насъ въ покоѣ оставляютъ, можно бы намъ на праздникѣ обѣдню отслужить. Надо помолиться, чтобы не до конца Господь насъ забылъ. Приглашу я батюшку, а генерала на всякій случай попрошу, чтобъ онъ намъ далъ караулъ во время совершенія литургіи да окна въ алтарѣ досками заложимъ, чтобъ они съ улицы не подсмотрѣли да какого бы грѣха не сотворили».

Обрадовались мы, что придется намъ обѣдню отслушать, и стали ждать праздника. Жили мы тутъ, что̀ на Орловомъ Лугу, готовили себѣ поѣсть, что Богъ пошлетъ, да грѣли самовары. Становилось холодно; только, бывало, и согрѣешься чаемъ либо горячимъ киселемъ. Пожили мы такъ съ недѣльку, и французовъ не видали. Только разъ, слышимъ, раннимъ утромъ стали колотиться въ церковныя двери. Отецъ-діаконъ заглянулъ въ окно и говоритъ: «Ихъ не больше двѣнадцати человѣкъ. Я не отопру: поколотятся, поколотятся, и уйдутъ. Съ этою дверью сладить не легко, а вздумаютъ ломать, отпереть успѣемъ». И точно, французы стучались, бранились, кричали, и отошли. Дмитрій Власьевичъ хотѣлъ итти жаловаться ихъ генералу, да видитъ въ окно, что они окружили церковь. Видно, ждали, чтобы кто изъ церкви вышелъ. Прошелъ цѣлый день, мы все не выходимъ, а они этимъ временемъ набрали много еще своихъ и придумали, окаянные, къ намъ въ окно стрѣлять. Вдругъ пуля просвистѣла у насъ надъ головами и пробила икону Трехъ Святителей*). И святыни-то они не пощадили! Мы всѣ бросились ницъ ни живы ни мертвы. Надъ нами пролетѣло еще нѣсколько пуль. Дѣлать было нечего: отецъ-діаконъ всталъ и отперъ дверь.

Вошла толпа непріятелей. У иныхъ сверхъ мундира были повязаны шали или надѣты женскіе капоты. Отецъ-діаконъ спросилъ по-латыни: «Что̀ вамъ надо?» Одинъ изъ нихъ, должно-быть изъ начальниковъ, говоритъ, что тутъ много добра лежитъ; ваши русскіе намъ показали. «А коли показали, — говоритъ отецъ-діаконъ, — дѣлайте, что̀ хотите, а намъ пришлось терпѣть».

И точно, имъ наши показали, со страху что ли, или просто злодѣи нашлись, потому видно, что они навѣрняка шли. Прямо подбѣжали къ стѣнѣ, у которой сундуки стояли, живо ободрали

*) Прострѣленная икона цѣла до сихъ поръ.

сукно, потомъ отодрали доски, и стали сундуки вытаскивать; которые замки они ломали саблями, у которыхъ петли отрывали; изъ тѣхъ же сундуковъ они вытаскивали простыни либо скатерти, и завязывали въ нихъ вещи и одежду. Я видѣла, какъ они опустошали и нашъ сундукъ, да и не вздохнула объ немъ. Въ это время ни о чемъ, кажется, не пожалѣлъ бы. Столько настрадались да столько потеряли, что ужъ все было нипочемъ, и казалось, что ничего не надо.

А иные какъ горевали о своемъ добрѣ! Помню я, стоялъ около меня понамарь, да какъ начали его сундукъ разбивать, онъ и давай имъ причитать, благо они не понимаютъ: «Тащите, черти окаянные! хоть бы вамъ нашимъ добромъ подавиться! чтобъ вамъ, проклятые, не было ни дна ни покрышки!» Ужъ напѣлъ онъ имъ! Отвелъ свою душу, нечего сказать!

Обобрали они все, и убрались, а отецъ-діаконъ пошелъ сейчасъ къ французскому генералу съ жалобой: «Что жъ, говоритъ, они все наше добро растащили, и если опять придутъ, такъ нечего ужъ и брать кромѣ нашихъ головъ, они и ихъ снимутъ». А генералъ ему говоритъ: «Врядъ ли это натворили мои ребята, а надъ остальными я не властенъ; опять же, не знаю, на кого и жаловаться. Я вамъ дамъ караулъ». Мужъ ему сказалъ насчетъ обѣдни, и онъ обѣщалъ, что во время службы караулъ будетъ двойной.

Наступилъ праздникъ. Наканунѣ пришелъ мой свекоръ. Муки крупичатой на просфоры достали въ одной изъ сосѣднихъ кладовыхъ, а вина краснаго нигдѣ добыть не могли. Мой мужъ зналъ, что у французскаго генерала были всякія вина, и вздумалъ у него попросить. Генералъ приказалъ отпустить ему бутылку. Отслужили заутреню и обѣдню. Кто эту обѣдню слышалъ, кажется, никогда не забудетъ. Когда на ектеньѣ отецъ-діаконъ молился: *О царствующемъ градѣ*, голосъ у него замеръ въ груди, и мы стали на колѣни, и всѣ сердца надорвались отъ рыданья. Была у насъ и другая обѣдня на Покровъ, и во все время стража стояла у дверей. За обѣими обѣднями мужъ проповѣдь говорилъ*).

*) Эти проповѣди хранятся въ семействѣ, записанныя рукой самого Дмитрія Власьевича. Его вдова говоритъ, что проповѣдь, произнесенная

Прошло около недѣли послѣ Покрова; видимъ мы, что французы что-то засуетились. Слышны отъ насъ крикъ и говоръ, и конскій топотъ. Хотѣлъ отецъ-діаконъ какъ-нибудь допросить нашихъ караульныхъ. Они по-латыни не знали, да выучили нѣсколько русскихъ словъ, и мужъ могъ слово, другое по-французски сказать, такъ что объясниться можно было, съ грѣхомъ пополамъ. Отворилъ онъ двери — глядь! наши караульные пропали. Страхъ насъ разобралъ: видимъ, что-то готовится, а что̀ не знаемъ. Всю ночь продолжался у нихъ шумъ, а мы всю ночь не спали. На другой день повалили они, какъ саранча мимо нашихъ оконъ, и конные и пѣшіе. Иные чучела чучелами смотрѣли. Навьючили на себя всякаго женскаго тряпья. Шли они всѣ да ѣхали вразсыпную, кто гдѣ попало, а не такъ, какъ обыкновенно полки идутъ стройнымъ шагомъ, и за ними ѣхали пушки, фуры и повозки. Долго они тянулись одни за другими; мы думали, и конца этому не будетъ, а вдругъ улица опустѣла. Что̀ жъ, думаемъ, ужъ не покинули ли они Москву? И вѣрить не смѣемъ такому счастью. Не вдругъ мы рѣшили выйти изъ церкви, а какъ вышли-то, глядимъ, что̀ за страсть; вездѣ либо горитъ, либо выгорѣло. Торчатъ трубы да почернѣлые столбы, и лежатъ грудами головни, и вездѣ пусто. Мы шли, куда глаза глядятъ. Вдругъ стали мелькать наши, и всѣ кричатъ, что французъ оставилъ городъ, что Москва свободна.

Уцѣлѣвшіе дома стояли почти всѣ пустые: войди, кто хочетъ, и живи. Мы поселились на своей сторонѣ, въ домѣ генеральши Домашневой. Скоро стали привозить провизію на рынки, и принялись тушить пожаръ. Многіе остались безъ крова, да богатые помогали бѣднымъ. Купецъ около Калужскихъ воротъ очистилъ нѣсколько комнатъ въ своемъ домѣ для погорѣлыхъ, пекъ для нихъ хлѣбы и варилъ квасъ. И насъ не оставили добрые люди, и стали мы понемногу поправляться.

въ день Покрова, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Онъ завершилъ ее слѣдующими словами: «Владычица міра! Ты зришь съ превыспреннихъ круговъ, сколь несносная жалость снѣдаетъ сердца наши; исхити насъ изъ глубины золъ, окружающихъ насъ, побори враги, борющіе насъ, ниспошли на насъ милости Твоя богатыя и возвыси родъ христіанъ православныхъ. Аминь.

VII.

Разсказъ купчихи Анны Григорьевны Кругловой, Шереметевской богадѣленки.

Мы жили за Сухаревою башней, въ домѣ купца Полякова. Семейство у насъ было большое: отецъ съ матерью, дядя съ женой, да тетка съ мужемъ и съ годовымъ ребенкомъ, да я. Всѣмъ домомъ управлялъ отецъ. У него былъ пивной заводъ, и жили мы безбѣдно. Я была уже на возрастѣ, и думали мнѣ жениха хорошаго пріискать. Нанимали мы только половину дома, а другую хозяинъ оставилъ за ссбою и жилъ въ ней съ женой да со старушкою-матерью.

Какъ прошли слухи, что идетъ на насъ французъ, стали мы уговаривать батюшку, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Москвы. Я всегда была своимъ родителямъ покорною дочерью и старость ихъ всячески покоила; а что̀ правда, то правда: отецъ былъ упорный человѣкъ. «Ни за что, говоритъ, не выѣду, нечего француза бояться: мы его шапками закидаемъ». Что мы тогда слезъ-то пролили! а онъ сталъ на своемъ, а не то, чтобы добрыхъ людей послушаться.

Нашъ хозяинъ все свое добро убралъ въ подвалъ: были у него иконы чудесныя, въ серебряныхъ да въ золотыхъ ризахъ, жемчугомъ низаныя, богатыя были шубы, и вешей было много. Рѣшился и отецъ наше доброе туда же спрятать. Уложили все въ сундуки, вынесли въ подвалъ и зарыли въ землю.

Какъ распорядился нашъ хозяинъ, такъ поднялся въ путь. Его мать и говоритъ: «Поѣзжай съ женой, а я здѣсь останусь: я въ этомъ домѣ вѣкъ свѣковала, и не выѣду изъ него». Сталъ онъ ее упрашивать, въ ноги ей кланялся, а старушка говоритъ: «Умру—не поѣду». Видитъ онъ, дѣлать нечего, и уѣхалъ съ женой.

Совсѣмъ опустѣла Москва: насъ страхъ разбираетъ, а отецъ все надъ нами подтруниваетъ. Раздавали оружіе въ Кремлѣ, и онъ себѣ досталъ ружье безъ курка. «Хоть оно, говоритъ, и не въ исправности, а все же пригодится: можетъ, придется француза постращать».

1-го сентября наши войска проходили Москвой. Мы выбѣжали за ворота поразспросить солдатъ о французѣ, а они говорятъ: «Готовьте хлѣбъ-соль, встрѣчать дорогихъ гостей!» На другой день, слышимъ, пришелъ французъ, а видѣть не видали, какъ онъ входилъ, и не знаемъ, вѣрить ли, нѣтъ ли слухамъ. Сидимъ и толкуемъ: что-то Богъ дастъ. Вдругъ кто-то закричалъ: горимъ! Глядь — наша половина загорѣлась. Всѣ стали наскоро забирать, что было подъ рукой, да въ узелки увязывать. Я сняла живо со стѣны три платья, и надѣла ихъ всѣ на себя другъ на дружку. Отецъ взялъ ружье. Собрались мы и пошли къ старушкѣ Поляковой, а она стоитъ у кивота и лампадку предъ иконами зажигаетъ; а сама нарядилась, словно на праздникъ собирается: вся въ бѣломъ, и на головѣ бѣлый платокъ. Мы ей говоримъ: «Что это вы, бабушка, или не знаете, что домъ загорѣлся? Заберемъ поскорѣе ваши вещи, да и уйдемъ съ Богомъ: мы за вами пришли». А она говоритъ: «Спасибо вамъ, мои голубчики, что не забыли меня, а я свой вѣкъ въ этомъ домѣ прожила, и не выйду изъ него живая. Какъ онъ загорѣлся, я надѣла свою подвѣнечную рубашку, и нарядилась какъ покойница. Стану на молитву, и за молитвой застанетъ меня смерть: я готова». Начали мы ей представлять всѣ резоны, что зачѣмъ, молъ, вамъ итти на мученическую смерть, когда Господь вамъ помогаетъ спастися?» — «Я, говоритъ, не сгорю, я задохнусь, пока огонь до меня не дойдетъ. Ступайте, пора: ужъ и сюда дымъ пробирается, а мнѣ еще помолиться надо. Простимся, и уходите съ Богомъ!» Обняли мы ее, а сами рыдаемъ. Она насъ всѣхъ благословила, и слезы у нея на глазахъ навернулись. «Простите меня, говоритъ, грѣшницу, если я въ чемъ предъ вами провинилась, а моихъ увидите, передайте имъ мой послѣдній поклонъ». Мы ей поклонились въ ноги, какъ покойницѣ, и ушли. Въ комнатѣ стоялъ уже густой дымъ.

Чего бы лучше итти къ Троицкой заставѣ, тутъ бы, кажется, и отецъ не заупрямился, да ужъ очень мы растерялись: куда первый бросился, туда за нимъ и другіе побрели. Дошли мы до Каменнаго моста: тутъ столпились человѣкъ сто нашихъ, и по мосту проходили непріятельскіе полки. Около насъ остановилось нѣсколько солдатъ. Отецъ вздумалъ погрозиться на нихъ своимъ

ружьемъ. Одинъ изъ нихъ разсердился, выхватилъ у него ружье и ударилъ бѣднаго отца прикладомъ по затылку. Кровь брызнула изъ раны. Мы взяли отца подъ руки, продрались кое-какъ чрезъ толпу, отыскали тряпокъ въ своихъ узелкахъ и обвязали ему голову. Онъ немного оправился и сказалъ, что итти можетъ. Мы пошли къ Остоженкѣ, и съ нами много своихъ. Вдругъ насъ окружила толпа непріятелей и принялась насъ грабить. Отца обыскали: у него въ карманѣ лежалъ мѣшечекъ съ серебряными деньгами да бумажникъ съ ассигнаціями, сумма была порядочная. Мѣшечекъ солдаты взяли, а бумажникъ осмотрѣли и бросили. Слава Богу, что намъ удалось его поднять! Кафтанъ съ отца стащили, узелки наши обобрали, у меня съ плечъ сняли салопчикъ. Кто пробовалъ заступаться за свое добро, кто радъ былъ все отдать, лишь бы голова на плечахъ осталась! Женщины и дѣти подняли вой.

Вдругъ, видимъ, идетъ еще полкъ, а впереди ѣдетъ командиръ, такой бравый. Около него шелъ одинъ изъ нашихъ, — это его французъ къ себѣ въ переводчики взялъ. Поровнялись они съ нами и остановились, какъ увидали насъ горькихъ. Командиръ крикнулъ на нашихъ грабителей, и они разошлись, а переводчикъ намъ говоритъ: «Это генералъ и очень важное лицо, и велѣлъ онъ, чтобы вы за нимъ шли, онъ васъ въ обиду не дастъ». И сказывалъ онъ намъ его имя; я и до сихъ поръ помню: звали его Кольникуръ*). Мы обрадовались и пошли за ними. Приходимъ на Пречистенку: тутъ непріятелей видимо-невидимо. Приперли насъ къ рѣшеткѣ дома князя Голицына, такъ что мы двинуться не можемъ. Кольникуръ крикнулъ, чтобы солдаты посторонились, а намъ приказалъ итти въ ворота, самъ въѣхалъ, и за нимъ человѣкъ сто солдатъ. Предъ подъѣздомъ стояла дорожная коляска, и на крыльцо вышелъ мужчина съ дамой: на ней была дикая шляпка и дикій салопчикъ. Кольникуръ къ нимъ подъѣхалъ и что-то съ ними говорилъ; потомъ они сѣли въ коляску, онъ за ними поѣхалъ и махнулъ рукой, чтобъ мы шли ему въ слѣдъ, а ужъ за нами его команда. Какой онъ, право, добрый былъ! Царство ему небесное, коли его въ живыхъ уже нѣтъ! Услыхалъ

*) Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о Коленкурѣ.

онъ, что закричалъ ребенокъ у тетки, и прислалъ ему крендель; откуда онъ его взялъ — не знаю.

Приходимъ мы къ Дорогомиловскому мосту, по мосту валятъ полки. Гдѣ ихъ тутъ переждать! Кольникуръ приказалъ тотчасъ своимъ солдатамъ искать брода. Какъ они нашли, онъ самъ поѣхалъ впереди, за нимъ коляска, а ужъ тутъ и мы всѣ. Идемъ въ водѣ по колѣни. Тетка поскользнулась, ребенокъ у ней изъ рукъ нырнулъ и прямо въ воду; да, спасибо, моя мать шла рядомъ съ нею и успѣла его подхватить! Выбрались мы на другой берегъ и подошли къ самой заставѣ, а въ заставу пройти и думать нечего: непріятельская армія идетъ. Кольникуръ пристроилъ въ сторожку господъ, что въ колескѣ ѣхали, а намъ приказалъ сѣсть кучкой на землѣ, и солдатъ къ намъ приставилъ, а самъ уѣхалъ, а переводчикъ съ нами остался, и объяснилъ, что генералъ пришлетъ приказанія на нашъ счетъ.

Страшно было: наши жгли Москву. Въ разныхъ мѣстахъ уже разгорался пожаръ. Давно ночь на дворѣ, и пѣтухи пропѣли, а войско все идетъ, а приказаній на нашъ счетъ никакихъ нѣтъ, мы и рѣшились уйти на-авось. Съ нами пошли человѣкъ давадцть.

Бродили мы, бродили и совсѣмъ умаялись; вѣдь съ нами были и старики и дѣти. Гдѣ пусто на улицѣ, тутъ приляжемъ и вздремнемъ. Проголодались тоже: у кого было что̀ въ запасѣ, съ другими дѣлился. Въ дома не рѣшались итти: которые пусты, тѣ были заперты, и ставни заколочены. Долго мы скитались безпріютно и пришли, наконецъ, на Остоженку. Тамъ стоялъ большой домъ деревянный, генеральши Киселевой, и весь онъ сгорѣлъ: остались только каменные подвалы. Мы и придумали въ нихъ поселиться, и обошли ихъ кругомъ: двѣ двери. Одна желѣзная, изнутри заперта, другая деревянная, выходитъ въ садъ, и замокъ на ней виситъ. Наши мужчины его сбили, мы вошли и оглядѣлись. Подвалъ большой, на окнахъ желѣзныя рѣшетки, въ одномъ углу стоитъ посуда, а другой заваленъ тальками. Тутъ мы и остались: слава Богу, что подъ кровомъ!

Въ подвалѣ лежалъ также куль муки. Мы боялись, чтобъ у насъ его не отняли, и спрятали его въ трубу сгорѣвшаго дома. Влѣзли на нее ночью и туда засунули куль, а себѣ немного оставили муки

на пропитаніе, и пекли изъ нея лепешки. Кромѣ того, наши мужчины хаживали по огородамъ и по погребамъ и добывали намъ съѣстные запасы. Помню, разъ пошли они въ ряды и забрели въ лавку, гдѣ продавались всякія сласти. Она обгорѣла и обрушилась. Принялись они разгребать обломки и отыскали много шепталы и изюма, перемѣшаннаго съ землей. Собрали они все въ мѣшокъ и принесли къ намъ. Мы выбрали шепталу и изюмъ, перемыли ихъ, потомъ обдавали кипяткомъ, и пили настой. А кипятокъ мы вотъ какъ добывали: отыскали тоже въ лавкѣ самоваръ безъ крана. Покойный отецъ обточилъ деревяжку и воткнулъ ее на мѣсто крана. Какъ самоваръ закипитъ, кто-нибудь выдернетъ деревяжку, а другіе подставляютъ поскорѣй посудинки, чтобы вода не разбѣжалась.

Очень хотѣлось намъ чайку достать, потому что ужъ привычку большую къ нему имѣли, а нашимъ не попадалось въ рядахъ ни чаю ни сахару. Вѣдь не мы одни, всѣ тоже ходили туда поживиться: что̀ Богъ пошлетъ, то и возьмутъ. Вотъ разъ идетъ батюшка по рядамъ и видитъ, одинъ изъ нашихъ несетъ черезъ силу цыбикъ чая. Отецъ ему и говоритъ: «Вишь, какъ тебѣ бѣдному тяжело: отсыпь-ка мнѣ чайку: тебѣ легче будетъ». Тотъ разсмѣялся: «Возьми, говоритъ, я радъ». Развязалъ онъ цыбикъ и отсыпалъ большую кучу чаю. Поблагодарилъ его отецъ и спрашиваетъ: «А гдѣ бы сахарку достать?» Встрѣчный говоритъ: «Весь растащили, и продаютъ его на Орловомъ Лугу, за Крымскимъ бродомъ».

Пошелъ отецъ на Орловъ Лугъ. Туда много сошлось народу. Какіе-то мѣщане точно продавали битый сахаръ, огнемъ спаленный: сверху-то онъ пожелтѣлъ какъ ледянецъ, и батюшка за него заплатилъ по два рубля за фунтъ, на ассигнаціи. Этакіе безсовѣстные! имъ этотъ сахаръ даромъ достался, а они съ своихъ же что̀ за него брали!

Пришли къ намъ Мухановскіе люди, — у ихъ господъ тоже домъ сгорѣлъ, — и другіе пришли: дѣваться, говорятъ, некуда, да такъ и остались съ нами въ подвалѣ; многіе у насъ тутъ жили. Часто къ намъ непріятели жаловали; желѣзную дверь мы не отпирали, и они иной разъ постучатся, постучатся, и уйдутъ. А которые, бывало, садомъ обходили, тѣ придутъ къ деревянной двери,

ужъ тутъ дѣлать нечего: отпирай! Перетаскали они всю фарфоровую посуду, что̀ могли. А нерѣдко бывало, что и мы съ ними справимся. Они по ночамъ не бродили, потому наши мужчины хаживали ночью за провизіей, а когда случится какая крайность, такъ и днемъ пойдутъ, дѣлать нечего! Вотъ, разъ ушли они, а при насъ остался только мой отецъ; на бѣду къ намъ, вломись непріятельскій солдатъ. У него на плечѣ длинная дубина, онъ ее лѣвою рукой поддерживаетъ, а правой схватилъ отца за воротъ. Я подбѣжала сзади къ этому разбойнику, выхватила у него дубину, да хвать его по затылку. Онъ упалъ: мы всѣ на него бросились, порѣшили съ нимъ, и оттащили его въ прудъ. Въ этотъ прудъ да въ оба колодца много побросали мы непрошеныхъ гостей. Придетъ ихъ, бывало, человѣкъ пять, обшарятъ вездѣ, и мы ничего — смотри, благо, на пустое мѣсто пришелъ, развѣ съ кого платчишко стащитъ. А ужъ если забижать вздумаютъ, мы съ ними сладимъ: ни одного живого не выпустимъ. Хоть и жаль, да своя-то голова дороже: побили бы ихъ и отпустили, да вѣдь они, пожалуй, пойдутъ и съ сердцовъ-то наведутъ къ намъ цѣлую стаю своихъ, да насъ же всѣхъ передушатъ. Ну, и убьемъ до смерти.

Помню я, пришелъ къ намъ разъ купецъ Зарубинъ: у него въ домѣ непріятели стояли, и просили, нельзя ли имъ рыбы наловить. А Зарубинъ зналъ, что въ прудѣ генеральши Киселевой караси водились, и спрашиваетъ у батюшки: «Нельзя ли мнѣ въ вашъ прудъ неводъ бросить?» А батюшка говоритъ: «Нечего насъ и спрашивать: прудъ не нашъ. Да что̀ ты, Григорій Никитичъ, въ свой неводъ захватишь? либо карася, либо молодца».

Мы жили около Зачатіевскаго монастыря: онъ выгорѣлъ дня два или три, послѣ того какъ французъ въ Москву пришелъ, да храмы уцѣлѣли, и съ конца сентября служили въ нихъ каждый день обѣдню. Мы не знали, какую еще судьбу намъ пошлетъ Господь, и всѣ исповѣдовались и пріобщились. Тамошній священникъ, отецъ Емельянъ, — царство ему небесное, — много насъ поддерживалъ въ нашемъ горѣ. Онъ былъ праведный человѣкъ, и смерть бы, кажется, принялъ за правду да слово Божіе. Разъ, шелъ онъ по улицѣ, и повстрѣчались ему двое непріятельскихъ солдатъ. Они тащили сапогъ паръ десять, — должно-быть, изъ лавки взяли; какъ увидали батюшку, такъ остановили его

и приказали ему нести сапоги. Онъ ихъ взялъ и понесъ. Солдаты шли впереди и привели его въ церковь, въ которую не помню. Въ этой церкви они жили, и своихъ лошадей въ ней держали, окаянные. Велѣли они батюшкѣ сапоги на престолъ поставить, и лежалъ ужъ на немъ всякій хламъ. А батюшка свалилъ ихъ въ кучу на полъ. Они на него крикнули, и показываютъ ему опять, чтобъ онъ ихъ на престолъ ставилъ, а онъ ни съ мѣста. Разсердились они не на шутку, подошли къ отцу Емельяну и стали его бить, а онъ все стоитъ, не двигается. Больно они его били и прогнали съ сердцовъ.

Мы хаживали что ни день въ монастырь къ сбѣднѣ. Тамъ поселились многіе міряне, а мы толкуемъ, бывало, и съ ними, и съ монашенками, — толковали, разумѣется, все объ одномъ: у всѣхъ одно было на умѣ. Они пробивались со дня на день точно такъ же какъ и мы, и искали себѣ тоже пищи по огородамъ. Пошла разъ раннимъ утромъ старушка, майорша Писарева, картофелю покопать, да запоздала и не успѣла вернуться въ монастырь, пока непріятели еще не выходили со своихъ квартиръ. На нее бѣдную и напали два шальные солдата; картофель у нея отняли, и такъ ее избили, что она упала и осталась на улицѣ полуживая. Да, слава Богу, шелъ мимо діаконъ монастырскій, онъ ее увидалъ и поднялъ, а она и на ногахъ стоять не можетъ. До монастыря отецъ-діаконъ видитъ, что ея не довести, такъ ужъ онъ ее кое-какъ до насъ довелъ. Такъ и всплеснули мы руками, какъ ее увидали. Пріютили мы ее въ уголокъ; тряпья, какое было, подкинули подъ нее, чтобъ ей было помягче лежать, и ходили мы за ней, какъ только умѣли. Да ужъ очень ее злодѣи избили: не встала она, бѣдная, полежала нѣсколько деньковъ и Богу душу отдала. Мы къ отцу Емельяну: «Какъ быть, батюшка, надо ея грѣшное тѣло по-христіански похоронить». Въ монастырь ее нести думать нечего: гроба нѣтъ, а такъ нести мертвое тѣло еще бѣдъ надѣлаешь. Отецъ Емельянъ пришелъ къ намъ ночью, поставилъ свѣчу къ ней въ головы и совершилъ отпѣваніе. Наши мужчины вырыли въ саду яму подъ яблоней, и похоронили мы майоршу.

Много мы натерпѣлись въ это время: ни платья, ни перемѣннаго бѣлья нѣтъ. Обносились мы до лохмотьевъ, на иныхъ даже все истлѣло. А чулокъ мы себѣ въ это время навязали изъ таленъ,

что̀ лежали въ подвалѣ. Въ рядахъ валялись всякая мелочь, и спицъ въ волю, такъ что мы безъ работы не сидѣли.

Дорого бы, кажется, далъ, чтобы въ банѣ попариться! Одной только моей теткѣ удалось помыться, да только не въ банѣ. Пошла она разъ за чѣмъ-то въ монастырь, и погонись за ней солдатъ. Она бѣжать къ рѣкѣ, и вошла въ воду по горло. Солдатъ стоитъ на берегу, дожидается, чтобъ она вышла. А она себѣ на умѣ была; цѣлый часъ простояла, вся продрогла, а его таки переупрямила: ушелъ съ досады. Тогда и она изъ воды выпѣзла, и пришла къ намъ. Мокрое платье къ тѣлу прилипло, шагать даже трудно. Былъ на ней бумажникъ съ ассигнаціями, и всѣ-то онѣ взмокли; она ихъ разобрала и высушила.

А отца моего поймали разъ французы. Застали они его, такъ же какъ майорщу, на огородѣ, и велѣли итти за собой. Цѣлыхъ двое сутокъ онъ пропадалъ, ужъ мы съ матушкой всякихъ страстей надумались. Какъ онъ вернулся, такъ разсказываетъ, что отвели его французы въ Хамовническія казармы, и дорогой еще одного нашего захватили. Въ казармахъ они жернова устроили, и приказали батюшкѣ и тому молодцу рожь имъ молоть. А ржи у нихъ большіе кули лежатъ. Батюшка говоритъ: «Мы и вздумали ихъ побѣсить: подложимъ гвоздочекъ на жорновъ, да и смѣлемъ имъ въ полъ-зерна. Взглянутъ они и сейчасъ закричатъ: «Не добри, не добри!» и руками замахаютъ. Долго, говоритъ, мы ихъ этимъ дразнили, пока самимъ не надоѣло». Хорошо, что они на французовъ напали, потому что французъ деликатный, а если бъ это съ прочими ихъ народами сдѣлать, такъ штука не сошла бы имъ даромъ съ рукъ. Французы батюшку и того русскаго продержали двое сутокъ и ничѣмъ не обидѣли, а что̀ сами ѣли, тѣмъ и ихъ кормили.

Мы думали, что нашему горю конца не будетъ. Только разъ видимъ мы, повалили полки по Крымскому мосту: изъ оконъ нашего подвала какъ на ладони все видно. Человѣкъ десять нашихъ мужчинъ выбѣжали посмотрѣть поближе. Идутъ эти французы настоящими нищими, не хуже насъ обносились: всѣ въ лохмотьяхъ да обернувшись во что̀ попало. Тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, и стихари, — чего хочешь, того просишь. За ними ѣдутъ пушки и фуры, и женщины тутъ же.

Жоны ли ихъ, пріятельницы ли, ужъ Богъ знаетъ. Одна сидитъ на телѣгѣ и сама правитъ, а телѣга верхомъ навьючена. Которые солдаты верхами въ бродъ рѣку переѣзжали. Вздумала и эта мамзелька за ними, да забрала въ сторону, попала на быстрое мѣсто, и стала лошадь кружиться. А солдаты уѣхали уже далеко впередъ. Закричала мамзелька благимъ матомъ, а наши молодцы бросились въ бродъ, спихнули ее въ воду, а лошадь взяли подъ уздцы, вывели ее на берегъ, и пустились рысью къ Остоженкѣ, «а тебя, молъ, мамзель, пусть твой пріятель спасаетъ!»

Мы хоть и видѣли, какъ они мостомъ шли, а не знаемъ, всѣ ли отъ насъ убрались, и сидимъ въ своемъ подвалѣ, выйти не смѣемъ. А какъ Кремль-то взорвало, мы чуть не перемерли отъ страха: думали — свѣтопреставленіе. Тутъ скорехонько изъ-подъ Москвы нагрянули наши мужички: ушелъ французъ, ихъ часъ насталъ, и давай грабить. Натѣшились они, пока полиція ихъ не уняла.

Ходили мы на свою сторону, въ домъ Полякова, провѣдать про свое добро, что̀ забыто было; не осталось отъ него ни крохи: свои ли, непріятели, что ль, все растащили. Мы вернулись въ Киселевскій подвалъ, и прожили въ немъ еще цѣлый мѣсяцъ. А ужъ тутъ батюшка мѣстечко отыскалъ, потому что заводъ его погибъ, да я стала швейную работу брать по заказу, такъ и зажили помаленьку.

VIII.

Разсказъ одного изъ бывшихъ крѣпостныхъ г. Соймонова*), старичка Василія Ермолаевича.

Какъ стали всѣ изъ Москвы разъѣзжаться, баринъ отправилъ свое семейство во Владиміръ, а самъ оставался здѣсь нѣсколько дней по дѣламъ. Жили мы тогда въ своемъ домѣ, въ приходѣ Архидіакона Стефана, на Швивой Горкѣ. Домъ былъ большой, и строеній стояло много на дворѣ: кладовыя, кухня, людскія, сараи, конюшни. Прежде-то господа ужъ истинно по-барски жили.

*) Александра Николаевича.

Кладовая была большая, каменная; въ нее перенесли все добро: и господское, и наше; перетащили къ одной стѣнѣ и нагородили сундукъ на сундукъ. Все, что̀ цѣннаго было, туда по совали, а потомъ заложили кирпичною стѣной до самаго верху и выбѣлили стѣну, чтобы не замѣтно было. А другую-то половину кладовой завалили перинами и всякимъ хламомъ: если, молъ, придутъ, подумаютъ, тутъ другого добра нѣтъ.

Какъ съ этимъ распорядились и покончилъ баринъ съ дѣлами, такъ собрался и онъ въ дорогу. Подали ему городскія дрожки, потому экипажа другого не оставалось. Ѣхалъ онъ сперва въ наше имѣніе, верстъ восемьдесятъ отъ Москвы, а ужъ оттуда хотѣлъ добраться до Владимира, къ своимъ. Какъ вышелъ онъ садиться, пришли мы его провожать. Отецъ мой былъ въ домѣ дворецкимъ, и говоритъ ему баринъ: «Кто, говоритъ, хочетъ, пускай здѣсь остается, а кто хочетъ, пускай въ Теплое*) идетъ! Оставляю я вамъ, говоритъ, всѣ мои деньги: купили бы вы лошадь на всякій случай». Высыпалъ онъ все, что̀ лежало у него въ кошелькѣ, и уѣхалъ, а батюшка тѣмъ же днемъ купилъ лошадь.

Многіе изъ людей съ господами отправились во Владимиръ; другіе, какъ проводили барина, такъ и ушли въ Теплое, а при домѣ осталось человѣкъ шесть либо семь, да насъ дѣтей было пятеро у батюшки. Я былъ старшій, по двѣнадцатому году, а меньшой братъ еще еле ползалъ. Батюшка говоритъ: «Куда мнѣ итти съ этакою мелюзгой: лучше останусь здѣсь на волю Божію».

Въ то время ходило у насъ много дворовыхъ по паспортамъ; все былъ народъ ремесленный, и жили они у хозяевъ. Какъ ихъ распустили, и стали они всѣ къ намъ сходиться, и нашло ихъ дня въ три больше тридцати человѣкъ.

Предъ самымъ тѣмъ временемъ какъ вступилъ французъ въ Москву, приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ. Народъ-то на нихъ и навалился, перепелись пьянехоньки. Вино течетъ по улицамъ, а иные припадутъ къ мостовой и камни лижутъ. Драки, крикъ! Чѣмъ бы казниться, что Господь такое наказаніе за грѣхи посылалъ, они, окаянные, такое безобразіе затѣяли! Я-то, разумѣется, понять того не могъ, а помню,

*) Имѣніе г. Соймонова по Воскресенской дорогѣ.

покойный батюшка, глядя на нихъ, говорилъ: «Видно, послѣднія времена пришли, и не спасти намъ грѣшныхъ головушекъ!»

Жилъ у насъ въ домѣ французъ, Карлъ Ивановичъ. Было ему ужъ лѣтъ пятьдесятъ. Онъ барина воспитывалъ, да такъ у насъ и остался. Добрый былъ человѣкъ, и всѣ его любили. Уговаривали его господа ѣхать во Владимиръ, а онъ отказался: свое на умѣ, видно, было. Какъ заговорили въ народѣ, что вступили французы въ Москву, мы бѣгали на Таганку посмотрѣть и видѣли, какъ шли ихъ полки. Вернулись мы домой, а Карлъ Ивановичъ и говоритъ: «Долго жилъ я въ Россіи, и люблю ее, а свои все-таки дороже. Пришелъ Наполеонъ, и я долженъ къ нему въ армію итти. Прощайте: всѣмъ вамъ спасибо: потому ни отъ кого я дурного не видалъ». А у самого слезы по щекамъ такъ и покатились. Да еще говоритъ онъ батюшкѣ: «Я, говоритъ, Ермолай Ѳедоровичъ, дамъ вамъ бумагу: если будутъ французы васъ обижать, вы и покажите. Я ихъ прошу, чтобъ они даромъ не обижали русскихъ: русскіе — добрые».

Эту бумагу онъ отдалъ батюшкѣ, простился съ нами, и ушелъ.

Какъ начались пожары, такой насъ страхъ пробралъ! Говорили, что свои жгутъ Москву, чтобы Бонапарта изъ нея выгнать. Правда ли оно, нѣтъ ли, того и не знаю, а что нашъ домъ подожгли, такъ это вѣрно. Пожаръ-то отъ насъ далеко былъ, а онъ вдругъ загорѣлся снаружи. Хорошо, что скоро увидали, и успѣли погасить: вода подъ рукой была, такъ какъ колодецъ у насъ на дворѣ стоялъ.

Какъ пришелъ Бонапартъ, такъ поселился у насъ въ домѣ французскій генералъ. Пріѣхалъ онъ въ коляскѣ со своимъ адъютантомъ, и, кромѣ того, были при немъ поваръ и солдаты для прислуги. Грѣхъ ихъ лихомъ помянуть: добрые были люди! Генералъ стоялъ у барина въ кабинетѣ, и что̀ ему, бывало, нужно достать, или узнать о чемъ, онъ все у батюшки спрашивалъ. Батюшка, вѣкъ проживши въ господскомъ домѣ, кое-что понималъ по-французски, а иное и знакомъ объяснитъ. И всегда онъ хорошъ съ батюшкой былъ, и насъ, дѣтей, бывало, ласкалъ, а ужъ маленькаго брата какъ увидитъ, такъ начнетъ его по щекѣ трепать. Разъ мать его несетъ, а генералъ его взялъ у нея и сталъ пѣстовать,

и объяснилъ, что у него во Франціи маленькія дѣти, да вынулъ кошелекъ и всунулъ ему денегъ въ ручонку.

И поваръ его такой привѣтливый былъ. Мы всѣ, дѣти, то и дѣло къ нему на кухню бѣгали, и онъ насъ частехонько кормилъ. Возьметъ, бывало, яицъ, выпуститъ желтки на сковороду, припуститъ масла, поджаритъ и дастъ намъ съѣсть.

Пока они у насъ въ домѣ стояли, мы непріятельскихъ солдатъ не боялись. Какъ придутъ, узнаютъ, что генералъ тутъ живетъ, такъ и уйдутъ, а по сосѣднимъ дворамъ то и дѣло они бродили. Я, бывало, влѣзу на заборъ да и смотрю, какъ они тамъ хозяйничаютъ: куръ всѣхъ переловятъ, что̀ попадется подъ руку, заберутъ, цѣлыми шайками ходили по домамъ и грабили.

Подожгли нашъ домъ во второй разъ никакъ на пятой или на шестой день, послѣ того какъ французъ въ Москву вошелъ. Бросились тушить, да вѣтеръ былъ сильный, — тутъ ведрами ничего не подѣлаешь. Какъ разгулялся пожаръ, генералъ выбѣжалъ на крыльцо и закричалъ, чтобы подавали коляску: его люди живо собрали всѣ ихъ пожитки, и ускакали наши французы.

А мы всю ночь не ложились: домъ сгорѣлъ до тла, и строенія всѣ деревенныя погорѣли. На другой день бродимъ мы по двору и не знаемъ, куда пріютиться. Вдругъ, видимъ, подъѣхалъ нашъ генералъ, да прямо къ батюшкѣ, и сталъ ему объяснять, что въ его вещахъ не отыскалось карманныхъ часовъ, и что, вѣрно, батюшка ихъ взялъ, потому что кромѣ него никто въ комнату не входилъ. Такъ это обидно показалось покойному отцу: вѣкъ онъ слылъ честнымъ человѣкомъ, и господа ему все довѣряли. Онъ и спрашиваетъ у генерала: «Гдѣ у васъ часы-то лежали?» Тотъ показываетъ, что на каминѣ. Сейчасъ батюшка велѣлъ разгрести угли, чтобы до камина-то дойти, взялъ желѣзную лопату и сталъ рыться въ золѣ около камина. Часы расплавились отъ огня, и лежалъ въ золѣ золотой слитокъ. Батюшка захватилъ его лопатой, подалъ генералу и говоритъ: «Вотъ ваши часы». Ужъ какъ генералъ горевалъ объ нихъ, а предъ батюшкой извинился: «пардонъ!» говоритъ.

Онъ уѣхалъ, а наши люди собрались, и думаютъ: гдѣ же намъ теперь жить? Уцѣлѣли отъ пожара лишь кладовая да кухня, потому что каменныя были. Въ кладовой не оставалось порожняго

уголка, а кухня небольшая, куда въ нее помѣститься: вѣдь насъ было больше сорока человѣкъ. Опять же ѣсть надо, а у насъ провизія ужъ къ концу подходила. Думали, думали, и рѣшились итти въ Теплое. Уложили въ телѣгу, что̀ у насъ оставалось съѣстного, да бѣлье, какое было перемѣнное, запрягли лошадь, что̀ купили, и съѣхали со двора. Въ телѣгѣ сидѣла матушка съ двумя дѣтьми, да кучеръ правилъ, а всѣ остальные шли пѣшкомъ.

Какъ мы въѣхали за Яузскій мостъ, солдатъ сорвалъ платокъ у матушки съ головы и принялся въ телѣгѣ рыться. Матушка закричала со страха, да на наше счастье шелъ мимо офицеръ ли, полковникъ ли какой, только видно, что командиръ, потому что онъ тотчасъ же крикнулъ на солдата, да вдругъ поднялъ нагайку, что̀ на мосту валялась, и такъ онъ этого солдата отдулъ! платокъ у него отнялъ, и отдалъ матушкѣ, а потомъ махнулъ намъ рукой и говоритъ: «алѐ!» Мы ему всѣ поклонились и поѣхали дальше.

Повернули мы къ Іоанну Предтечѣ, и себя отъ страха не вспомнили. И церковь горитъ, и дома горятъ. Просто, адъ кипитъ, а со всѣхъ сторонъ все рушится. Бревна горятъ и катаются по улицамъ, такъ и сыплются головни, летитъ съ крышъ листовое желѣзо; жара такая, что непродохнешь, а мостовая раскалилась — ноги жжетъ. Какъ поровнялись мы съ церковью, колокольня ужъ вся была въ огнѣ, и колоколъ сорвался и рухнулъ около насъ. Мы, всѣ дѣти, отъ страха ревъ подняли. Ужъ я и разсказать не могу, что̀ со мной сталось: мнѣ съ первой-то минуты показалось, что этотъ колоколъ меня раздавилъ до смерти. Наша лошадь испугалась и стала фыркать и метаться въ сторону. Кто говоритъ: «Нѣтъ, лучше какъ-нибудь пробраться! На какую радость мы назадъ пойдемъ?» Какъ мы пробрались, я и самъ теперь понять не могу. Дальше-то пожаръ не такъ бушевалъ. Перекрестились мы, и ѣдемъ. Вдругъ идетъ къ намъ навстрѣчу толпа нашихъ и спрашиваютъ: «Куда васъ Богъ несетъ?» — «Къ Тверской заставѣ, молъ, пробираемся, потому наше имѣніе по Воскресенской дорогѣ». А они говорятъ: «Сохрани васъ Богъ туда сунуться: и мы оттуда бѣжимъ. Тверская-Ямская горитъ по обѣ стороны: самъ чортъ до заставы не доберется, а въ окрестныхъ-то улицахъ грабятъ окаянные, не хуже разбойниковъ какихъ».

Что̀ дѣлать-то? Принуждены вернуться. Проѣхали нѣсколько шаговъ и наткнулись на цѣлую ватагу непріятелей. Они бросились насъ грабить. Батюшка сейчасъ вынулъ изъ кармана записку Карла Ивановича и подалъ имъ. Ходила она у нихъ изъ рукъ въ руки; никто изъ нихъ и прочесть-то ее даже не сумѣлъ, такъ они ее и бросили. Лошадь съ телѣгой у насъ отняли, и насъ всѣхъ обшарили: съ кого стащили шапку, съ кого — платье, а одинъ ужъ такъ батюшку обобралъ, что и сказать не хорошо: какъ есть все дочиста съ него снялъ; какъ ушли они, проклятые, батюшка видитъ, лежитъ на улицѣ большая рогожа, онъ ее поднялъ и кое-какъ въ нее обернулся, потому, говоритъ, «стыдно, тутъ женскій полъ».

Приходимъ домой. Батюшка гдѣ-то на сосѣднемъ дворѣ отыскалъ старое платье, только что не въ похмотьяхъ, и одѣлся. Какъ уходили мы, такъ забыли второпяхъ захватить съ собой большой мѣшокъ съ сухарями. Вспомнили о нихъ и хотѣли за нихъ приняться, да не тутъ-то было. Входитъ на дворъ солдатъ непріятельскій, и прямо въ кухню. Сталъ онъ вездѣ шарить, отыскалъ сухари и унесъ ихъ. Ужъ какъ намъ горько было! Да спасибо, былъ у насъ одинъ малый, такой расторопный: «Нѣтъ, говоритъ, этому не бывать!» Схватилъ онъ палку и бросился за солдатомъ. Глядимъ, идетъ назадъ скорехонько, и сухари наши несетъ. «Какъ, молъ, тебѣ Богъ помогъ?» — «Отбилъ, говоритъ; намъ, молъ, самимъ, мусье, нужно: голодъ-то не тетка. Да какъ замахнулся на него палкой, онъ бросилъ мѣшокъ и драло».

Поѣли мы сухарей, и стали думать, куда намъ пріютиться. Набрали досокъ и устроили навѣсъ. Съ одной стороны его къ забору прислонили, а съ другой — подпорки поставили. Тамъ и жили. Старики и больные въ кухнѣ ночевали, а мы всѣ подъ навѣсомъ.

Непріятели часто къ намъ жаловали. Придутъ и возьмутъ кого-нибудь ноши имъ тащить. Если подойдетъ къ кому да скажетъ: «алѐ!» такъ и знаемъ, что французъ. Французы-то сговорчивы и не обидчики; ихъ, бывало, разжалобить можно, ну, а прочихъ-то добрымъ словомъ не помянешь. Совсѣмъ насъ ограбили, взять-то ужъ нечего, такъ начнутъ, бывало, окаянные, женщинъ срамить. Ужъ онѣ, бѣдныя, такъ и прячутся, чтобъ ихъ не видали. А по ночамъ было спокойно: непріятели не показывались.

Былъ у насъ ребенокъ лѣтъ десяти, и выбѣжалъ онъ разъ на улицу. Стоитъ солдатъ, и предъ нимъ куль большой лежитъ, и показываетъ солдатъ мальчишкѣ, чтобъ онъ этотъ куль за нимъ несъ. Мальчишка приподнялъ: тяжело, невмоготу, а отказываться не смѣетъ, понесъ черезъ силу. Какъ дошелъ до Яузскаго моста, ужъ невтерпежъ ему стало. Сѣлъ онъ на дорогѣ и заревѣлъ. Солдатъ началъ его пинками угощать. А тотъ ни съ мѣста: хотя бы онъ, говоритъ, меня убилъ, я бы, кажется, не всталъ. Вдругъ подошелъ старичокъ, да здоровенный такой, даромъ, что сѣдъ. «Я, говоритъ, тебя, мальчуганъ, выручу; у меня сила-то не твоя», взялъ онъ куль и понесъ.

А то еще съ батюшкой какая бѣда приключилась. Пришелъ тоже разъ французъ и увелъ его съ собой: «алѐ!» говоритъ. Мы ждемъ отца часъ, другой, а тамъ ужъ и день весь прошелъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Матушка-покойница въ такомъ горѣ была, такъ и думала, что онъ головы не снесъ. Вдругъ, видимъ, онъ идетъ. Мы обрадовались и бросились къ нему, а онъ весь мокрехонекъ, даже вода съ него капаетъ. Спрашиваемъ, что̀ случилось? И разсказываетъ онъ намъ, что повелъ его французъ недалеко въ пустой домъ, а тамъ ужъ приготовилъ въ мѣшкѣ вещей награбленныхъ, и велѣлъ батюшкѣ нести ихъ. Несъ ихъ батюшка за нимъ куда-то очень далеко. «И самъ, говоритъ, не надивлюсь, какъ онъ, бестія, дорогу вызналъ». Приходятъ они въ господскій домъ, тутъ, должно-быть, французъ этотъ квартировалъ: какъ батюшка передалъ ему мѣшокъ, онъ ему сейчасъ: мерси! да принялся у себя въ карманѣ рыть и вынулъ кошелекъ, а тамъ нѣтъ ничего. Батюшка говоритъ: «Да не надо мнѣ ничего, мусье, отпусти только меня!» А онъ его не отпускаетъ, вездѣ шаритъ, все денегъ ищетъ, потомъ вдругъ бросился въ другую комнату, и несетъ закуску и вина бутылку. Угощенью-то батюшка обрадовался, потому очень проголодался, и вина выпилъ, рюмки три большихъ. Да вино-то, видно, крѣпкое было, опять же покойникъ къ нему привычки не имѣлъ, у него и зашумѣло въ головѣ. Вышелъ онъ на улицу, да на дорогу и не попадетъ. Плуталъ онъ, плуталъ, и добрелъ до Воспитательнаго Дома. Въ ворота ли онъ вошелъ, въ какую ли калитку, того онъ не помнитъ, а только видитъ, стоитъ на часахъ солдатъ и что-то ему кричитъ. А батюшка все

идетъ. Часовой опять крикнулъ, а батюшка еще ближе подошелъ, да взглянулъ на него, и видитъ, что часовой прицѣлился, и собирается стрѣлять. Батюшка давай Богъ ноги, и назадъ. Безъ оглядки, говоритъ, бѣжалъ, а куда бѣгу, самъ не знаю, и предъ собой ничего не вижу, да вдругъ со всего розмаху полетѣлъ въ Москву-рѣку. Плавать-то онъ умѣлъ, да ужъ изъ силъ очень выбился бѣжавши. Хочетъ къ берегу примкнуть, а волна его все назадъ отбрасываетъ. Если бъ еще немножко, непремѣнно бы захлебнулся. Да шелъ мимо добрый человѣкъ изъ нашихъ, сейчасъ бросился въ воду и его вытащилъ. Какъ батюшка сталъ на ноги, ужъ то-то его поблагодарилъ, а мнѣ, говоритъ, и опохмеляться не надо: куда хмель пропалъ!

Жили мы плохо, и не столько насъ голодъ мучилъ, сколько жажда. Стояла недалеко рыбная лавка, а около нея погребъ, и много въ немъ запаса лежало. Каждый день, бывало, кто-нибудь изъ старшихъ пойдетъ, и принесетъ соленой рыбы. Наѣдимся ея, а пить нечего. Срубъ нашего колодца обгорѣлъ въ пожаръ и обвалился, воды почерпнуть и нельзя. То и дѣло бѣгали на рѣку, а много ли въ кувшинчикѣ-то принесешь на сорокъ слишкомъ человѣкъ? Случалось и то, что иной разъ пойдешь, а у тебя и кувшинъ отымутъ: ищи какую-нибудь другую посудинку! Опять же рѣка отъ насъ не рукой подать. Измучились, просто.

Еще съ этимъ колодцемъ какая случилась бѣда! Идемъ мы разъ по двору, человѣкъ пять, да какъ поровнялись съ воротами, видимъ, прямо на насъ съ горы несется лошадь съ сѣдокомъ; французъ ли, нѣмецъ ли, не знаю, а военный. Только мы успѣли посторониться, онъ въ ворота влетѣлъ. Мы кричимъ: «Лѣвѣй! лѣвѣй! колодецъ!» А онъ ужъ съ лошадью-то не совладаетъ, опять же и по-русски не понимаетъ, да со всего розмаху такъ и грянулся въ колодецъ. Только вскрикнуть, сердечный, успѣлъ.

А мы на соленой рыбѣ пробивались безъ питья цѣлую недѣлю, коли не больше, и рѣшились опять попытать счастья и итти въ Теплое. Хоть и горѣла Москва, а все ужъ не такъ страшно! Собрались мы съ Богомъ, и пустились въ путь. Заставой мы не пошли, потому что боялись, не стоятъ ли при ней караульные, а пробрались валомъ, такъ какъ всѣ пѣшіе были, и дошли благополучно до села Тушина; двѣнадцать верстъ отъ заставы

считается. Думали тутъ отдохнуть, а потомъ итти еще версты полторы, до Спасскаго, — тамъ и ночевать; насъ же въ Спасскомъ всѣ знали. А въ Тушинѣ, на нашу бѣду, стоитъ непріятельскій отрядъ. Какъ мы пришли, солдаты насъ окружили и повели къ командиру. Онъ сейчасъ спрашиваетъ, откуда мы и куда идемъ. По-русски бойко говоритъ, а все-таки слышно, что не нашъ. Мы сейчасъ объяснили, что идемъ въ свое имѣніе; здѣсь хотѣли только вздохнуть, а ночевать въ Спасскомъ. А онъ говоритъ: «Я васъ пропустить не могу: казаки стоятъ верстахъ въ тридцати: вы имъ передадите извѣстіе изъ Москвы». Батюшка говоритъ: «Намъ и передавать-то нечего: горитъ Москва, такъ это и безъ насъ всякій видитъ». Онъ на это не отозвался, помолчалъ немножко, а потомъ спросилъ: «А что у васъ слышно о Наполеонѣ?» Былъ съ нами старичокъ, такой простенькій, и говоритъ: «Да слышно, что ему жутко отъ пожара-то приходится: въ Петровскомъ дворцѣ сутокъ трое прожилъ...» Батюшка его перебилъ: «Ну, что ты, говоритъ, пустое болтаешь! Почемъ намъ знать что о Наполеонѣ: онъ намъ не станетъ о себѣ докладывать. Тебѣ кто-нибудь соврaлъ, а ты его милости передаешь».

Командиръ говоритъ: «Хоть здѣсь и тѣсно, я вамъ велю избу очистить. Ночуйте здѣсь, а завтра я узнаю, что мнѣ надо и, можетъ, васъ отпущу».

Видимъ, что дѣлать нечего: его не переспоришь. Приказалъ онъ очистить намъ угольную избу. Только что всѣ изъ нея выбрались, закричали: пожаръ! Эта самая изба загорѣлась. Бросились тушить, а ужъ ее кругомъ огонь обхватилъ; слава Богу, что вѣтеръ въ поле дулъ: дальше пожаръ не пошелъ. Мы къ командиру, и стали его упрашивать, чтобъ онъ насъ отпустилъ въ Спасское; угла не было порожняго въ Тушинѣ. Намъ приходилось подъ открытымъ небомъ ночевать, а вѣдь съ нами и малый и старый: отдохнуть надо было. Онъ сжалился и говоритъ: «Ну, ступайте, лишь бы ваши старички до Спасскаго добрались! Я самъ раннимъ утромъ туда пріѣду и съ вами переговорю». Ужъ ему, видно, и окрестности знакомы были. Мы его поблагодарили и пошли. Въ Спасскомъ намъ отвели сарай; мы съѣли по куску хлѣба и мертвымъ сномъ заснули. Батюшка проснулся первый и разбудилъ одного изъ нашихъ дворовыхъ: «Не пора ли, говоритъ,

намъ подыматься? Благо, мы вздремнули часа три. Командиръ обѣщалъ, что рано сюда пріѣдетъ: ну, какъ онъ вздумаетъ насъ задержать? Лучше намъ уйти по добру по здорову». И стали они всѣхъ насъ будить. Старички наши хоть и покряхтѣли, а поднялись, а мы дѣти подняли рёвъ. Оттаскали насъ порядкомъ и велѣли вставать. Побрели мы опять. Раза два до Нахабина отдыхали, а ужъ тутъ выспались вдоволь.

Какъ мы вошли въ Воскресенскъ, слышимъ, кричатъ: французы! и бѣгутъ всѣ съ рогатинами да съ топорами. Видимъ мы, по дорогѣ идетъ толпа непріятелей, и вдругъ изъ этой толпы выѣхалъ русскій офицеръ, подскакалъ къ нашимъ, да какъ закричитъ: «Плѣнные! плѣнныхъ ведемъ! а вы куда, разбойники?» Всѣ остановились и разошлись назадъ по домамъ, а какъ вошли плѣнные въ городъ, стали имъ выносить хлѣба да квасу либо молока.

Въ Воскресенскѣ мы оставались недолго, торопились добраться до мѣста, и помогъ намъ Господь Богъ прійти благополучно въ Теплое.

Мы-то спаслись, а добро наше не уцѣлѣло: непріятели разграбили кладовую, куда мы все попрятали. Сами-то они не нашли бы, да свои показали: человѣкъ нашихъ сосѣдей Шульгиныхъ, да тутъ же съ ними и поживился; видно, креста на шеѣ не было.

IX.

Въ Рождественскомъ монастырѣ.

(Въ Рождественскомъ монастырѣ живетъ до сихъ поръ послушница, изъ купеческаго званія, Александра Алексѣевна Назарова. Мать ея, овдовѣвъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, купила маленькую келейку, куда переселилась съ двумя дочерьми. Въ двѣнадцатомъ году онѣ не покинули монастыря. Александра Алексѣевна, которой было тогда лѣтъ десять, живо помнитъ, какъ у нихъ французы стояли, и я передаю съ ея словъ слѣдующій разсказъ. Нѣкоторыя забытыя ею подробности я слышалъ отъ старушки, которая жила въ Рождественскомъ монастырѣ

во время нашествія непріятеля, и я позволилъ себѣ пополнить ими воспоминанія Александры Алексѣевны.)

Никто не думалъ, чтобы французъ занялъ Москву, потому что Растопчинскія афишки всѣхъ успокоивали. Опять же у насъ тогда въ монастырѣ много было знати: была Салтыкова, была Елена Сергѣевна Шереметева, Евлашова, княжна Хованская, Чаплина, Евпраксія Сергѣевна, и родни у нихъ въ міру да знакомства было видимо-невидимо, такъ мы больше черезъ нихъ все знали и говорили всѣ, что бояться нечего. Послѣ Бородина графъ Растопчинъ печаталъ въ афишкахъ, что торопиться нечего, что дадутъ еще сраженіе подъ самою Москвой; однако многіе рѣшились ѣхать. Хоть и дадутъ сраженіе, еще неизвѣстно, чья сила возьметъ; а придетъ французъ, ужъ тогда, пожалуй, и не уѣдешь.

Собирались всѣ богатыя въ дорогу. То и дѣло къ монастырскимъ воротамъ подъѣзжали дорожныя кареты шестерикомъ, къ инымъ и телѣги пріѣзжали увезти прислугу и сундуки. Вѣдь многія очень богато жили. У одной Натальи Петровны Евлашовой что̀ добра было, что̀ иконъ богатыхъ, что̀ шубъ мѣховыхъ, что̀ бѣлья столоваго! Она при себѣ шесть дѣвушекъ держала, а за монастыремъ у нея былъ домъ для мужской прислуги. Тутъ жили ея кучера, повара, всякіе мастеровые и пѣвчіе. Всенощную у нея всегда служили въ кельѣ; нечего сказать, настоящею барыней жила. Да и не одна она: у иныхъ были въ самомъ монастырѣ людскія для прислуги. Игуменья позволяла даже и мужчинамъ тутъ жить. Разумѣется, держали людей степенныхъ, чтобы никакой непріятности отъ нихъ не было. Вѣдь тогдашнее время было не то, что̀ теперь: по простотѣ жили*).

И стала наша обитель пустѣть. Прежде всѣхъ собралась Савелова, да не привелъ Господь. Она и такъ здоровья слабаго была, а тутъ еще испугъ; она и слегла, и скончалась дня за два до вступленія непріятеля въ Москву. А другія успѣли выбраться: кто соберется, отслужитъ напутственный молебенъ, и съ Богомъ! Что̀ ни день, то по нѣскольку человѣкъ провожали. На старшихъ-то, разумѣется, оно тоску наводило, а мнѣ, по глупости,

*) Обычай держать мужчинъ въ монастырѣ былъ уничтоженъ игуменьей Шиповой въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

весело поглядѣть на суматоху. Я еще въ дѣтствѣ ногъ лишилась, и съ тѣхъ поръ какъ себя помню, все меня въ креслахъ носили. Такъ я, бывало, и попрошу, чтобъ меня вынесли къ церкви, и смотрю, какъ прислуга бѣгаетъ съ узлами да съ ящиками изъ келій къ воротамъ.

Уговаривали матушку Эсѳирь, игуменью, чтобъ и она оставила Москву. А игуменья была у насъ предобрая, и всѣ ее любили и уважали, даромъ, что она изъ простого званія была. Долго она не соглашалась насъ покинуть. «Хорошо, говоритъ, если бы всѣмъ можно, а вѣдь инымъ-то поневолѣ придется здѣсь оставаться, и мнѣ совѣстно ихъ покинуть въ бѣдѣ». Начали ее упрашивать всѣ монахини. «Что жъ, молъ, матушка, коли придетъ бѣда, насъ вы не отстоите, а только сами пострадаете. Отправляйтесь въ добрый часъ, а можетъ, и насъ Богъ помилуетъ». Она и рѣшилась укрыться во Владимирскій дѣвичій монастырь. «Ужь только, говоритъ, прежде всего въ порядокъ все приведу». Было у насъ тогда при монастырѣ два священника, одинъ протоіерей, — думалъ и онъ Москву оставить. Матушка переговорила съ нимъ, и положили они всю утварь спрятать. Привелъ онъ съ собой двухъ работниковъ, и пошли они съ матушкой Эсѳирью и съ казначеей въ церковь и тамъ заперлись. Всю утварь и ризницу уложили въ ящики, даже ризы дорогія съ иконъ сняли, подняли плиты въ трапезѣ, и часть добра туда поставили, а остальное — въ кладовую, что̀ подъ колокольней была, и дверь въ кладовую заложили. Однако на престолѣ оставили крестъ и сосуды недорогіе, чтобы подозрѣнія не подать, а не то, молъ, коли ничего-то нѣтъ, такъ догадаются, что спрятали добро, и, пожалуй, искать будутъ. Оставили и ризы будничныя и кой-гдѣ вѣнцы серебряные на иконахъ. Потомъ игуменья все приказала казначеѣ, всѣмъ распорядилась, простилась съ нами, которыхъ монахинь съ собой взяла, и проводили мы ихъ.

Чаплина, Евпраксія Сергѣевна, положила тоже ѣхать. Получила она извѣстіе, что ея племянникъ раненъ былъ подъ Бородиномъ, да, слава Богу, неопасно, и везли его въ Москву. Здѣсь у него былъ свой домъ, а отсюда думалъ онъ пробраться въ деревню. Этотъ племянникъ былъ ей что̀ сынъ родной. «Ужъ я, говоритъ, его не оставлю, одного не отпущу. Повезу его сама въ деревню».

И собралась она въ домъ племянника, чтобы впередъ распорядиться и къ отъѣзду все приготовить. Мою матушку она очень любила; приказала ее позвать, пока сама укладывалась, и говоритъ ей: «Дай ты мнѣ свою Машу, дѣвочкѣ ужъ пятнадцатый годъ, и до грѣха не долго, если французъ придетъ; чтобы она у тебя была готова; я такъ разсчитываю, что дня черезъ два мы съ племянникомъ выѣдемъ и заѣдемъ за ней». Матушка ее поблагодарила и собрала сестру въ дорогу.

Уѣхала она въ самомъ концѣ августа; матушка все ее ждала, и не дождалась. Ужъ послѣ-то Евпраксія Сергѣевна разсказывала, что какъ привезли раненнаго племянника въ Москву, она скорехонько его собрала, и пустились они въ путь 2-го сентября. Приказано было кучеру заѣхать въ нашъ монастырь. Да только что они изъ воротъ, кучеръ осадилъ лошадей, а лакей соскочилъ съ запятокъ, подбѣжалъ къ дверцамъ кареты, и говоритъ: «Бѣда, матушка, къ намъ навстрѣчу идутъ французы!» Евпраксія Сергѣевна такъ и обмерла. Приказала она повернуть назадъ и выѣхать въ самую близкую заставу, а «потомъ, говоритъ, ужъ выберемся на свою дорогу». Подъѣзжаютъ къ заставѣ, а тамъ уже французскіе караульные стоятъ. Стала ихъ упрашивать Евпраксія Сергѣевна, чтобъ они ее пропустили. А они говорятъ: «Васъ-то мы пропустимъ, и вашего больного, и прислугу, а экипажъ и лошади наши». Дѣлать было нечего: приказала она своимъ людямъ связать носилки изъ веревокъ, положили на нихъ больного, и понесли его два лакея, кучеръ да форейторъ, а сама Евпраксія Сергѣевна пошла за нимъ пѣшкомъ со своими дѣвушками. Шли они такъ цѣлыя двадцать верстъ до деревни. Еще спасибо, что ея не обыскивали, такъ что деньги при ней остались! Въ деревнѣ наняла она телѣги и поѣхала въ имѣніе племянника.

Въ монастырѣ осталось насъ немного. Молодыя монахини то и дѣло выходили за ворота, либо лазили на крыши посмотрѣть, что̀ дѣлается на улицахъ. Тянулись обозы за обозами, ѣхали дорожные экипажи, шли толпы пѣшеходовъ съ мѣшками да съ узлами: всякій спасалъ что̀ могъ захватить изъ своего добра. Женщины несли дѣтей на рукахъ, всѣ покидали съ плачемъ Москву: просто стонъ стоялъ въ народѣ. Хорошо, что еще выбраться успѣли: вѣдь до послѣдней минуты генералъ-губернаторъ всѣхъ куражилъ.

2-го сентября монахини вышли за ворота, чтобъ узнать какія вѣсти, и принесли афишку. Прочли ее вслухъ на дворѣ: было въ ней сказано, что бояться нечего и торопиться некуда. Тутъ же нѣсколько монахинь полѣзли на крыши, потому съ высоты дальше видно. Стали онѣ смотрѣть, да какъ крикнутъ: «Батюшки! солдаты, да словно не наши!» Бросились всѣ на крышу, я одна осталась на дворѣ со старушками, и завидно мнѣ стало, что мнѣ посмотрѣть-то нельзя. Вдругъ закричали: «Пропали мы! Французы пришли!» Такой былъ страхъ, что и разсказать не разскажешь! Точно всѣ обезумѣли: бросаются, сами не знаютъ куда. Какъ немножко успокоились, приказала казначея сбѣгать за нашимъ священникомъ. Онъ возлѣ самаго монастыря жилъ, и во все время въ Москвѣ оставался.

Пришелъ батюшка, и стала казначея съ нимъ совѣтоваться: «Что̀, молъ, батюшка, дѣлать, если они къ намъ придутъ?» А онъ говоритъ: «Я съ ними поговорю, потому я по-французски знаю, и, Богъ милостивъ, можетъ, они монахинь не обидятъ! А вы, говоритъ, всѣ ворота заприте».

Ворота заперли, и остались всѣ на дворѣ: боимся по кельямъ расходиться. Вмѣстѣ-то какъ-будто не такъ страшно. Тутъ мы и ночевали на всякій случай; неравно, придется бѣжать. Матушка-покойница какъ на меня взглянетъ, такъ у нея слезы и потекутъ. «Куда я, говоритъ, дѣнусь съ этою несчастной? Неравенъ часъ, какая бѣда приключится, всѣхъ умоляю Христомъ Богомъ, чтобъ ея не покинули. Вѣдь ее надо на рукахъ нести».

На другой день монахини упросили казначею, чтобъ она позволила имъ свои сундуки поставить въ церковную паперть, — она была очень просторна, — потому, говорятъ, все-таки цѣлѣй будетъ: можетъ, они въ церковь-то и не пойдутъ, опять же все-таки желѣзныя двери. Казначея имъ позволила, и стали онѣ свои сундуки таскать, всю паперть ими заставили, и заперли.

Къ вечеру стали въ ворота стучаться, и кричатъ въ нѣсколько голосовъ, а что̀ говорятъ — не разберемъ. Подошли монахини къ воротамъ, и спрашиваютъ: чего хотите? Сами ли они выучились, или съ ними поляки были, и кое-какъ по-русски говорили, ужъ не могу сказать, а только разобрали, что они просятъ хлѣба, масла и вина. Хоть и плохо выговаривали, а понять можно было. Казначея

приказала изрѣзать имъ на ломти цѣлый хлѣбъ и побросать со стѣнъ, а воротъ не отворять. Влѣзли монахини на стѣны и побросали имъ, «а вина и масла, говорятъ, нѣтъ: здѣсь монастырь». Видно, они поняли, и сами говорятъ: «Монастырь». Было ихъ человѣкъ двадцать.

Вдругъ приходятъ къ намъ монахини изъ Егорьевскаго монастыря, плачутъ, «пріютите», говорятъ, и разсказывали онѣ, что французы къ нимъ пришли, «а мы, говорятъ, отпереть воротъ имъ не хотѣли, такъ они сами разбили, и стали церковь грабить, а мы отъ нихъ бѣжали. Если, говорятъ, они сюда придутъ, вы отворите, а то хуже будетъ, только ихъ разсердишь!» И остались эти монахини у насъ. Что смогли, своего добра онѣ въ узелкахъ принесли; деньжонки тоже у кого были. Мы имъ прямо сказали, что у насъ общины нѣтъ, что всякая пробавляется какъ знаетъ, чтобъ онѣ сами о себѣ обдумывали, ну, а тамъ, разумѣется, кто въ силахъ, имъ поможетъ. Опять же наши богатыя барыни, какъ уѣзжали, позволили намъ пользоваться провизіей, что у нихъ была въ погребахъ заготовлена. Французы приходили къ намъ еще раза два, и имъ бросали опять хлѣба со стѣнъ. Потомъ ужъ, за день ли, за два ли дня до Рождества Богородицы*), сидимъ мы всѣ на дворѣ и толкуемъ, и нашъ священникъ съ нами былъ, вдругъ стали въ ворота стучаться. Мы сперва думали, опять французы за хлѣбомъ пришли, а они колотятъ себѣ, чтобъ имъ отперли. Батюшка подошелъ къ воротамъ и спрашиваетъ, что имъ надо. Они говорятъ, чтобъ ихъ впустили, а не то они двери сломаютъ, и принялись ломать. Какъ затрещали ворота, батюшка видитъ — дѣло не шуточное, и приказалъ скорѣе ключи принести, намъ велѣлъ итти въ церковь, а самъ остался, чтобы съ ними переговорить. Всѣ побѣжали въ церковь, а меня понесли мать и монахиня, и видѣли мы изъ окна, какъ французы вошли. Было ихъ человѣкъ тридцать, коли не больше. Командиръ ихъ шелъ впереди. Батюшка сталъ имъ говорить, — онъ послѣ самъ разсказывалъ, — что такъ какъ они христіане, то онъ ихъ умоляетъ не обижать монахинь. Командиръ ему отвѣчалъ, что они никого не тронутъ, а только, какое найдутъ добро, себѣ возьмутъ; прежде всего,

*) Восьмое сентября.

говоритъ, мы церковь осмотримъ. Повелъ ихъ въ церковь. Какъ мы увидали, что они идутъ, такъ старушки попрятали молоденькихъ за себя. А они, какъ вошли въ паперть да увидали сундуки, такъ и закричали отъ радости. Сейчасъ начали ломать замки и все себѣ пригодное выбрали. Иные тутъ же нарядились въ ряски, а монахини бѣдныя заплакали, что грабятъ ихъ добро. Какъ всѣ сундуки перебрали, такъ въ церковь вошли и стали все осматривать. «Гдѣ, говорятъ, церковныя драгоцѣнности? Вы, вѣрно, все попрятали». А батюшка говоритъ: Драгоцѣнностей у насъ нѣтъ, и прятать намъ нечего, а все, что̀ есть, налицо». Нѣсколько серебряныхъ вѣнчиковъ съ иконъ сняли и ушли; а монахини побросали, какъ попало, въ нѣсколько сундуковъ все оставшееся добро,— потому, разбирать было некогда, – и поставили тѣ сундуки на полъ, а на нихъ — пустые въ нѣсколько рядовъ, и остатки нашего добра уцѣлѣли. Помнится, французы приходили еще раза три, и въ церквахъ были, забирали въ нихъ, что̀ могли, да, спасибо, не много досталось имъ на поживу; нѣсколько сундуковъ осмотрѣли; видятъ, что въ нихъ ничего нѣтъ; подумали, что всѣ пусты, и глядѣть не стали.

Прошло нѣсколько дней, и пожаловали къ намъ опять непрошеные гости на житье, тѣ же самые, что̀ въ первый разъ приходили, потому — мы ихъ генерала узнали. Мы сидимъ на дворѣ, а они прошли мимо насъ, разбрелись по кельямъ, и видимъ, что они совсѣмъ у насъ расположились. Батюшка и говоритъ: «Если они здѣсь останутся, я завтра пойду къ ихъ генералу; хотя онъ намедни и обѣщалъ, что они никого обижать не будутъ, а все же попрошу его, чтобъ онъ приказалъ своимъ держать себя поскромнѣе. Опять же обѣдни, разумѣется, служить нельзя, потому — неравенъ,— часъ можетъ, они войдутъ во храмъ во время совершенія таинства и какое кощунство сотворятъ, да и антиминсы спрятаны. А часы и вечерню намъ бы можно каждый день служить, такъ я его и попрошу, чтобъ они не мѣшали намъ службу справлять».

Пошелъ онъ къ нему на другой день со своею просьбой, а генералъ ему говоритъ: «Мало того, что мы васъ обижать не станемъ, да еще и другимъ въ обиду не дадимъ. Прикажите всѣ ваши ворота запереть, кромѣ однихъ, чтобы намъ былъ всегда выходъ свободный, а я на воротахъ велю ярлыки прибить, чтобы, если

кто сюда придетъ, то держать бы себя честно. А служить вы можете, когда хотите.» И тутъ же приказалъ онъ четыре ярлыка написать, и ко всѣмъ четыремъ воротамъ прибить.

Батюшка захотѣлъ тотчасъ отслужить часы, и приказалъ въ колоколъ ударить. Какъ ударили, прибѣжалъ солдатъ и говоритъ: «Генералъ васъ проситъ, нельзя ли вамъ въ маленькій колоколъ звонить, потому что онъ не выноситъ громкаго звона колокольнаго». «Ну, что жъ, говоритъ батюшка, мы его безпокоить не станемъ». И во все время, пока они у насъ стояли, ударяли по три раза къ часамъ и къ вечернѣ въ маленькій колоколъ. Служили въ Златоустовской церкви, и французы бывали частехонько на службѣ. Любопытно имъ, видно, было. Войдутъ, намъ поклонятся и смотрятъ. Иной разъ между собой пошепчутся, а стояли всегда прилично. Хаживали ли они въ церковь Божіей Матери, и творили ли тамъ какое кощунство, того я не слыхала, а можетъ, и не припомню. Разъ, идемъ мы отъ службы, и батюшка съ нами шелъ, и видимъ мы — генералъ французовъ стоитъ у могилы Савеловой, а могилу не успѣли еще дерномъ обложить. И спрашиваетъ французъ: «У васъ здѣсь, вѣрно, кладъ зарытъ?» Засмѣялся батюшка и говоритъ ему: «Кто же такъ кладъ зарываетъ, чтобы всѣ видѣли? Здѣсь могила». —«А если могила, — французъ говоритъ, — поставьте на ней крестикъ, а не то, пожалуй, кто вздумаетъ здѣсь рыть». Батюшка тутъ же срѣзалъ сучокъ съ дерева, очистилъ его, сдѣлалъ крестъ и поставилъ на могилѣ, и осталась могила цѣла.

Какъ вошелъ Наполеонъ въ Москву, такъ начались пожары. Мы сначала все думали, что ихъ затушатъ, а вмѣсто того огонь все больше распространялся. Иной разъ такой страхъ на насъ нападетъ. Ужъ мы понимали, что тушить некому, и что одна надежда на Бога. Какъ наступитъ ночь, у насъ на дворѣ такой свѣтъ, что нитку въ иголку вдѣнешь. Батюшка говоритъ: «Не помолиться ли намъ Заступницѣ?» И подняли икону Неопалимой Купины, вынесли ее изъ церкви на монастырскій дворъ, и отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. То-то молились! Что слезъ-то было пролито! Какъ запѣли канонъ Царицѣ Небесной, такъ у монахинь голосъ дрожалъ. Послѣ молебна всѣ просили батюшку, чтобъ онъ не вносилъ иконы въ церковь, а оставилъ бы ее на аналоѣ среди двора. Словно легче было, что Заступница

тутъ предъ глазами, и стояла икона на дворѣ нѣсколько дней, а внесли ее, когда пошелъ сильный дождь.

Съ самаго-то начала, какъ французы къ намъ пришли, такъ наши старушки насчетъ молоденькихъ посовѣтовались между собой, и рѣшили, что надо ихъ уложить въ постель, будто онѣ больны. И мою сестру матушка уложила и обвязала ей всю голову платками, такъ что видны были одни только глаза да носъ. Душно въ кельѣ; бѣдную сестру тоска разобрала: «Матушка, говоритъ, скучно, дай ты мнѣ хоть у окошечка посидѣть; они меня не увидятъ». А матушка говоритъ: «Сохрани тебя Богъ, лежи! Вотъ они пошли кельи осматривать, вѣрно, и къ намъ придутъ. Ты тогда глаза закрой!» И точно, пришли, оглянулись кругомъ; въ кельѣ-то ничего нѣтъ, только деревянныя иконы безъ окладовъ въ кивотѣ стоятъ да чашки на лежанкѣ, даже самоваръ, и тотъ убрали въ погребъ. Видятъ они, что этимъ не поживишься, и подошли къ сестрѣ. Матушка говоритъ: «Она бобо, бобо, охъ!» и показываетъ на голову, что она безъ памяти. Они посмѣялись и стали что-то между собою переговаривать. Случилась тутъ у насъ монахиня: она хоть изъ простого званія была, а по-французски все понимала, потому что долго въ господскомъ домѣ жила. Она и говоритъ сестрѣ: «Смотри, Маша, что̀ они проказничать будутъ, ты не двигайся: они говорятъ, что ихъ, должно-быть, морочить хотятъ, что всѣ молоденькія больны, и собираются тебя спугнуть». Подошелъ одинъ французъ и началъ было снимать платокъ у сестры съ головы. Сестра лежитъ, будто ничего не чувствуетъ, а матушка имъ кланяется и проситъ, чтобъ они больную не тревожили. Точно ли они повѣрили, что она больна, ужъ не знаю, а ушли.

Иныхъ, тоже молоденькихъ, придумали сажей вымазать. Пошли старшія монахини въ погребъ за провизіей и взяли съ собой трехъ клирошанокъ вымазанныхъ, чтобъ ихъ дома однѣхъ не оставлять. Идутъ онѣ дворомъ, и къ нимъ навстрѣчу французы, тотчасъ ихъ окружили. А старухи-то начали отплевываться и показывать имъ, что клирошанки гадкія, черныя. Разсмѣялись французы. Стояла тутъ бочка съ водой; одинъ изъ нихъ налилъ воды въ ковшъ, и показываетъ имъ, чтобъ онѣ умылись. Онѣ сробѣли и хотѣли бѣжать. Французы ихъ догнали и начали ихъ умывать. Дѣвочки

кричатъ, старушки и кричатъ, а французы такъ и помираютъ со смѣху. Какъ ихъ вымыли, начали имъ кланяться и показываютъ, какія онѣ хорошенькія, а ничѣмъ ихъ не обидѣли, а только все говорили: Жоли филь! Жоли филь*)! Съ тѣхъ поръ какъ съ ними, бывало, встрѣтятся, разсмѣются и покажутъ имъ, какъ онѣ вымазаны были.

Намъ на нихъ жаловаться нечего; что̀ правда, то правда, добра они нашего не пощадили, а все же грѣшно сказать, чтобъ они дочиста обобрали, и что̀ на насъ увидятъ, того не берутъ. Одинъ только разъ вышла матушка въ шубкѣ и въ мѣховомъ воротникѣ. Подошелъ французъ, захватилъ шубку за полу и тащитъ. Дѣлать нечего: матушка сняла ее съ себя, а онъ вынулъ саблю, отрѣзалъ воротникъ а шубку отдалъ матушкѣ назадъ. А меня они всѣ ласкали; видно, я имъ ужъ очень жалка была. Каждый день, бывало, пойдутъ они на добычу, и чего-чего ни нанесутъ: и варенья, и смоквы, и пряниковъ всякихъ, кренделей, потому что въ лавкахъ и въ кладовыхъ много осталось запасовъ. Какъ, бывало, придутъ съ кульками да съ узлами, такъ мнѣ полныя колѣни всякой всячины насыпятъ. Ласкаютъ меня, бывало, по головѣ гладятъ, и все говорятъ: «бобо, бобо!» Добрые были ребята. Приносили они съ собой и вещей всякихъ, серебряныхъ и золотыхъ, ризъ съ иконъ, ложекъ, серегъ; идутъ, бывало, и рады, что добра много принесли, и побрякиваютъ своими мѣшками. Въ одной изъ келій устроили они кузницу, и всѣ эти вещи плавили въ слитки. Какъ разведутъ огонь, мы смотримъ и горюемъ, что русское добро погибаетъ. А они такіе веселые, куютъ свои слитки, а сами все распѣваютъ. Стояли они въ десяти кельяхъ, въ игуменьской, въ Шереметевской, въ Савеловской, въ Салтыковской и въ другихъ, что̀ остались пусты за отъѣздомъ; всѣ самыя лучшія заняли. А ужъ мы, разумѣется, жили какъ придется, потому сердце не на мѣстѣ было; хотя французы насъ и не обижали, а все же они край разоряли, и знали мы, что много русской крови льется, опять же Москва все горѣла. И своихъ жаль, и за себя страшно, что и до насъ пожаръ дойдетъ. Жили мы точно на бивакахъ: никто своего угла не зналъ. Иныя такъ все среди двора и ночевали, развѣ дождь

*) Jolie fille — хорошенькая дѣвушка.

пойдетъ; а другія разбредутся, бывало, на ночь по кельямъ, кто въ какую попало. Рѣдко кто разведетъ огня да заваритъ похлебку, а то больше сырою провизіей питались, грибами заготовленными да огурцами, либо самоваръ поставятъ да чай пьютъ. Французы были большіе лакомки до сахара: какъ, бывало, увидятъ изъ окна паръ отъ самовара, такъ и прибѣгутъ. А мы знаемъ, что они сахаръ возьмутъ, и спрячемъ его. Они ужъ выучились, какъ его звать, и какъ придутъ, сейчасъ спросятъ: «сакаръ, сакаръ». А мы говоримъ: «нѣтъ сахару, сами пустой пьемъ». Отвѣдаютъ пустого чаю, а пить не станутъ, такъ и уйдутъ. Инсй разъ, какъ войдутъ вдругъ, а мы сробѣемъ, такъ они тотчасъ скажутъ: «Нѣтъ, нѣтъ, ви добри, ми добри». Все они насъ этимъ куражили, что мы къ нимъ добры, и они къ намъ добры будутъ.

Стали къ намъ изъ міру находить бѣдныя женщины: отъ пожара спасались да отъ враговъ. Разъ принесли французы полотенъ. и спрашиваютъ, не возьмется ли кто имъ рубашки пошить, и показываютъ нашихъ денегъ, что, молъ, заплатятъ. Изъ мірянокъ, что къ намъ пришли, были бѣлошвейки, и вызвались онѣ бѣлье шить, и французы съ ними честно расплатились, нечего сказать!

Разумѣется, имъ и за то спасибо, а только что безъ грѣха дѣло не обошлось. Сначала жили они безъ нужды, провизіи приносили много, какъ въ городѣ-то оглядѣлись да провѣдали, гдѣ добро лежитъ, а готовилъ на нихъ поваръ Иванъ Васильевичъ, покойницы Савеловой. Привели они съ собой переводчиковъ — нашихъ русскихъ мальчиковъ, что господа отдавали во французскіе магазины. Мальчики-то понаторѣли и по-французски говорили. Вотъ черезъ нихъ французы и приказываютъ повару, что намъ, молъ, скучно такъ жить, мы люди молодые, мы здѣшнихъ монахинь не трогаемъ, а нельзя ли намъ мамзелекъ хорошенькихъ да веселенькихъ привести? И привелъ имъ Иванъ Васильевичъ актрисъ изъ театра. Вотъ какую срамоту въ монастырѣ сдѣлали! Актрисы эти къ намъ не показывались, а только видишь, бывало, которая-нибудь изъ нихъ торчитъ у окна. Наши старушки не велѣли намъ въ ту сторону и смотрѣть даже, а сами когда взглянутъ, такъ начнутъ отплевываться да молитву прочтутъ.

Прошла недѣля, другая, и начали французы жаловаться, что провизіи становится мало. Стали кое-какъ пробиваться, а

тутъ ужъ плохо пришло, такъ что иной день, бывало, какъ пойдутъ, такъ и возвратятся съ пустыми руками; тогда къ намъ придутъ и показываютъ, что ѣсть хотятъ. Кто что̀ готовилъ, дастъ имъ, потому вѣдь, захотятъ, такъ сами все возьмутъ; опять же жаль ихъ сердечныхъ, не умирать же имъ голодною смертью, а шли вѣдь они на насъ не по своей волѣ.

И Покровъ наступилъ, а у насъ на великій праздникъ и обѣдни не было. На пятый день съ Покрова явился вдругъ вѣстовой вечеромъ, и приказалъ французамъ готовиться въ обратный путь, потому что Наполеонъ думаетъ черезъ сутки Москву оставить. Переводчики къ намъ прибѣжали, и говорятъ, что французы собираются всю Москву взорвать, предъ тѣмъ какъ изъ нея выступить, и всѣхъ русскихъ, что̀ попадутся, перерѣзать. Мы, разумѣется, сробѣли, а казначея такая умная у насъ была, и говоритъ: «Богъ милостивъ, сни у насъ цѣлый мѣсяцъ стояли — не обижали, какая имъ корысть насъ рѣзать? Вѣдь мальчики не настоящимъ манеромъ по-французски знаютъ; можетъ, и не поняли, что̀ французы между собой толкуютъ».

Между тѣмъ стали наши французы въ дорогу собираться, уложили все добытое добро, и задумали Ивана Васильевича съ собою взять: «Ты, говорятъ, обѣщайся, что съ нами пойдешь!» Онъ имъ и обѣщался, а своимъ-то говоритъ: «Что̀ я за дуракъ, что съ ними пойду? Какъ имъ уходить, я отъ нихъ улизну». Однако сказываютъ ему мальчики, переводчики-то, что французы боятся, какъ бы онъ не надулъ, и хотятъ его на другой день съ утра стеречь, а выступать-то они собирались вечеромъ. Какъ прослышалъ это Иванъ Васильевичъ, и говоритъ: «Какъ же, держи карманъ, мусье французъ! Будетъ и того, что я тебя цѣлый мѣсяцъ угощалъ; я весь вѣкъ господамъ служилъ, а не вашему брату». Какъ только стемнѣло, взялъ онъ съ собой хлѣба да мяса кусокъ, и залѣзъ подъ церковную кровлю, да тамъ и спрятался.

Мы въ своей кельѣ ночевали, и въ этотъ день пришло къ намъ нѣсколько товарокъ; набралось насъ девять человѣкъ, тутъ же была и клирошанка, пѣтъ шестнадцати: мы ее всѣ любили. Здоровьемъ она была хилая, ростомъ маленькая и блѣдная, кровинки въ лицѣ не было, и нравомъ такая тихая. Всѣ полегли вповалку

на полъ, а она не ложится, сидитъ и плачетъ: наши мальчики ее напугали, все-то она боялась, что насъ перерѣжутъ. Старыя монахини стали ее уговаривать, что, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мальчики что-нибудь переврали, и что больше надо на Бога надѣяться. Успокоилась она, помолилась и легла. Все смолкло, и мы заснули. Долго ли мы спали, ужъ не умѣю сказать, какъ вдругъ поднялся страшный гвалтъ: колотятся къ намъ въ дверь и кричатъ въ нѣсколько голосовъ. Клирошанка около двери лежала; она съ испуга вскочила, отворила дверь, и видитъ, стоитъ предъ ней французъ съ саблей наголо, и два другіе съ фонарями. Взглянула она на нихъ, бѣдняжка, вскрикнула, и упала замертво. Переполошились французы; сейчасъ закричали: «Ви добри, ми добри», и стали выкликать переводчиковъ: «гарсонъ! гарсонъ*)!» Прибѣжалъ одинъ мальчикъ и объяснилъ намъ, что они насъ не тронутъ, а ищутъ повара. Какъ они стали спать-то ложиться, и вздумали его съ собой положить, чтобъ онъ уйти отъ нихъ не могъ, да хватились, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Вотъ и отправились они его по кельямъ отыскивать: думали, онъ туда спрятался, а саблю одинъ обнажилъ для того только, чтобъ его постращать. Какъ ушли они отъ насъ другія кельи осматривать, монахини подняли нашу клирошанку. Долго не могли ее въ чувство привести; какъ открыла она глаза, ей объяснили въ чемъ дѣло, и она успокоилась, а оправиться бѣдняжка все-таки не могла: ужъ очень ее, видно, потрясло. Мѣсяца три пролежала: ничего, говоритъ, не болитъ, а сама какъ свѣчка таетъ; такъ и легла въ сырую землю.

Французы обошли всѣ кельи, а повара все-таки не нашли. На другой день собрались они выступать, и взяли съ собой человѣка Маріи Степановны Каменской; звали его Михайломъ; онъ у нея чернорабочимъ былъ, дрова кололъ да на кухнѣ помогалъ. Онъ такъ и обмеръ. «На что, говоритъ, я имъ: я не поваръ, не мастеровой какой?» А они говорятъ: «Про то мы знаемъ, на что онъ намъ, и мы его скоро отпустимъ, а только теперь чтобъ онъ съ нами шелъ и лопату бы взялъ!» Дѣлать нечего, взялъ Михайло лопату и ушелъ съ ними, а самъ, бѣдный, плачетъ.

---

*) Garçon! garçon! малый, малый!

Собрались они совсѣмъ, у насъ ужъ и вечерня отошла, и идутъ монахини изъ церкви, а они остановились на церковномъ дворѣ, поклонились имъ, и показываютъ, чтобъ и мы изъ монастыря выбирались. Покажутъ на строенія, потомъ руками разведутъ; а сами: «фють! фють!» что сгоримъ, молъ. Ушли они, и актрисы за ними, а на насъ такой страхъ напалъ! Хоть бы съ батюшкой-то посовѣтоваться, а онъ куда-то, на бѣду, ушелъ. И говорятъ монахини: «Лучше уйти; видно, они и впрямь что-нибудь задумали; еще спасибо имъ, что намъ сказали, не захотѣли насъ безъ покаянія погубить. А куда итти, сами не знаемъ. Лучше бы всего осмотрѣть кельи, гдѣ они стояли, а мы боимся: ну, какъ мы пойдемъ осматривать, а тутъ-то и взорветъ? Дѣлать нечего: что было теплаго, наскоро надѣли, и собрались всѣ на дворѣ. Меня несли мать съ сестрой да монахини по перемѣнкамъ; клирошанку больную тоже подъ руки поддерживали, еле она переступала. Церкви нашей мы поклонились, и всѣ голосомъ зарыдали.

Вышли изъ монастыря, спустились на площадь, да тутъ и остановились. Горитъ со всѣхъ сторонъ; пожалуй, еще туда зайдемъ, что и не выйдемъ. Какъ теперь помню: столпились мы всѣ подъ горой, и плачемъ; все думаемъ, что вотъ-вотъ и нашъ монастырь загорится. На улицахъ пусто, словно весь городъ вымеръ. На небѣ совсѣмъ стемнѣло, только пожаръ все освѣщаетъ; вѣтеръ свищетъ, и головни сыплются на площадь. Вдругъ пошелъ мелкій дождь, до костей насъ промочилъ, и стояли мы подъ дождемъ часа два. Казначея и говоритъ: «Должно-быть, они насъ только пострашать хотѣли! Здѣсь оставаться нельзя. Не пойти ли намъ назадъ, на власть Божію, да осмотрѣть ихъ кельи?» Нѣсколько монахинь, которыя покуражнѣе были, вызвались кельи осмотрѣть. Перекрестились мы, и побрели назадъ. Кто на монастырскомъ дворѣ остался, а кто пошелъ кельи осматривать. Какъ бы вы думали, въ келью Салтыковой да Шереметевой, Елены Сергѣевны, они натаскали соломы и въ солому воткнули зажженныя свѣчи. Солома что ль сыра была, или, просто, Богъ спасъ, а догорѣли эти свѣчи и бѣды никакой не сдѣлали. Какъ пришли монахини на осмотръ, одна свѣча еще тлѣла и дымилась.

Ушли они отъ насъ 6-го октября, и на другой же день разнесся слухъ, что Наполеонъ выступилъ изъ Москвы. Не знали мы, какъ

Бога на радости благодарить, и думали, что конецъ всему нашему горю. Ждали, что подойдутъ наши. Стали мы разбирать оставшіяся вещи и расходиться по своимъ кельямъ. Однако батюшка говорилъ, что не всѣ непріятели выбрались изъ Москвы. Онъ ходилъ въ Кремль, и видѣлъ, что тамъ еще стоятъ французы. Прошло еще дня три: легли мы спать, и крѣпко такъ заснули, первымъ-то сномъ. Вдругъ взрывъ, — точно земля подъ нами провалилась и загудѣла: все въ кельяхъ зашаталось, все заходило. Мы думали, что стѣны на насъ рушатся. Ужъ какой былъ страхъ, и сказать не могу! Кто вскрикнулъ, у кого голосъ замеръ. Мы такъ и думали, что доживаемъ послѣднія минуты. Все ужъ давно смолкло, а мы еще въ себя не придемъ. Комнатка наша была освѣщена пожаромъ, такъ что у насъ свѣтлехонько: вижу я, матушка, наконецъ, перекрестилась, и говоритъ: «Надо уйти». Сестра и она одѣлись наскоро, одѣли и меня, и вынесли изъ кельи, а сами онѣ блѣдныя, словно изъ гроба встали, и руки у нихъ дрожатъ. Вышли мы, и видимъ, что изо всѣхъ келій выбѣгаютъ монахини. Тутъ раздались опять одинъ за другимъ два взрыва. Столпились мы на дворѣ, и стоимъ; давно все стихло, а мы точно чего-то еще ждемъ. Всѣ молчали; вдругъ кто-то сказалъ, кажется казначея: «Пойдемте въ церковь, коли умирать, хоть по крайней мѣрѣ христіанскою смертью!» Побѣжала монахиня за ключами и отперла церковь. Какъ всѣ вошли, такъ и повалились предъ иконами, и раздался стонъ въ церкви. Долго всѣ молились; я такъ утомилась, что заснула, а проснулась ужъ, когда собирались всѣ по кельямъ опять расходиться; помню, что когда мы шли домой, начинало уже свѣтать.

Тѣмъ же утромъ вернулся назадъ Михайло, и разсказалъ намъ, что взрывъ былъ въ Кремлѣ. «Меня, говоритъ, туда взяли французы, и другихъ много работниковъ изъ нашихъ привели, и приказали намъ подкопы рыть подъ кремлевскія стѣны, подъ соборы и подъ дворецъ, и сами тутъ же рыли. А у насъ, просто, руки не подымались: пусть все погибнетъ, да хоть не нашими руками; да воля-то не наша была: какъ ни горько, а копай; окаянные-то тутъ стоятъ; и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо работаетъ, такъ сейчасъ прикладами ружей бьютъ: у меня вся спина избита. Какъ покончили они, такъ, видно, и подложили огонь;

только мы этого не видали. Потомъ они ушли, и насъ взяли съ собой, а какъ взрывъ послышался, такъ насъ отпустили».

Всѣ собрались около Михайлы и плакали, а я, разумѣется, по дѣтской глупости, еще не понимала, какое тяжелое время приходилось переживать, да ужъ, слава Богу, черные-то дни были за плечами: скоро на улицахъ показались казаки, и стала Москва понемногу населяться...

X.

Въ окрестностяхъ Москвы.

Ранній священникъ Стараго (Большого) Вознесенія, что на Никитской, Александръ Кузьмичъ Назаровъ, былъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ въ двѣнадцатомъ году, но эта эпоха оставила въ немъ такое сильное впечатлѣніе, что, бывши уже отцомъ семейства, онъ чувствовалъ замираніе сердца, если, шедши по улицѣ, видѣлъ скачущаго къ нему навстрѣчу военнаго, а пожаръ приводитъ его до сихъ поръ въ неописанное волненіе. Отдаленное прошлое мгновенно воскресаетъ предъ нимъ, и ему опять мерещится пылающая Москва, непріятельскія войска и всѣ ужасы двѣнадцата года.

Счастливая память сохранила многія подробности того времени, но тамъ, гдѣ она могла измѣнить, семейныя преданія пополнили пробѣлъ.

Отецъ его, Кузьма Назаровичъ, былъ причетникомъ упраздненной теперь церкви Стараго Вознесенія на Остоженкѣ. Тамъ онъ пріобрѣлъ домикъ, въ которомъ жилъ съ женой и тремя дѣтьми: Александръ Кузьмичъ — старшій изъ нихъ; сестра его, болѣзненный и хилый ребенокъ, была годомъ его моложе, а послѣдняго — еще кормила мать. Съ такимъ семействомъ трудно подняться съ мѣста, и причетникъ не думалъ покинуть городъ.

Второго сентября, когда наши войска переходили черезъ Москву, а Наполеоновская армія вступала въ нее, Александръ Кузьмичъ, стоя за воротами съ печальнымъ отцомъ, любовался на блестящіе мундиры и на красивыхъ лошадей шедшихъ мимо ихъ дома солдатъ. Въ тотъ же день, по разнымъ угламъ города,

вспыхнулъ пожаръ. Онъ распространялся съ такою быстротой, что не прошло сутокъ, какъ нѣсколько частей Москвы были уже объяты пламенемъ. Видъ этого огненнаго моря наводилъ на мальчика постепенно возраставшій ужасъ. Ему хотѣлось бы спрятаться, чтобы не видать ослѣпительнаго свѣта, но этотъ свѣтъ проникалъ всюду и преслѣдовалъ его. Опасенія высказанныя отцомъ и матерью, еще болѣе усиливали его страхъ. Бѣдный причетникъ упрекалъ себя въ томъ, что подвергъ свое семейство подобному бѣдствію и что не покинулъ Москвы; онъ внезапно рѣшился ѣхать во что̀ бы ни стало. Свое дѣтство и молодость онъ провелъ въ Подольскомъ уѣздѣ, около Екатерининской пустыни, въ селѣ Ермолинѣ, гдѣ служилъ понамаремъ. Въ этой мѣстности у него было много родственниковъ: у котораго-нибудь изъ нихъ онъ надѣялся укрыться со своими. Кузьма Назарычъ велѣлъ женѣ своей, Марьѣ Марковнѣ, собрать наскоро что̀ было у нихъ добра, — а добро все состояло изъ платья и бѣлья, — и ушелъ съ надеждой купить, на послѣднія деньги, лошадь. Марья Марковна одѣла дѣтей въ теплое платье и завязала въ узлы бѣлье и съѣстные припасы. Между тѣмъ мужъ ея вернулся съ лошадью, которую ему посчастливилось купить у казака. Она была ранена въ ногу и немного прихрамывала, но годилась въ упряжку. У семейства была двухколесная телѣжка, въ которую уложили пожитки и посадили семилѣтнюю худую дѣвочку. Причетникъ правилъ, а жена его, держа на рукахъ грудного ребенка, и старшій сынъ пошли пѣшкомъ. Къ телѣгѣ привязали корову.

Путешественники выѣхали 4-го числа, около 11 часовъ вечера. Добравшись до Крымскаго брода, они увидали толпу, сидѣвшую на Орловомъ Лугу. Причетникъ остановилъ лошадь и пошелъ къ лугу посовѣтоваться съ добрыми людьми; онъ надѣялся узнать отъ нихъ, какъ безопаснѣе можно проѣхать. Ему сказали, что корова можетъ навлечь на него бѣду: случалось, что непріятели не отнимали прямо добычи, но боясь, что наши вздумаютъ заступиться за свое добро, убивали ихъ, дабы предупредить всякое сопротивленіе. Совѣтовали ему также, для сокращенія пути, выѣхать въ Калужскую заставу, а тамъ уже выбраться на свою дорогу. Кузьма Назарычъ отвязалъ со вздохомъ свою корову, загналъ ее въ огородъ, и доѣхалъ благополучно

до Калужской заставы. Стоящіе тамъ караульные согласились его пропустить, но вытащили все добро изъ телѣжки, несмотря на его просьбы и на слезы жены, которая показывала на дѣтей и умоляла оставить что-нибудь на ихъ долю.

Въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ заставы стоитъ на большой дорогѣ сельцо Семеновское; путешественники до него доѣхали раннимъ утромъ. Но не заря освѣщала имъ дорогу, а пожаръ обливалъ ее яркимъ свѣтомъ: въ продолженіе цѣлыхъ шести недѣль Москва и ея окрестности не видали темноты ночной. Въ Семеновскомъ семейство надѣялось отдохнуть. Но тамъ стояло нѣсколько непріятельскихъ солдатъ. Они окружили телѣжку, и одинъ изъ нихъ сталъ откладывать лошадь. Причетникъ не смѣлъ противиться. Однако солдатъ объявилъ, что дастъ ему взамѣнъ другую лошадь, стоявшую на дворѣ, и увелъ его съ собой. Вскорѣ Кузьма Назарычъ вернулся, ведя за уздечку рослую лошадь, но не было никакой возможности употребить ее въ дѣло, потому что спина ея была совершенно ободрана. Мужъ и жена посовѣтовались рѣшились отказаться отъ лошади и отъ телѣжки и продолжать путь свой пѣшкомъ. Крестьянинъ зазвалъ ихъ къ себѣ отдохнуть. Онъ принималъ и угощалъ Христа-ради всѣхъ несчастныхъ, спасавшихся изъ Москвы. Угощеніе состояло изъ меда и картофеля, котораго онъ наварилъ три огромные котла. Дѣти и родители, поѣвъ съ большимъ аппетитомъ, легли на залавкахъ и заснули, несмотря на неумолкавшій около нихъ шумъ. Въ избу, то и дѣло, входили бѣдняки, просившіе крова. Черезъ нѣсколько часовъ ихъ набралось столько, что многіе сидѣли на полу и спали, прислонясь другъ къ другу. Отдохнувъ, причетникъ вышелъ на улицу узнать, нѣтъ ли чего новаго и какимъ путемъ можно выбраться безопаснѣе изъ Семеновскаго. Нѣсколько непріятельскихъ солдатъ бросились къ нему. Одинъ изъ нихъ схватилъ полу его шинели и сталъ тянуть ее къ себѣ. Кузьма Назарычъ былъ принужденъ ее отдать. Свѣдѣній, на которыя онъ разсчитывалъ, не отъ кого было получить; онъ возвратился къ женѣ и дѣтямъ и объявилъ имъ, что пора продолжать путь, а продолжать его приходилось на-авось.

Въ сосѣднемъ селѣ ихъ окружила новая толпа вооруженныхъ непріятелей. Стали ихъ обыскивать, между тѣмъ какъ испуганныя

дѣти прятались за мать. Всѣ карманы были выворочены, но въ нихъ ничего не оказалось. Приходилось итти медленно и съ частымъ отдыхомъ, чтобы не утомить хилой дѣвочки; однако семейство надѣялось добраться тѣмъ же днемъ до села Конькова, въ семи верстахъ отъ Семеновскаго. Коньковскій причетникъ доводился дядей Кузьмѣ Назарычу. Скитальцы радостно перекрестились, когда блеснулъ предъ ихъ глазами золотой крестъ знакомой колокольни. Вотъ, наконецъ, и Коньково; здѣсь ихъ ожидаетъ сытный столъ, радушный пріемъ и покойный ночлегъ. Они входятъ въ село: улица пуста; они стучатся въ дверь, въ другую, — никто не откликается, все село пусто. Идутъ, наконецъ, къ дому причетника, но и тамъ не слыхать звука, не видать человѣческаго лица. Дѣти просили ѣсть. Горе разбирало отца и мать. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову посмотрѣть, нѣтъ ли чего съѣстного въ саду. Стояла слива, на которой висѣли плоды. Бѣдняки сбили ихъ съ дерева и поѣли. Въ пустомъ селѣ ночевать было страшно, а главное, причетнику хотѣлось своротить съ большой дороги, и онъ рѣшился искать ночлега въ сельцѣ Зюзинѣ, до котораго считалось версты двѣ. Шедши мимо церкви, они остановились: двери стояли настежь, и путешественники вошли. Церковь была ограблена, иконостасъ ободранъ. Кочующее семейство помолилось въ ограбленномъ храмѣ. Выходя изъ него, дѣти нашли тыкву, лежавшую у паперти, и обглодали ее. За околицей они со страхомъ увидали солдатъ, шедшихъ къ нимъ навстрѣчу. Бѣжать не было возможности; въ нѣсколько минутъ непріятели ихъ настигли. Между ними было двое, которые показались Александру Кузьмичу особенно страшными: на нихъ были каски съ длинными лошадиными хвостами. Старикъ до сихъ поръ не можетъ забыть страха, внушеннаго мальчику этими касками. Солдаты потребовали, чтобы причетникъ отдалъ имъ свои сапоги. Онъ повиновался.

Въ Зюзинѣ они нашли ночлегъ и отдыхъ, и на слѣдующій день дошли до деревушки, гдѣ попросили Христа-ради кусокъ хлѣба. Крестьяне приняли ихъ радушно, угостили, чѣмъ могли, и предложили имъ ночевать въ банѣ. Проснувшись, когда солнце стояло уже довольно высоко, Кузьма Назарычъ разбудилъ жену и дѣтей: ему хотѣлось добраться скорѣй до сосѣдняго села Торычева, гдѣ онъ надѣялся пріютиться у родственника своего,

понамаря. Въ Торычево семейство пришло наканунѣ Рождества Богородицы. Въ двое съ половиной сутокъ путешественники отдалились отъ Москвы не болѣе какъ на восемнадцать верстъ.

Понамарь принялъ ихъ очень ласково и пригласилъ погостить у него. На другой день, послѣ праздничной обѣдни, всѣ разошлись по домамъ, а Александръ Кузьмичъ сталъ играть около церкви. Вдругъ надъ его головой раздался выстрѣлъ. Испуганный ребенокъ оглянулся. Нѣсколько солдатъ стояли шагахъ въ десяти отъ него и стрѣляли, въ кого или во что, онъ не знаетъ. Новая пуля разсѣкла воздухъ. Въ эту минуту женщина схватила за руку оторопѣвшаго мальчика и бросилась съ нимъ въ сосѣдній садъ. Тамъ они спрятались въ крыжовникъ и пролежали молча съ полчаса. Шумъ и выстрѣлы продолжались. Наконецъ, добрая женщина, спасшая Александра Кузьмича, сказала ему вполголоса: «Дополземъ до риги, тамъ лучше». Они пробрались ползкомъ въ ригу, гдѣ просидѣли, пока не водворилась опять тишина на селѣ. Тогда они вышли, робко озираясь, и дошли до дома понамаря. Тамъ произошла безъ нихъ потрясающая сцена.

По возвращеніи изъ церкви, понамарь, съ ребенкомъ на рукахъ, сѣлъ подъ открытое окно, между тѣмъ какъ жена его хлопотала объ обѣдѣ. Вдругъ къ окну подъѣхали верхомъ нѣсколько солдатъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ за воротъ понамаря и ударилъ его саблей. Понамарь, стараясь защитить ребенка, котораго держалъ лѣвою рукой, нагнулся на него, и правая рука несчастнаго была изрублена. Марья Марковна положила второпяхъ на залавокъ мальчика, котораго кормила грудью, а сама бросилась подъ залавокъ. Наконецъ, солдатъ выпустилъ изъ рукъ свою жертву и вошелъ въ избу. Онъ подошелъ прямо къ печкѣ, отворилъ заслонку, и нашелъ въ ней только что поставленный пирогъ и совершенно еще сырую баранину. Онъ разсердился, видя, что обѣдъ еще не готовъ, и захлопнулъ съ нетерпѣніемъ печку. Въ эту минуту грудной мальчикъ, лежавшій на залавкѣ, вскрикнулъ. Солдатъ постучалъ саблей объ полъ и показалъ, чтобы вынесли ребенка. Испуганная мать поторопилась повиноваться, а солдатъ походилъ по комнатѣ, осмотрѣлъ ее и ушелъ.

Вѣроятно, на селѣ происходили еще и другія драмы, но въ семействѣ Александра Кузьмича не осталось о нихъ преданій.

Причетникъ былъ такъ напуганъ разсказанною выше сценой, что рѣшился покинуть Торычево и искать болѣе безопаснаго убѣжища. Переночевавъ у понамаря, онъ повѣрилъ ему жену и дѣтей и ушелъ въ родимое свое село Ермолино, лежащее недалеко. Тамъ его мать, старая попадья, давно уже овдовѣвшая, жила у священника, который доводился ей племянникомъ. Старушка встрѣтила сына со слезами и пригласила его переселиться къ ней со всѣми своими. Хозяинъ дома уѣхалъ съ семействомъ; она жила одна, и разсказала сыну, что убрала хлѣбъ съ поля, потомъ, при помощи добрыхъ людей, обмолотила его и спрятала въ ямы, которыя вырыла не берегу рѣки Битцы. Себѣ же она оставила лишь количество, необходимое для продовольствія. Кузьма Назарычъ возвратился въ Торычево, за женой и дѣтьми, и поселился съ ними у матери. Цѣлыхъ двѣ недѣли семейство отдыхало въ Ермолинѣ отъ своего грустнаго путешествія. Когда истощался запасъ хлѣба, причетникъ бралъ лопату, отгребалъ груды песку, скрывавшія рожь, зарытую старушкой, и возвращался домой съ новою провизіей. Хотя семейство жило не безъ лишеній, оно благодарило Бога, пославшаго ему кровъ и насущный хлѣбъ. Но разъ раздался на селѣ роковой крикъ: французы! и по улицѣ пробѣжали крестьяне, вооруженные топорами и рогатинами; иные держали ружья. Всѣ толпились за амбаромъ, стоявшимъ на дорогѣ, по которой ѣхали верхомъ два непріятеля. Они приближались медленно, сдерживая лошадей и озираясь во всѣ стороны. Въ ту минуту какъ они поровнялись съ амбаромъ, раздался выстрѣлъ: одинъ изъ нихъ зашатался и свалился мертвый съ лошади. Другой ускакалъ. Погнались за нимъ и пригнали его къ рѣкѣ, но онъ бросился въ нее и переплылъ на другой берегъ.

Крестьяне собрались около убитаго тѣла и глядѣли на него со страхомъ. Они боялись страшнаго возмездія, и рѣшились покинуть село и укрыться въ лѣсъ, стоящій въ нѣсколькихъ верстахъ. Всѣ бросились ко своимъ дворамъ: стали загонять скотъ и увязывать добро на телѣги. Часа черезъ два навьюченные воза потянулись по проселочной дорогѣ; за ними шли плачущіе поселяне Ермолина, и крикъ дѣтей и стоны женщинъ сливались съ воемъ и ревомъ скота, который они гнали предъ собой.

Причетникъ и его семейство опять покинули уголокъ, въ которомъ пріютились, и послѣдовали за отъѣзжавшими. Пошла за ними и старушка, но брать съ собой ей было нечего, за исключеніемъ испеченнаго хлѣба. На селѣ оставался лишь одинъ дряхлый старикъ, не рѣшившійся покинуть своего очага. Крестьяне забились въ лѣсную чащу и расположились жить подъ открытымъ небомъ. Они захватили съ собой съѣстной провизіи: питались картофелемъ и хлѣбомъ, и дѣлились своею скудною трапезой съ семействомъ причетника.

Такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ въ Ермолино явился непріятельскій отрядъ. Солдаты, обошедши всѣ избы, нашли бѣднаго старика и требовали, чтобъ онъ показалъ имъ, гдѣ скрываются жители. Онъ прикинулся, что не понимаетъ. Непріятели жестоко избили его и зажгли село. Пламя быстро распространилось, и черезъ нѣсколько часовъ отъ Ермолина остались лишь обгорѣвшіе столбы, двѣ-три избы, домъ священника и нѣсколько сараевъ, пощаженныхъ огнемъ.

Причетникъ и его семейство, проживъ около недѣли въ лѣсу, ушли въ сосѣднюю деревушку, гдѣ нашли убѣжище у бѣднаго крестьянина. Долго скитались они изъ одного селенія въ другое, чтобы не утомить гостепріимство добрыхъ людей, и существовали именемъ Христа, но съ непріятелями уже не встрѣчались. Въ Москву они воротились не раньше весны.

XI.

Преданія Зачатіевскаго монастыря*).

(Въ Зачатіевскомъ монастырѣ сохранились устныя и письменныя преданія, изъ которыхъ я почерпнулъ слѣдующій разсказъ.)

Въ 1812 году считалось въ Зачатіевскомъ монастырѣ 99 человѣкъ. Игуменья Доримедонта Протопопова, вдова изъ дворянъ,

*) Къ разсказамъ очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ я считаю не лишнимъ присоединить нѣсколько преданій и легенды, сложившіяся у насъ о Наполеонѣ и ходившія въ народѣ послѣ нашествія непріятеля.

была женщина уважаемая и болѣе или менѣе образованная. Она объявила, что не покинетъ обители, и старалась поддержать во всѣхъ бодрость и надежду. Ея примѣръ и увѣщанія такъ сильно подѣйствовали на умы, что только 23 женщины выѣхали изъ города при извѣстіи о приближеніи Наполеона. Одинъ изъ священниковъ, Михаилъ Васильевичъ, уѣхалъ также со своимъ причтомъ, но, другой, Емельянъ Егоровичъ, остался.

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, игуменья, въ сопровожденіи казначеи, двухъ послушницъ и церковницы, пошла въ новопостроенную, но еще не отдѣланную соборную церковь. Полъ на сводахъ не весь успѣли устлать плитами: ризница и утварь были спрятаны въ оставшееся отверстіе, которое заложили рѣзьбой, приготовленною на иконостасъ, потомъ завалили мусоромъ. Но все необходимое для богослуженія оставалось на престолахъ, потому что игуменья и священникъ рѣшили, что церковная служба не прекратится.

Между тѣмъ монахини укладывали въ сундуки свое добро и имущество, которое было имъ поручено выѣхавшими изъ обители женщинами. Около монастырскихъ воротъ возвышается надъ сводами склепа небольшая палатка, гдѣ горитъ постоянно лампада въ память усопшихъ. Въ эту палатку были перенесены всѣ сундуки.

Лишь только извѣстіе о вступленіи непріятеля въ городъ дошло до обители, игуменья приказала запереть монастырскія ворота. Всѣ были объяты страхомъ. Престарѣлая и давно уже больная монахиня Максимила не выдержала потрясенія, при своемъ слабомъ состояніи, и умерла.

Пожаръ навелъ новый ужасъ на братію. Онъ подходилъ все ближе и ближе къ монастырю, куда укрывались многіе жители изъ горѣвшихъ по сосѣдству улицъ и приносили свои сундуки, которые ставили въ церковь. Однако порядокъ богослуженія не прерывался. Всѣ пріобщались и исповѣдывались. 4-го числа пожаръ достигъ почти до монастырской стѣны. Въ этотъ день отслужили обычную обѣдню, и отпѣвали Максимилу. По окончаніи церемоніи, въ ту минуту какъ ея тѣло выносили изъ церкви, чтобы предать землѣ, монахини были поражены страхомъ при видѣ непріятельскихъ солдатъ, перелѣзавшихъ черезъ стѣны. Тѣло

умершей было оставлено у церковной паперти, и испуганныя женщины бросились назадъ въ церковь и заперли за собой двери. Непріятели начали стучаться и увидали вдругъ монахиню Порфирію, которая вышла изъ церкви до выноса тѣла, чтобъ отнести просфоры въ свою келью. Въ одну минуту Порфирія была окружена солдатами. Они притащили ее къ церковнымъ дверямъ, и объяснили, чтобъ она велѣла отпереть. Она отказывалась; тогда солдаты начали бить ее тесакомъ по плечамъ и по шеѣ. Страданія принудили ее повиноваться. Когда ея умоляющій, отчаянный крикъ поразилъ слухъ осажденныхъ, игуменья приказала отпереть, и непріятели ворвались въ церковь. Они увидали стоящіе около стѣнъ сундуки и принялись немедленно разбивать ихъ саблями и грабить. Одинъ солдатъ спросилъ по-французски, гдѣ игуменья. Въ числѣ монахинь многія были изъ дворянъ и знали иностранные языки: кто-то отвѣчалъ, что игуменья уѣхала и увезла съ собой все церковное имущество.

Въ это время загорѣлись кельи; непріятели вышли изъ церкви, забравъ съ собой все награбленное добро, и принялись разжигать пожаръ ружейными выстрѣлами; потомъ сломали ворота и ушли.

Игуменья и монахини, испуганныя распространеніемъ пожара, покинули въ смятеніи церковь, бросились въ заднія ворота и добѣжали до рѣки, съ надеждой найти за Крымскимъ мостомъ убѣжище отъ огня. Но толпа непріятелей шла по другому берегу. Увидя ихъ, бѣдныя женщины остановились и, послѣ минутнаго колебанія, бросились обратно къ пылающему монастырю. Огонь охватилъ уже бо́льшую часть келій, но монахини надѣялись спастись въ каменной церкви Неопалимой Купины. За ними послѣдовалъ священникъ. По приказанію игуменьи накачали наскоро и принесли нѣсколько ведеръ воды. Начали немедленно заливать окна при помощи ковшей; черпали также воду горстьми и обрызгивали стекла. Но силы начали ослабѣвать, вода истощилась, итти опять къ колодцу становилось уже трудно, а между тѣмъ огонь все распространялся, и стекла оконъ начинали лопаться. Полное отчаяніе овладѣло монахинями. Онѣ видѣли предъ собой неминуемую смерть, и обнимали другъ друга, съ плачемъ, на послѣднее прощаніе. Игуменья обратилась къ священнику:

«Отецъ мой,—сказала она,—смертный часъ насталъ: прочтите намъ отходную». Всѣ опустились на колѣни. Отецъ Емельянъ сталъ предъ Царскими дверьми и прочелъ молитвы умирающихъ. Голосъ его дрожалъ, и слова его сливались съ рыданіями и трескомъ рушившихся кругомъ строеній.

Между тѣмъ монахиня Порфирія, которая шла впереди другихъ, когда онѣ пытались покинуть обитель, поровнявшись съ Крымскимъ мостомъ, увидала на противоположномъ берегу рѣки графиню Екатерину Петровну Зотову*), съ которою была знакома, перебѣжала черезъ мостъ, и спросила у графини, не можетъ ли она оказать имъ какую-нибудь помощь. Графиня указала ей на стоявшій вблизи небольшой домъ, около котораго тѣснились толпой москвичи. Въ немъ квартировалъ непріятельскій чиновникъ, баронъ Таулетъ, который сталъ уже извѣстенъ въ городѣ своимъ милосердіемъ. Онъ защищалъ нашихъ отъ грачежа и насилій. Многіе обращались къ его покровительству, и онъ басто дѣйствовалъ на грабителей властью своего слова, а иногда высылалъ на нихъ своихъ солдатъ, которые ихъ разгоняли. Графиня, въ сопровожденіи Порфиріи, пошла къ нему и просила его прійти на помощь монастырю. «Я сдѣлаю все, что̀ зависитъ отъ меня,—сказалъ баронъ,—но долженъ васъ предупредить, что я дѣйствую незаконно. Сегодня гвардія получила разрѣшеніе грабить**). Я могу при помощи моихъ солдатъ защитить хотя немного несчастныхъ, живущихъ около моей квартиры, но препятствовать открыто грабежу, официально дозволенному, мнѣ невозможно». Онъ предложилъ однако послать солдата за монахинями, которыя могли найти подъ его кровомъ убѣжище отъ пожара и непріятелей. Что касается до монастыря, прибавилъ баронъ, то спасти его отъ грабежа нѣтъ возможности.

Его посланный постучался въ церковныя двери въ ту минуту, когда уже была утрачена всякая надежда на спасеніе. Обрадованныя монахини поспѣшили послѣдовать за нимъ и прошли мимо

*) Урожденная Загряжская.

**) Вскорѣ послѣ своего вступленія въ Москву Наполеонъ далъ своимъ полкамъ разрѣшеніе грабить, но при грабежѣ соблюдалась извѣстная дисциплина. Каждому полку назначался свой день для грабежа (см. *Записки Шевалье д'Изарна. Руск. Арх.*).

покинутаго гроба Максимилы, ожидавшаго погребенія. Живымъ некогда было хоронить мертвыхъ.

Солдатъ проводилъ братію къ своему начальнику. Игуменья горячо благодарила барона Таулета, который предложилъ ей поселиться со всѣми своими у него на квартирѣ, и велѣлъ отвести имъ комнаты.

При игуменьѣ находились лишь монахини, присутствовавшія наканунѣ за обѣдней, но въ монастырѣ оставалось еще много жителей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Иные укрывались въ погребахъ и въ строеніяхъ, пощаженныхъ пламенемъ; другіе успѣли выйти въ ворота, пока огонь не преградилъ еще имъ пути.

Наконецъ, пожаръ, истребивъ почти всѣ деревянныя строенія, остановился. Во всю ночь въ обители никто не смыкалъ глазъ. На другой день плачущія монахини бродили какъ тѣни около почернѣвшихъ столбовъ своихъ келій. Видъ гроба Максимилы поразилъ ихъ ужасомъ. Изъ-подъ обгорѣлой и провалившейся крыши выглядывалъ обгорѣлый трупъ. Тѣло бѣдной старушки, ожидавшее такъ долго погребенія, было, наконецъ, предано землѣ. Возвращаясь съ кладбища, нѣсколько монахинь пошли помолиться въ церковь. Вдругъ на порогѣ появились два непріятеля и запугали своими криками и ружейными выстрѣлами женщинъ, которыя забились въ уголъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Одна изъ нихъ, надѣясь умилостивить солдатъ, подала имъ просфоры, оставленныя наканунѣ на алтарѣ. Солдаты не взяли у нея просфоръ, но сбили съ ея головы шапку, которую унесли съ собой. Въ этой шапкѣ было зашито все ея имущество: двадцатипятирублевая ассигнація.

Вскорѣ послѣ ухода обоихъ солдатъ въѣхали въ ворота фуры, сопровождаемыя цѣлою толпой непріятелей, которые разсыпались по монастырю. Они обошли церкви, сняли одежду съ престола придѣла Св. Алексія-митрополита, унесли вѣнки съ иконъ, три потира съ дискосами и блюдцами, два креста, нѣсколько лампадъ и ризы. Потомъ они разломали палатку, въ которой были скрыты сундуки, поставили ихъ на фуры и увезли. Монахини прятались, куда попало, чтобы не подвергнуться побоямъ и оскорбленіямъ. Въ этотъ день и въ слѣдующій умерли три больныя послушницы, напуганныя пожаромъ и появленіемъ непріятелей.

Игуменья прожила у барона Таулета трое сутокъ. По истеченіи этого срока онъ ей объявилъ, что долженъ переселиться въ домъ Полторацкаго (на Калужской улицѣ), а ей совѣтовалъ возвратиться со всѣми своими въ монастырь. По ея просьбѣ, баронъ согласился послать двухъ солдатъ для охраненія церкви. Но они пробыли въ обители недолго и, уходя, прибили къ воротамъ ярлыкъ, въ которомъ было сказано, что такъ какъ монастырь былъ уже ограбленъ дочиста и выгорѣлъ, то входъ запрещается, чтобы не тревожить напрасно братію.

Поблагодаривъ своего покровителя, игуменья съ монахинями собрались домой. Въ ту минуту какъ онѣ подходили къ рѣкѣ, по мосту шла французская конница. Видъ непріятеля поразилъ такимъ ужасомъ монахиню Назарету, слабую и нервную, что она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя теплую одежду, подбѣжала къ берегу и кинулась въ рѣку. Всѣ вскрикнули. Одинъ изъ французовъ пришпорилъ лошадь, въѣхалъ въ воду, ухватилъ за полу ряски утопающую, поднялъ ее на руки и вернулся къ берегу со своей ношей.

Всѣ окружили Назарету и старались привести ее въ себя. Когда она открыла глаза, ея спаситель просилъ монахинь не бояться ни его, ни его товарищей, и вызвался проводить ихъ до мѣста. Предложеніе было принято съ благодарностью, и всѣ продолжали путь, поддерживая Назарету.

Монахини увидали со слезами дымящіяся развалины своихъ келій, и обошедши весь монастырь, рѣшились поселиться въ церкви Неопалимой Купины. Онѣ возвратились въ день Рождества Богородицы, и въ честь праздника были отслужены всенощная и молебенъ. Съ девятаго числа отецъ Емельянъ служилъ каждое утро часы. Но 22-го, которое приходилось въ воскресенье, онъ освятилъ обнаженный непріятелемъ престолъ, и братія молилась за обѣдней; съ этого дня монахини, міряне, поселившіеся въ монастырѣ, и жители сосѣднихъ улицъ сходились на звукъ колокола, призывавшаго вѣрующихъ къ литургіи. Всѣ торопились, въ ожиданіи смерти, исполнить христіанскій долгъ: каждый день приходили исповѣдники къ отцу Емельяну, за каждою обѣдней были причастники.

Болѣе ста мірянъ укрывались въ обители и жили въ новопостроенной церкви. Всѣ страдали отъ недостатка съѣстныхъ

припасовъ. Подъ кельей игуменьи находился подвалъ, въ которомъ хранилось незначительное количество муки. Келья была истреблена пожаромъ, но мука уцѣлѣла, хотя была спалена огнемъ, что придавало ей горькій вкусъ. Монастырскіе жители пекли изъ нея лепешки. Кромѣ того, нѣсколько человѣкъ изъ мірянъ отправлялись каждый день на сосѣдніе огороды, гдѣ собирали на общую пользу капусту и картофель. Иные ходили на Москву-рѣку и брали съ барокъ немного пшеницы, которую разваривали въ водѣ. Но и въ этой скудной пищѣ оказывался часто недостатокъ, и многіе больные и престарѣлые не выдержали горя и лишеній, и умерли.

Несмотря на ярлыкъ, прибитый къ воротамъ, непріятели не разъ появлялись въ монастырѣ, но не позволяли себѣ ни грабежа, ни насилій, и довольствовались лишь удовлетвореніемъ своего любопытства. Они ходили по церквамъ и осматривали ихъ.

Около Покрова явился французъ, который спросилъ начальницу, прибавляя, что до нея есть дѣло. Его привели къ игуменьѣ, и онъ показалъ ей бумагу, подписанную французскимъ комендантомъ. Каждый, къ кому приносилась эта бумага, былъ обязанъ объявить, сколько онъ держитъ у себя жителей, и въ чемъ состоитъ имущество каждаго изъ нихъ. Въ концѣ было сказано, что тотъ, кто утаитъ истину, подвергнется разстрѣлянію. Игуменья заявила письменно о числѣ монастырскихъ жителей; что же касается до ихъ имущества, то она прибавила, что монастырь былъ ограбленъ дочиста, и что пожаръ или непріятели оставили также въ совершенной нищетѣ укрывающихся въ немъ мірянъ.

Предъ выступленіемъ Наполеона изъ Москвы разнесся всюду слухъ, что городъ будетъ взорванъ, и москвичи будутъ перерѣзаны. Ожиданіе новой катастрофы наводило на жителей обители неодолимый страхъ, но отецъ Емельянъ поддерживалъ ихъ бодрость, молился съ ними и увѣщавалъ ихъ не предаваться отчаянію и ожидать покорно конца испытанія, посланнаго Богомъ. Всѣ находили въ немъ опору и утѣшеніе, и до сихъ поръ монастырскія преданія сохранили память о его благочестіи и духовной доблести.

XII.

Преданія Алексѣевскаго монастыря*).

Нѣтъ уже въ живыхъ ни одной изъ монахинь, остававшихся въ Алексѣевскомъ монастырѣ во время Наполеоновскаго нашествія. Но знаютъ, по монастырскимъ преданіямъ, что въ послѣднихъ числахъ августа архіепископъ Августинъ далъ знать игуменьѣ, Козловской, чтобъ она собрала все церковное богатство, за которымъ онъ пришлетъ подводы. Утварь и ризница были немедленно уложены въ ящики, но на слѣдующій день архіерей приказалъ сказать игуменьѣ, чтобъ она скрыла ихъ въ самомъ монастырѣ, потому что онъ не могъ достать лошадей. Игуменья велѣла поднять чугунныя плиты трапезной церкви, и спрятала подъ полъ часть монастырскаго имущества, а остальное было зарыто подъ поломъ кельи казначеи.

Дня за два до вступленія непріятеля въ Москву игуменья покинула городъ; бо́льшая часть монахинь также ушли. Въ монастырѣ остались однѣ старушки и нѣсколько молодыхъ. 3-го или 4-го сентября непріятели пришли въ монастырь. Монахини заперлись въ трапезной церкви, но непріятели сорвали двери, ворвались и ограбили все, что̀ оставалось въ храмѣ. Скромное имущество монахинь, спрятанное въ кладовую, было также разграблено, и солдаты нарядились въ монашескія ряски. Нѣсколько человѣкъ поселились въ кельѣ игуменьи, гдѣ пировали двое сутокъ, и приглашали къ себѣ молодыхъ монахинь. Одна изъ нихъ пошла добровольно на позоръ. Преданіе сохранило даже ея имя.

Многіе изъ мірянъ искали убѣжища въ обители. Между ними и пирующими солдатами произошла ссора. Дѣло дошло до драки, и одинъ изъ нихъ былъ умерщвленъ у церковной паперти.

Лишь только непріятели ушли, старушки рѣшились просить защиты у одного изъ французскихъ командировъ, который

---

*) Онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ выстроенъ впослѣдствіи храмъ Христа Спасителя и перенесенъ въ Сокольники лишь въ тридцатыхъ годахъ.

квартировалъ недалеко, въ домѣ князя Голицына. Командиръ принялъ ихъ очень вѣжливо, спросилъ черезъ переводчика, чего они желаютъ, и, выслушавши ихъ просьбу, приказалъ немедленно прибить къ монастырскимъ воротамъ ярлыкъ, которымъ запрещалъ входъ въ обитель. Однако эта мѣра оказалась безполезною. Непріятели явились опять, насыпали пороха около келій, которыя были деревянныя, и зажгли его. Монахини спасались въ каменную церковь и принесли въ нее нѣсколько ушатовъ воды. Онѣ навязали тряпокъ на шесты, обмакивали ихъ въ воду, и кропили окна, чѣмъ, вѣроятно, спасли церковь. Между тѣмъ четыре женщины, потерявшіяся совершенно отъ страха, бросились въ погребъ, гдѣ надѣялись найти убѣжище, но сосѣднее строеніе загорѣлось, что̀ лишило ихъ возможности выйти, и онѣ задохлись отъ дыма. На другой день одна изъ монахинь спустилась въ погребъ за провизіей и наткнулась на ихъ трупы. Эти несчастныя были крѣпостныя г-жи Раевской, которая жила въ монастырѣ и держала свою прислугу. Онѣ привыкли къ монастырской жизни и, послѣ кончины своей помѣщицы, получили отъ ея наслѣдниковъ позволеніе остаться въ обители.

Монахини поселились въ уцѣлѣвшей церкви. Провизіи въ погребахъ почти не оставалось: непріятели все забрали, за исключеніемъ крупы, которая сдѣлалась единственною пищей монахинь. Онѣ разваривали ее на угляхъ своихъ дымящихся келій, и пробивались такимъ образомъ со дня на день до той минуты, когда непріятели покинули Москву.

XIII.

Преданія Никитскаго монастыря.

Игуменья Маргарита собрала все монастырское имущество и спрятала его въ кладовую, которая было пристроена къ соборной церкви, а двери кладовой заложила. Одна изъ монахинь просила, чтобъ ей дозволили взять на сбереженіе иконы Тихвинской Божіей Матери и Николая Чудотворца, къ которымъ питала особенную вѣру. Игуменья уступила ея просьбѣ, и монахиня

завернула обѣ иконы въ пелену, потомъ зашила ихъ въ рогожу, и отнесла въ погребъ, гдѣ спрятала за пустыми кадками.

Въ монастырѣ остались лишь однѣ старушки. Сама игуменья выѣхала изъ него за нѣсколько часовъ до вступленія Наполеона въ Москву. Непріятели приходили не разъ къ монахинямъ, требовали отъ нихъ вина и денегъ, и били бѣдныхъ женщинъ, которыя не могли дать имъ ни того ни другого.

Монастырь загорѣлся: выйти въ ворота не оказалось возможности, но монахини влѣзли на кровли не объятыхъ еще пламенемъ келій, спустились на улицу и бродили по городу безъ пристанища. Наконецъ, онѣ возвратились къ своему монастырю: пожаръ уже затихъ. Храмы Дмитрія Солунскаго и Словущаго Воскресенья уцѣлѣли, но почти всѣ кельи, церкви Никиты Мученика и Введенія во храмъ Божіей Матери были истреблены огнемъ. Кладовая была разграблена. Отъ всего монастырскаго богатства остались лишь двѣ иконы, спасенныя монахиней.

XIV.

Разсказъ Николая Дмитріевича Лаврова, священника церкви Спиридонія, что на Спиридоновкѣ.

Наша армія проходила Москвой 1-го сентября, и въ этотъ самый день мы выѣхали изъ Москвы.

Мой отецъ былъ діакономъ Новодѣвичьяго монастыря, и лишь тогда рѣшился покинуть свой домъ, когда все вокругъ насъ стало пусто. Надо было достать хоть одну лошадь, чтобъ подняться съ мѣста, и куда, куда за ней не бросались! Наконецъ, купили ее дорогой цѣной, и навьючили телѣгу разной кладью, а чего невозможно было захватить, то зарыли въ землю.

Ѣхали верстъ за сорокъ, въ Бронницкій уѣздъ, въ село Архангельское, гдѣ священникъ приходился роднымъ дядей моему отцу. Городомъ мы пробрались спокойно, но лишь выѣхали за заставу, началась настоящая пытка. Большой дорогой шли наши полки, и тянулась толпа москвичей, которые спасались подобно намъ. Не понимаю до сихъ поръ, какъ мы не были задавлены

фурами, пушками, конными и пѣшими, которые напирали на насъ. Шумъ и гвалтъ были невыносимы, сотни голосовъ окликали другъ друга; проѣдемъ нѣсколько шаговъ, и станемъ. На телѣгу сажали поочередно меня и восьмилѣтнюю сестру, она была годомъ меня моложе. Отецъ правилъ, а мать и сестра отца, съ своимъ мужемъ, которые жили также у насъ, шли пѣшкомъ.

Наконецъ, Господь помогъ намъ выбраться на открытую дорогу, и мы доѣхали благополучно до Архангельска. Дѣдъ мой былъ благочестивый старикъ, совершенно уже сѣдой, съ длинной желтоватой бородой. Онъ самъ, его жена и все ихъ семейство встрѣтили насъ съ большой радостью и радушіемъ. Дома духовенства стояли на горѣ, отдѣльно отъ села, и дѣдъ мой недавно отстроился. Онъ намъ отвелъ половину своего дома, состоящую изъ очень большой комнаты, которую предполагали перегородить на четыре части. Бабушка насъ накормила; мы разсбрали наши пожитки, и отдохнули отъ тяжелой дороги.

Дней пять мы жили спокойно. Но разъ,— дѣло шло уже къ вечеру,— собрались мы пить чай, и приглашаемъ своихъ хозяевъ. А они уже сами поставили самоваръ, и насъ къ себѣ зовутъ. Стало дѣло за споромъ, и порѣшили, наконецъ, на томъ, что у кого перваго закипитъ самоваръ, тотъ и будетъ угощать. Очень намъ понравилась эта выдумка: мы собрались около нашего самовара и старались общими силами раздуть въ немъ уголья. Наконецъ, къ общей нашей радости, онъ заклокоталъ, и надъ нимъ показалась струйка бѣлаго пара. «Закипѣлъ! закипѣлъ!» крикнули мы, но въ ту же минуту одинъ изъ моихъ дядей вошелъ къ намъ въ комнату, взялъ нашъ самоваръ и унесъ его на другую половину дома. Мы послѣдовали за нимъ, смѣясь и утверждая, что право угощать отнято у насъ несправедливо. Однако пришлось покориться, и мы размѣстились около стола, предъ которымъ сидѣла моя бабушка, въ ожиданіи, чтобъ и ея самоваръ закипѣлъ. Наконецъ, чай былъ разлитъ, и каждый получилъ свою чашку. Но лишь только успѣлъ я вылить мой чай на блюдечко, нашъ смѣхъ и говоръ были внезапно прерваны: кто-то стучался въ окно: мы всѣ обернулись.

— Батюшка,— крикнулъ торопливо со двора знакомый голосъ діакона,— не пугайтесь: французы пришли.

Мы вскочили съ своихъ мѣстъ. Что дѣлать? «Запереть ворота», сказалъ, наконецъ, дѣдъ.

Ихъ заперли, но ненадежна была крѣпость. Французы сперва постучались, потомъ одинъ изъ нихъ перелѣзъ черезъ ворота, отперъ ихъ, и впустилъ своихъ товарищей.

Мы на нихъ смотрѣли, ни живы ни мертвы, изъ окна. Ихъ было всего шесть человѣкъ. Одинъ сталъ ѣздить дозоромъ вокругъ двора, а прочіе вбѣжали шумно въ домъ, и загнали насъ всѣхъ въ большую комнату, гдѣ мы жили.

Четверо изъ нихъ ворвались за нами, а пятый сталъ въ отворенныхъ дверяхъ, и уперся ногою въ притолку, чтобъ отнять у насъ всякую возможность къ бѣгству. Мы стояли всѣ около стѣны, и я помню до сихъ поръ, какія мысли меня волновали. Мы были воспитаны въ самыхъ благочестивыхъ правилахъ, и не столько страха внушала мнѣ близость смерти, какъ мысль, что мы къ ней не приготовились и не успѣли исповѣдать прегрѣшеній нашихъ предъ Богомъ.

Непріятели стали обшаривать комнату; они остановились предъ запертыми комодами и потребовали знаками ключей. Мой дядя обернулся къ дѣду:

— Гдѣ ключи?—спросилъ онъ.

Но бѣдный старикъ совершенно растерялся и бросался безъ всякой цѣли изъ стороны въ сторону. Одинъ изъ солдатъ, выведенный изъ терпѣнія, началъ бить его тесакомъ по спинѣ. Бабушка моя перекрестилась, и солдатъ освирѣпѣлъ окончательно: онъ размахнулся саблей, ударилъ старушку по рукѣ, и отсѣкъ у нея два пальца.

Крикъ раздался въ комнатѣ... «За печкой топоръ», сказалъ одинъ изъ моихъ дядей, и бросился къ печкѣ.

— Оставь, оставь!—говорили женщины:—однимъ топоромъ не справишься, а только бѣдъ надѣлаешь...

Но топоръ былъ уже въ его рукахъ. Къ счастью, непріятели ошиблись въ его намѣреніи, и подумали, что за неимѣніемъ ключей дядя хочетъ рубить комодъ и сундуки. Солдатъ выхватилъ у него топоръ изъ рукъ, и ударилъ по ящику, который вытащилъ изъ-подъ кровати. Въ ящикѣ лежалъ сахаръ. Непріятели его бросили и принялись за комодъ и за сундуки, гдѣ хранилась

холстина и разная домашняя рухлядь. Они все перерыли, многое взяли съ собой и ушли.

Легко можно себѣ представить, какую мы провели ночь. Всѣ были такъ напуганы, что рѣшили единодушно искать болѣе вѣрнаго убѣжища. Верстахъ въ полутора, не больше, лежала деревушка, прихожая къ Архангельскому, и мы надѣялись, что туда непріятели не сунутся: она была окружена такимъ болотомъ, что кто не зналъ твердо дороги, тотъ могъ легко погибнуть на пути. Имени этой деревушки я не помню. Жители ея терпѣли страшную нужду и питались, большею частію, Христовымъ именемъ, такъ что мы сильно сомнѣвались въ возможности найти у нихъ средства къ существованію, и сочли нужнымъ запастись провіантомъ. Замѣсили квашню съ ранняго утра, потомъ собрали оставшіяся въ домѣ вещи и зарыли ихъ въ землю. Наконецъ, затопили печку и посадили хлѣбъ. Лишь только онъ былъ испеченъ, мы пустились въ путь. Мы оставляли скотину и усадьбу на попеченіе Бога и добрыхъ людей и выходили изъ дома съ крестомъ, съ молитвой и съ насущнымъ хлѣбомъ.

Сумерки уже наступали. Съ утра шелъ дождь и размылъ болото; ноги наши вязли на каждомъ шагу въ густой грязи, и мы промокли до костей. Долгій путь не до такой степени утомилъ бы насъ. Наконецъ, мы достигли цѣли нашего странствованія. Бѣдный крестьянинъ пригласилъ насъ къ себѣ и затопилъ печку, чтобъ мы могли обогрѣться. Его тѣсная, низенькая, убогая избушка была выстроена безъ трубы, и лишь только затрещали дрова, комната наполнилась такимъ густымъ дымомъ, что намъ пришлось отворить настежь дверь.

Много натерпѣлись мы лишеній и долго прожили на своей незатѣйливой квартирѣ, гдѣ спали вповалку и питались, чѣмъ Богъ посылалъ. Мои дяди хаживали поочередно домой, чтобы принести намъ чего-нибудь съѣстного, а главное, чтобъ разузнать, что дѣлается въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Вѣсти были самыя горькія: Москва горѣла, непріятели всюду бродили, и крестьяне покидали свои жилища и искали убѣжища въ лѣсахъ.

Недалеко отъ насъ стояло человѣкъ пятьдесятъ казаковъ. Они узнали, что въ сосѣдній лѣсъ пришло до пятисотъ непріятелей. Казаки, не теряя времени, бросились въ нашу деревню, увели

мужиковъ и спрятали ихъ за кусты около опушки лѣса. Иные хаживали на охоту и слыли хорошими стрѣлками. Они пришли съ ружьями, а прочіе съ чѣмъ попало: кто съ вилами, кто съ дубиной, а кто съ топоромъ. Приказали имъ казаки, чтобъ сидѣли они смирно по своимъ мѣстамъ, и лишь только раздастся ружейный выстрѣлъ, чтобъ начали они всѣ бѣгать, въ одномъ направленіи около лѣса. Между тѣмъ непріятели развели костры, и стали готовить обѣдъ. Несмотря на осеннюю пору, погода стояла красная; въ этотъ день было даже жарко, такъ что многіе сняли съ себя мундиры, а ружья всѣ положили на траву. Вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ: мужики стали кружиться около лѣса, а казачій отрядъ нагрянулъ на непріятелей, которыхъ засталъ врасплохъ. Всѣ бросились къ ружьямъ, толкая и сбивая съ ногъ другъ друга. Но когда они увидали мужиковъ, бѣгающихъ около лѣса, имъ показалось, что ихъ настигло многочисленное войско, и они сдались безъ боя. Когда они поняли свою ошибку, то пришли въ отчаяніе, но приходилось покориться судьбѣ: ихъ ружья находились уже въ рукахъ нашихъ.

Около половины октября пошелъ мой отецъ развѣдать о непріятеляхъ, и ему сказали, что они покинули Москву. Тогда захотѣлось ему взглянуть на нее, и онъ пустился въ путь. Но не успѣлъ онъ еще вступить въ развалины города, когда раздался взрывъ въ Кремлѣ; за нимъ послѣдовали другіе. Долго не могъ отецъ прійти въ себя, и, наконецъ, побрелъ дальше и очутился среди выгорѣвшихъ улицъ. Сердце въ немъ замирало на каждомъ шагу, вездѣ разрушеніе, вездѣ дымился еще пожаръ, и наши крестьяне грабили немилосердно. Не скоро достигъ онъ Дѣвичьяго поля. Бѣдный отецъ былъ убѣжденъ, что отъ нашего крова остались одни обгорѣлыя бревна. Но вотъ, наконецъ, и наша сторонка, и что жъ? монастырь стоитъ невредимъ, и среди разрушенныхъ строеній уцѣлѣли, какимъ-то чудомъ, домики обоихъ діаконовъ. Перекрестился отецъ и живо вошелъ на наше крылечко, но вдругъ къ нему подбѣжали человѣкъ пять мужиковъ.

— Куда идешь? — кричали они.

— Къ себѣ, — отвѣчалъ онъ: — я хозяинъ этого дома.

— Здѣсь нѣтъ хозяевъ, — заоралъ одинъ изъ нихъ, и они окружили его. Но онъ шмыгнулъ быстро въ дверь, захлопнулъ

ее за собой и наложилъ на нее крючокъ. Къ счастью, буяны не нашли нужнымъ преслѣдовать отца.

Убѣдившись, что они удалились, онъ обошелъ домъ. Очевидно было, что у насъ стояли непріятели и, по всей вѣроятности, инженеры: на столѣ лежало пять плановъ. Но все осталось въ цѣлости, домъ не пострадалъ отъ непрошенныхъ жильцовъ.

Отецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ его окружили монахини и казначея, Сара Николаевна, и разсказывали ему, какъ французы у нихъ стояли, и какъ хотѣли взорвать монастырь.

Непріятель оставилъ въ обители много всякихъ запасовъ и, между прочимъ, въ одной изъ монастырскихъ башенъ нѣсколько бочекъ съ виномъ. На бѣду, открыли ихъ наши крестьяне, приходили цѣлыми толпами въ монастырь, и напивались допьяна. Бѣдныя монахини пришли въ отчаяніе, и не знали, куда обратиться за помощію. Отецъ мой вызвался итти къ генералу Иловайскому и просить его защиты противъ пьяной черни. Иловайскій приказалъ разрубить всѣ бочки, что было немедленно исполнено. Впослѣдствіи полиція забрала прочіе запасы, оставленные непріятелемъ.

Казаки Иловайскаго избавили немедленно Москву отъ грабежа своихъ, и мой отецъ, видя, что все безопасно въ городѣ, вернулся за нами. Мы простились съ дѣдомъ и его семействомъ, и пустились въ путь.

Москва не произвела на меня потрясающаго впечатлѣнія, какого можно было ожидать, потому что мы пробирались валомъ, окружающимъ ее, и въѣхали въ городъ около самаго Дѣвичьяго поля. Я помню однако груды почернѣвшихъ кирпичей, обгорѣлыя бревна и густой дымъ, стоявшій въ воздухѣ.

Домъ дьячка нашего Горлицына сгорѣлъ до тла. Старикъ былъ въ большомъ горѣ: онъ могъ, разумѣется, пріютиться у добрыхъ людей, потому что въ это страшное время никто не отказывалъ въ помощи другимъ, но Горлицынъ привыкъ жить подъ собственнымъ кровомъ. Онъ придумалъ на мѣстѣ своего дома поставить мазанку и вмѣстѣ съ сыномъ принялся немедленно за дѣло. Они поймали на огородѣ лошадь, оставленную, вѣроятно, непріятелями, отыскали телѣгу и поѣхали въ лѣсъ, гдѣ нарубили кольевъ. Насажали они эти колья въ кружокъ, забрали ихъ

хворостомъ, и обложили съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ глины. Крышу тоже устроили изъ глины и хвороста, продѣлали окна, сложили печку съ трубой, и вышла у нихъ настоящая малороссійская хата, теплая и свѣтлая. Она простояла года три, потому что нескоро могъ дьячокъ приступить къ постройкѣ дома. Но сынъ его Евстафій Ивановичъ хорошо учился и принялся давать уроки. Попалъ и я къ нему въ ученики, и особенно мнѣ памятна эта хата, гдѣ я впервые сталъ склонять латинскіе и греческіе глаголы и гдѣ такъ часто толковали о Наполеоновскомъ нашествіи.

XV.

Легенды.

Какъ поселился Бонапартъ въ Кремлѣ, такъ и думалъ добраться до Сергіевской лавры, и вошелъ на колокольню Ивана Великаго, чтобы посмотрѣть на Троицкую дорогу. Пуста была дорога, и развивалась предъ нимъ что̀ лента, и онъ узналъ тотчасъ святую обитель. «Пойду туда, — говоритъ онъ вслухъ: — много тамъ накоплено богатства, много серебра и золота и камней самоцвѣтныхъ, и все будетъ мое. Дорога открыта: Русскій царь собралъ въ другое мѣсто свое войско, а здѣсь не стоитъ ни одного воина, не блеститъ ни одного штыка».

И вдругъ, онъ видитъ, выходитъ изъ монастырскихъ воротъ сѣдовласый старецъ въ монашеской рясѣ и съ крестомъ въ рукѣ. За нимъ идетъ несмѣтное войско. Стало ему мало большой дороги, и покрыло оно всѣ засѣянныя поля. А старецъ все идетъ впереди, и вдругъ онъ поднялъ глаза и показалъ Бонапарту золотой крестъ. А Бонапартъ такъ испугался, что чуть не слетѣлъ съ Ивановской колокольни.

По другому преданію, Наполеонъ водилъ свое войско до трехъ разъ на лавру и подходилъ къ самому монастырю, но вдругъ предъ нимъ выросталъ лѣсъ дремучій. Страхъ нападалъ на войско, и оно возвращалось два раза въ Москву; а въ третій — рѣшился Бонапартъ пробиться во что̀ бы то ни стало черезъ лѣсъ, да и

проплуталъ въ немъ трое сутокъ, и насилу ужъ выбрался опять на Московскую дорогу.

Какъ бы то ни было, пришлось ему отказаться отъ своей попытки, а возвращаться ему къ своимъ съ пустыми руками не хотѣлось. Что было у насъ богатства въ домахъ и въ церквахъ, все было спрятано, и немного оставалось французу на поживу. А Бонапартъ зналъ, что у насъ въ Чудовѣ покоятся мощи митрополита Алексѣя, и думалъ онъ: «Русскіе его похоронили въ святительской ризѣ, а риза та осыпана драгоцѣнными каменьями, и на святительской шапкѣ столько горитъ алмазовъ, что если половину продать, то одѣлю я деньгами все мое войско, остальныя отвезу я во Францію, всѣмъ на диво». Пошелъ онъ въ Чудовъ, сорвалъ золотую печать съ гроба угодника, и гробовую доску снялъ. Видитъ онъ — лежитъ великій угодникъ въ своей святительской одеждѣ, и горятъ алмазы и всякіе каменья на его ризѣ и шапкѣ. Обрадовался Бонапартъ, да лишь только занесъ руку на шапку, святитель поднялся въ своемъ гробѣ и гнѣвно на него взглянулъ. «Какъ ты смѣлъ, говоритъ, тревожить меня, старца? Ты великое примешь за то наказаніе отъ Бога. Пришелъ ты на свою гибель въ Москву златоглавую. Привелъ ты на нее сотни тысячъ воиновъ, и усѣешь ихъ тѣлами русскія поля, а самъ ты умрешь на далекомъ островѣ, за тридевять земель, на Кіянѣ-морѣ». И ударилъ его въ щеку святой угодникъ, потомъ легъ опять въ свой гробъ, и гробовая доска сама его накрыла.

А Бонапартъ себя не вспомнилъ и упалъ. Долго пролежалъ онъ замертво, и какъ очнулся, такъ собралъ около себя свое войско и спрашиваетъ: «Много ли васъ?» Они говорятъ: «Насъ полтора милліона, а русскихъ нѣтъ и пятой доли супротивъ насъ». А Бонапартъ имъ говоритъ: «Стоитъ за русскихъ другая сила, и той силы намъ не сокрушить. Нечего намъ здѣсь дѣлать: домой!» А много ли изъ нихъ дошли до родины? Усѣяли они своими тѣлами русскія поля, по словамъ угодника, а Бонапартъ умеръ на далекомъ островѣ, за тридевять земель, на Кіянѣ-морѣ.

Гдѣ ты, матушка, бѣлокаменная,
Москва красная, златоглавая,
Царства русскаго дочь любимая,
Царя бѣлаго само-первый градъ,

Древней старости слава вѣчная?
Охъ, гдѣ блескъ твоихъ лучей солнечныхъ?
Гдѣ глава твоя престарѣлая?
Ужъ не видимъ мы золотыхъ крестовъ,
Ужъ не слышимъ мы колокольный звонъ.
Смрадъ, да пепелъ, да развалины
Всюду видятся въ каменной Москвѣ.
А Москва-рѣка обагрилася,
Не струей течетъ, а котломъ кипитъ,
Не суда плывутъ, жертвы кровныя.
Сокрушилъ ее врагъ неистовый,
Самозванецъ злой, ада выродокъ,
Полилися слезы горькія
У старушки каменной Москвы,
Начала такъ вопіять она:
«Гдѣ вы, мои милые,
Соколы-орлы могучіе?
Охъ, куда вы, друзья разлетѣлися?
Какъ цвѣла я, красовалася,
Вы слеталися со всѣхъ со сторонъ.
Насталъ черный день, вы покинули...»

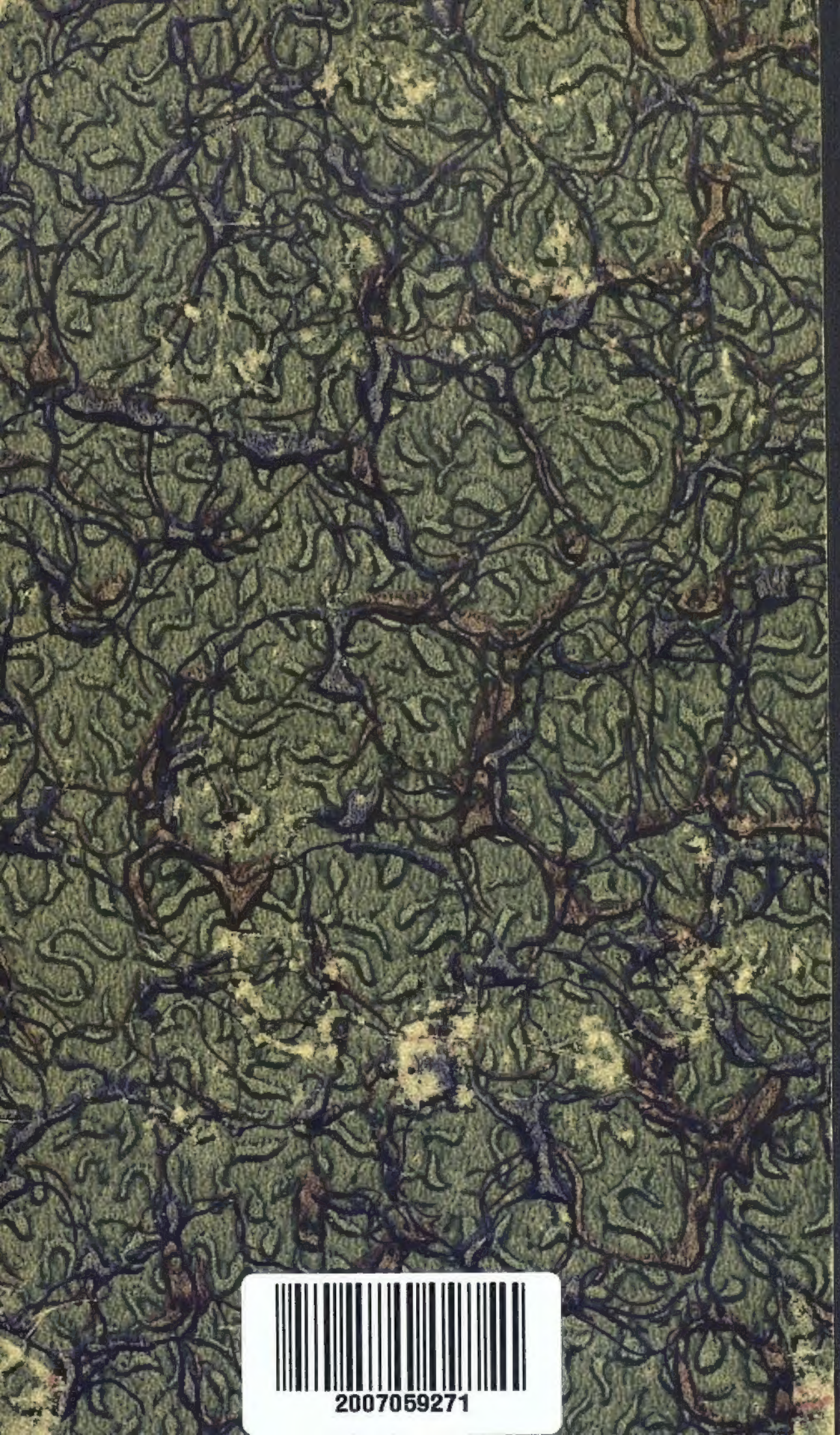
Содержаніе.

Стран.

I. Занятіе французами Дѣвичьяго монастыря 5
II. Imprimerie impériale de la grande armée 19
III. Въ Зубовѣ 24
IV. Въ Страстномъ монастырѣ. 30
V. На Моховой 38
VI. Въ приходѣ Петра и Павла на Якиманкѣ и на Орловомъ Лугу 46
VII. Разсказъ купчихи Анны Григорьевны Кругловой, Шереметевской богадѣленки 59
VIII. Разсказъ одного изъ бывшихъ крѣпостныхъ г. Саймонова, старичка Василія Ермолаевича 67
IX. Въ Рождественскомъ монастырѣ 76
X. Въ окрестностяхъ Москвы 91
XI. Преданія Зачатіевскаго монастыря 97
XII. Преданія Алексѣевскаго монастыря 104
XIII. Преданія Никитскаго монастыря 105
XIV. Разсказъ Николая Дмитріевича Лаврова, священника церкви Спиридонія, что на Спиридоновкѣ 106
XV. Легенды 111

Цѣна 60 коп.

Складъ изданія
въ книжномъ магазинѣ
Н. П. КАРБАСНИКОВА
Москва.



2007059271